

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2018, № 4 (25)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Vasilyeva N.M.*, executive secretary, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burtseva Zh.V.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyшева L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, Doctor in Philosophy, Professor (YaSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2018, № 4 (25)

Учредитель (соучредители):
ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Васильева Н.М.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурцева Ж.В.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, Doctor in Geology and Mineralogy, Professor (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *D.M. Vinokurova*

Editors: *N.I. Degtyareva*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Д.М. Винокурова*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

<i>Ушницкий В.В.</i> Формирование исторического ландшафта Якутии: происхождение хангаласцев	10
<i>Жукова Л.Н.</i> Погребальный обряд тундровых юкагиров: традиции и современность	19
<i>Антонов Е.П.</i> Платон Ойунский: национальная биография в советской империи	27
<i>Григорьев С.А.</i> Власть и коренные народы в Азиатской Арктике: предпосылки возникновения и формирование аборигенных движений в регионе	33
<i>Толстых Г.В.</i> Проблемы развития социальной сферы Республики Саха (Якутия) на этапе перехода к рыночным отношениям	38
<i>Томаска А.Г., Боякова С.И.</i> Уровень и качество жизни коренного населения промышленных районов Республики Саха (Якутия): к вопросу исследования ресурсов мобильности	44
<i>Астахова И.С.</i> К вопросу о включении поселка Черский в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ	50
<i>Константинова Т.Н.</i> Сельские семьи Центральной Якутии в современных условиях	59
<i>Новоприезжий А.О.</i> Отношение к политической власти жителей приленских районов (по материалам экспедиции РГО «Плавучий университет - 2017»)	66

К 200-летию К. Маркса

<i>Махаров Е.М.</i> Востребованность марксистской методологии	73
<i>Миронов Д.Н.</i> «Юриспруденция» К. Маркса: к вопросу об основных разделах	86
<i>Лепов В.В.</i> Маркс и будущее человечества	92

Языкознание

<i>Монастырёв В.Д., Румянцева Л.И. М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ</i> – основатель якутской ономастики	98
<i>Багдарыын Нь.С. уола, Попов В.Г.</i> Материалы к топонимическому словарю Эвено-Бытантайского улуса	102
<i>Серээдар Н.Ч.</i> Базовые модели элементарных простых предложений и их парадигмы в тувинском языке	112

Литературоведение и фольклористика

<i>Покатилова Н.В.</i> Возвращение к истокам: фольклорно-мифологическая парадигма в литературном и научном творчестве П.А. Ойунского	127
<i>Васильев В.Е.</i> Термины шаманизма, не вошедшие в «Толковый словарь якутского языка» (к проблеме мифо-религиозных и семантико-этимологических параллелей)	134
Сведения об авторах	141
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	144

CONTENTS

Historical sciences

<i>Ushnitsky V.V.</i> Formation of the Historical Landscape of Yakutia: Origin of the Khangalassy People	10
<i>Zhukova L.N.</i> Traditional and Modern Burial Rituals of the Tundra Yukagirs	19
<i>Antonov E.P.</i> Platon Oyunsky: National Biography in the Soviet Empire	27
<i>Grigorev S.A.</i> Power and Indigenous Peoples in the Asian Arctic: Prerequisites for the Emergence and the Formation of Aboriginal Movements in the Region	33
<i>Tolstykh G.V.</i> Problems of Social Development Sphere in the Republic of Sakha (Yakutia) at the Stage of Transition to Market Relations	38
<i>Tomaska A.G., Boyakova S.I.</i> The Level and Quality Indigenous Population's Life of Industrial Areas in the Republic of Sakha (Yakutia): the Study of Mobility Resource	44
<i>Astakhova I.S.</i> Inclusion of Chersky Settlement in the List of Places of Traditional Residence and Traditional Economic Activities of Indigenous Peoples in the Russian Federation	50
<i>Konstantinova T.N.</i> Rural Families of Central Yakutia in the Modern Conditions	59
<i>Novopriyemnyy A.O.</i> The Relation to the Political Power of the Residents in the Prilensky Districts (Based on the Expedition of the RGO "Floating University-2017")	66
<i>To the 200th anniversary of Marx</i>	
<i>Makharov E.M.</i> Marxist Methodology	73
<i>Mironov D.N.</i> "The Jurisprudence" by K. Marx: About Basic Sections	86
<i>Lepov V.V.</i> Marx and the Future of Humanity	92

Linguistics

<i>Monastirev V.D., Rumyantseva L.I.</i> M.S. Ivanov – Bagdaryyn Sulbe - the Founder of the Yakut Onomastic ...	98
<i>Bagdaryyn uola N.S., Popov V.G.</i> Materials for a Toponymic Dictionary of Eveno-Bytantaysky Ulus	102
<i>Sereedar N.Ch.</i> Basic Models of Elementary Simple Sentences and Their Paradigms in Tuvan Language	112

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Pokatilova N.V.</i> Return to the Origins: Folk-Mythological Paradigm in the Literary and Scientific Works of P.A. Oyunsky	127
<i>Vasilyev V.E.</i> Shamanism Terms not Listed in the “Yakut Language Dictionary” (Myth-Religious and Semantic-Etymological Parallels)	134
Information about authors	142
The manuscripts rules	144

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

В.В. Ушницкий

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.002

УДК 572.9:94(571.56)

Формирование исторического ландшафта Якутии: происхождение хангаласцев

В данной статье анализируется происхождение этнонима Хангалас. С хангаласцами связан образ родоначальника Эллэя и предводителя всех якутских родов Тыгына. От хангаласцев произошло население не только современного Хангаласского и Мегино-Кангаласского, но и Горного, Олекминского, Сунтарского и Нюрбинского улусов. Хангаласцы также весьма активно участвовали в происхождении якутского населения Абыйского, Момского и Колымских улусов.

Хангаласцы традиционно связываются с тюркским племенем канглы и считаются носителями кыпчакского компонента в составе народа саха. Канглы считаются потомками ираноязычного Кангюй, государства в Средней Азии. По другой версии, канглы сопоставляются с кочевым объединением Гаогюй через слово, обозначающее «телегу». Это гипотеза позволила Г.В. Ксенофонтову связать хангаласцев с древними уйгурами, бежавшими в IX в. к племенам да-шивей. В данное время наиболее популярной является версия А.И. Гоголева, связывающая кангаласцев с кыпчакским компонентом в этногенезе саха. Согласно гипотезе А.И. Гоголева и И.В. Константинова, кангаласцы являются последней волной пришельцев с юга, принесших погребения с конем, и связываются с культурой «кыргыс-ётёхов» XVI–XVII вв.

Исследователь Ю.А. Зуев обнаруживает канглы среди туматов-дубо и буир-нурских татар. В статье подробно обсуждаются эти версии, а также эвенкийская версия происхождения хангаласцев. Гипотеза тунгусоведа В.А. Туголукова основана на наличии Кангаласских родов среди приамурских эвенков и отождествлении их с более ранними нанайцами. Данная версия выводит этноним хангалас от одноименного слова в значении «гусь» и связывает хангаласцев с качинцами и гипотезой Л.Р. Кызласова о происхождении термина «хакас» от слова «хаас».

Ключевые слова: исторический ландшафт, этногенез, происхождение саха, этнонимика, историография, родовой состав, народы Южной Сибири, якутские улусы, история Якутии, эвенки.

В формировании историко-культурного ландшафта Якутии большая роль принадлежит хангаласцам. Иногда предком этого рода считается сам Эллэй, а знаменитый тойон Тыгын –

его предводителем. Долины Эркээни и Туймаада – родовые вотчины хангаласцев, здесь находятся священные места всего якутского народа, связанные с легендарными предками.

© Ушницкий В.В., 2018

Род Хангалас занимает важное место в этнической и политической истории народа саха. Сейчас хангаласцы живут в двух улусах: в Хангаласском, который ранее именовался Орджоникидзевским, и Мегино-Кангаласском. В XVIII–XIX вв. было два хангаласских улуса: это Восточно-Кангаласский и Западно-Кангаласский. На территории Восточно-Кангаласского улуса ныне расположен Горный улус. Также есть поселок городского типа Кангалассы, что на берегу р. Лена. Город Якутск расположен в долине Туймаада, в которой жили прародители народа саха: Омогой Баай и Эллэй Боотур, здесь располагались пастбища «завоевателя всей якутской земли» Тыгын Дархана.

Известно о нескольких крупных восстаниях хангаласцев против ясачного террора казачьих атаманов и воеводской власти, разгромленных военными отрядами, вышедшими из острога. Благодаря своей подвижности они сумели оторваться от преследователей и откочевать со своими стадами в сторону Вилюя и за Верхоянские горы. Осев здесь, они внесли огромный вклад в этногенез вилюйских и северных саха, став этническим ядром народа. Население многочисленного Нюрбинского и Сунтарского улусов более чем наполовину являются потомками кангаласцев, ассимилировавших на месте роды «пеших тунгусов», именуемых в легендах «туматами». Недаром вилюйские легенды свое происхождение связывают с братьями хангаласского владыки Тыгына – Быркингаа Боотура и Босхонг Бэлгэтии, или наложницей отца Тыгына – Мунньана Ньурбакаан, или бабушкой Джаардаах.

К хангаласцам следует отнести жителей многочисленных бордонских и жарханских наслегов в вышеназванных улусах. Так, «князец Бойдон» или Бордонг был из Кангаласской волости. Бордонцы считаются потомками людей кангаласского князца Бойдона или Бордона. Этот князец, собрав около 700 человек из саха и эвенков, в течение двух лет скитался и прятался в лесах Вилюя. Но бордонцы начинают упоминаться в архивных документах сразу после прихода казаков, значит, следует допустить, что Бордон мог возглавить одноименный род кангаласцев. По архивным данным, ярканцы (жарханцы) вплоть до 1640-х гг. жили на Лене, в районе устья р. Синяя [Долгих, 1960].

Хангаласцам принадлежит основная роль в якутском освоении Олекмы, Индигирки – Момского и Абыйского улусов, Колымского края. Широкое участие в формировании вилюйских, олекминских и северных групп якутов, представителей Хангаласского рода, заставляет сделать вывод об исключительной роли хангаласцев в этногенезе саха, ставших его этническим ядром. Исследователь С.И. Боло склонен считать, что «мээтис» происходит от слова «мятежник». Возможно, легендарный якут Мээтис был одним из участников восстания Джеллика. О якутах Колымского и Верхоянского округов ссыльный И. Шкловский в 1892 г. писал: «10 тысяч якутов, живущих здесь, потомки беглецов, спасшихся после страшного разгрома, который потерпели в начале XVIII в. инсургенты, восставшие под предводительством главы Кангаласского улуса Дженника... Оставшиеся убежали на Крайний Север» [Старостина, 2009, с. 20]. Роль участников этого неудачного восстания в освоении окраин якутами из Хангаласской волости требует дополнительного изучения. В то же время в преданиях обычно освоение Вилюя и Севера якутами объясняют бегством от хангаласского владыки Тыгына, преследовавшего своих родственников. Следовательно, одним из исторических прототипов легендарного героя Тыгына можно считать хангаласского родоначальника Дженника (Дьэллика).

В целом саха-якутов можно отнести к оседлым народам, но хангаласцы, будучи ярко выраженными скотоводами, были чрезвычайно мобильными: моментально собрав скот и утварь, шли искать новые земли. Поэтому их можно считать якутскими кочевниками. Обитая в обширных долинах Эркээни и Туймаада, они быстро стягивали конное войско и совершали набеги на земли других родов, обитавших по таежным речным долинам и в алаасах.

Поскольку в документах к хангаласцам относились представители нескольких родов или волостей, то правильнее было бы назвать их племенем. Так, академик А.П. Окладников пришел к выводу о том, что еще на юге у саха сложилось общеплеменное объединение, которое Тыгын Дархан пытался восстановить перед приходом русских завоевателей [Окладников, 1955]. К Хангаласскому племени относились нерюктэйцы, мальжегарцы, нахарцы, составлявшие от-

дельные волости наряду с Кангаласским в документах XVII в. В легендах рассказывается о попытках сопротивления боотуров этих родов Тыгыну – вождю хангаласцев.

Прежде всего, согласно исторической терминологии, племя – это предгосударственное объединение, которое предполагает наличие потестарного института типа вождизма. Поэтому следует разобраться, был ли потестарный институт среди хангаласцев? Русские документы дают сведения о наличии нескольких равноправных вождей среди Кангаласской волости. Это «Тынья» или Тыгын, затем его сыновья Откурай (Ёлкёрёй), Бозеко (Бёдьёкё) и Челай (Чаллаайы); «князец Бюк», в котором угадывается Еюк (Ёйюк); «Бойдон» или вилюйский прародитель Бордонг; «князец Сахей», также бежавший с родом на Глухой Вилюй.

Тыгын – безусловно, историческая личность. Но он не был правителем единого государства или даже общеплеменным вождем. Между тем роль хангаласцев в освоении якутским населением окраин Северо-Востока Сибири постоянно росла в ходе всего XVII в. Хангаласцы, приходя на новые земли, на Вилюй и Колыму, приносили с собой легенды о Тыгыне – владыке хангаласского племени.

Попытаемся проследить происхождение названия Хангалас. Якутские легенды указывают на имя одного из сыновей Эллэя – Хангалас или Хаайа-Хангылы. Но это типичный фольклорный мотив, возводящий происхождение отдельных племен (родов) к именам сыновей прародителя. Антропоним *хангылы* удивительно напоминает этноним *канглы*. Следует учесть, что в якутском языке чередуются буквы *к* и *х*: отсюда написание *хангалас* и *кангалас*. В якутском языке есть глухой звук *н*, в русской орфографии он передается как *нг*. Т.е. в якутском произношении – хан(г)лы, хан(г)алас, а в русской орфографии – канглы, кангалас.

Кангаласцев принято считать носителями кыпчакского компонента в составе саха. Поскольку наличие кыпчакского компонента в этногенезе саха и традиционной культуре доказано, то сразу внимание привлекает сходство этнонимов хангалас и канглы. Некоторые исследователи даже стали считать хангаласцев поздними мигрантами на территорию Якутии, вплоть до XVI в. За основу были взяты легенды

о позднем прибытии Эллэя, ставшего пастухом у богача Омогоя, жившего в долине Туймаада и давшего, согласно Я.И. Линденау, начало «Тойонскому роду», в этом качестве он обрисовал роль Хангаласского рода в якутском обществе [Линденау, 1983].

Основным аргументом привязки хангаласцев к кыпчакам, во многом этнически близким к современным казахам, является родословная Шадриных. На могильной надписи там перечислены предки Эллэя и Омогоя, от которых произошел род Тыгынов. Казахские исследователи Т.А. Инсебаев и Е.З. Кажобеков впервые отметили связь родословной саха и шежере казахского племени аргын. Согласно родословной, предками Омогоя и Эллэя являются: Ёксюкю – Мэйэрэм Сюппю – Хорохой – Аргын – Айаал – Ёрёс Кюёл Дьулдьугун – Тюёртююл – Хайаранг – Омогой, Эллэй. Имена предков саха они сопоставили с родовым делением казахского рода сююндук, входившего в состав аргынов: оразкельды – ёрёскюёлдьулдьугун; тортуул и тюёртююл, мейрам и мэйэрэм-сюппю [Кажобеков, Инсебаев, 1984, с.107–108].

Однако это совпадение, безусловно, не поддерживает никакой лингвистической экспертизы. Здесь наверняка присутствует заимствование грамотными саха из «кыргызского» источника. В XIX в. среди саха жили ссыльные казахи, которых в царской России называли «кыргызами». Именно они могли помочь в составлении родословной, включающей подробные названия племен и родов крупного казахского племени Аргын. К тому же аргыны – отнюдь не кыпчаки, они имеют позднее, татаро-монгольское происхождение.

С хангаласцами связывают прародителя Эллэя. Согласно Я.И. Линденау, Эллэй встретился с Омогоем еще на Верхней Лене, около Качуга [Линденау, 1983]. В долине Туймаада есть места, связанные с Омогоем и Эллэем. Якутский тюрколог и журналист И.И. Гаврильев в газетных и журнальных статьях обнаружил множество монгольских параллелей хангаласцев среди топонимов и имен людей, связанных с родоначальником Эллэем.

Считая канглы новой конфедерацией племен, пришедших на смену кимакам, знаменитый немецкий тюрколог И. Маркварт вполне удовлетворительно разъясняет указанное В. Ру-

бруком близкое родство канглы с команам (кипчаками), тем самым считая справедливым замечание В.В. Бартольда о том, что «племенные наименования канглы и кипчак представляются нам почти тождественными» [Маркварт, 1914].

Канглы – широко известное племя, встречающиеся среди западных кыпчакских и огузских народов. Так, общеизвестным фактом является то, что именно кай-канглы дали начало правящему дому Османов. Это отразил и знаток тюркских языков Махмуд Кашгари, писавший, что «Канглы – один из великих людей из кыпчаков» [цит. по: Кадырбаев, 1990, с. 20]. Кстати данное утверждение Махмуда Кашгари вполне сопоставимо с гипотезой Я.И. Линденау о роли хангаласцев среди древних саха, а также с мнением Константина Багрянородного о том, что кангары составляют правящие фемы (племена) печенежского объединения. Когда-то мы отмечали сходство названий племен печенегов и хангаласских родов. Но это чисто искусственное, визуальное сходство. К тому же, по якутским легендам, Бордон, Малдыгар и Наахара – это имена реальных людей, родственников Тыгына, давших начало своему клану. Хотя, в сравнении с названиями борогонских родов, названия родов хангаласцев труднообъяснимы с позиций якутского языка. Например, Дьёппён, Дьэр, Наахара.

В то же время хангаласцы (в якутском ханалас) – потомки Эллэя, считаются носителями кыпчакского компонента. По мнению А.И. Гоголева, кангаласцы, принешие поздний кыпчакский компонент, связаны с обитателями кыргыз-ётёхов, принешими погребения с конем на Среднюю Лену [1993].

В целом нет объективных этнографических и фольклорных материалов, подтверждающих принадлежность кангаласцев к кыпчакскому племени канглы. Нет заметных антропологических и языковых различий между хангаласцами и остальными саха, они были бы заметны, если бы хангаласцы имели другое кыпчакское происхождение.

Есть исторические и лингвистические сомнения в происхождении племени канглы от древних, ираноязычных кангюйцев – оседлого народа на территории Узбекистана, окруженного кочевыми племенами саков. Такие сопоставления с древними этносами, к тому же из совер-

шенно другой языковой семьи (тохарами и ираноязычными саками-скифами из индоевропейской семьи), требуют более глубокого лингвистического анализа.

Согласно Рашид-ад-Дину, канглы произошли от родственников мифического Огуза, сын которого «починил телегу». «[Повозку по-тюркски называют “канлы”], по этой причине и они названы именем канлы. Все ветви канлы [происходят] от их потомства» [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 84]. Слово ханка со значением «телега» есть и в якутском языке.

Китайская летопись «Юань ши» (XIV в.), обнаруженная А.Ш. Кадырбаевым, по его мнению, свидетельствует о тождестве между канглы и гаогюйцами: «Канглы (Канли) это есть то, что в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) называлось Гаочэ-го – страна высоких повозок» [Кадырбаев, 1990, с. 21].

Следует напомнить, что Г.В. Ксенофонтов третьим, основным компонентом в этногенезе саха считал кангаласцев, отождествляя образ прародителя Эллэя с последним уйгурским принцем Энень-тегином, бежавшим от войск кыргызов к племени да-шивей [Ксенофонтов, Рукописный фонд Архива ИГиИПМНС СО РАН, ... Л. 189]. При этом Г.В. Ксенофонтов отождествлял канглы, предполагаемых предков хангаласцев, с древними уйгурами, которые носили в древности имя Гаогюй – «высокие телеги». Это прозвище в начале VII в. было вытеснено названием теле, которое восстанавливается как «тегег» – от древнемонгольского слова со значением «овод», «колесо» [Каржаубай, 2002, с. 59].

Согласно знаменитому китайскому тюркологу ЛюМаоцаю, работавшему с китайскими летописями, представители четырех правящих родов уйгуров бежали на территорию будущей Южной Якутии. К тому же ЛюМаоцай связывал да-шивеев с древними монголами, более того – с предками Чингисхана – родом борджигин [LiuMau-Tsai, 1958]. Однако считается, что в это время да-шивеи (имевшие «непонятный, неизвестный» никому язык. – В.У.) уже обитали на территории Приамурья, вытеснив оттуда монголоязычные племена шивей.

Хакаские войска (70 тыс. всадников) во главе с министром Або совершили поход на Амур, разбили шивэй и увели в плен захваченных там

уйгуров, но, очевидно, не всех. Последний уйгурский каган Энйянь бежал в Восточный Туркестан [История Хакасии ... 1993, с. 68]. Меньшая часть уйгуров (канглы?) могла остаться среди народа да-шивей или дахань, дав начало тюркизации части тунгусязычных родов.

Племенной союз, возглавляемый уйгурами, по руническим надписям, именовал себя тогуз-огузами, это имя являлось самоназванием гаоцзюй-теле [Кляшторный, 2010, с. 164]. В якутском языке сохранилось выражение *уйгуур* в значении «шумливый, сумасшедший». В диалектном языке таттинских саха сохранилось слово «*уйгуур*», обозначающее понятие «много, множество». Однако следует принять во внимание то обстоятельство, что термин «гаогюй», обозначающий кочевника с телегой, применялся по отношению к древним уйгурам в VI в., а в IX в. он уже не употреблялся.

В согласии с версией Г.В. Ксенофонтова следует сделать вывод о том, что на пограничной территории между Забайкальем, Приамурьем и Олекмой среди племен да-шивей, в которых следует видеть предков эвенков (тунгусов), в IX в. поселились представители аристократических семей уйгуров. Возможно, тогда происходили ассимиляционные процессы, приведшие к появлению якутских хангаласцев и кангаласцев (нанайцев) в составе тунгусов. Тунгусская версия происхождения рода Хангалас одновременно с древнеуйгурской заставляет вновь возвратиться к нашей гипотезе о связи этногенеза ураангхай-саха с загадочными меркитами [Ушницкий, 2013].

Меркиты считаются носителями саян-тунгусской археологической культуры в Забайкалье, потомками древнеуйгурского населения, которые и создали данную культуру [Тиваненко, 1992]. Еще более близки к уйгуро-тунгусскому симбиозу меркиты Марко Поло в долине Баргу, имеющие конные и оленные группы. Этноним *меркит* прочно связывается с мохэсцами – мерки и тунгусским родом вокарай. Среди тунгусов Северного Байкала и Витима существовали легенды о битвах с конной ордой «Бекри», впоследствии «вокорай-бекри» стали конными тунгусами [Тулолуков, 2013].

Этносов со схожим с хангаласцами именем можно найти довольно много. Так, в составе племени дубо – предков туматов, имелось пле-

мя хэчжэ, которое Ю.А. Зуев восстанавливает как канглы [Зуев, 2002]. Это довольно любопытная информация, так как носителей прото-якутской усть-талинской археологической культуры XII–XIV вв. в Южном Приангарье В.С. Николаев считает туматами [Николаев, 2004]. Однако китайский термин «хэчжэ» В.Я. Бутанаев восстанавливает как «хаас», связывая с качинцами, а Л.Н. Гумилев связывает с тувинским родом эчжень урянха.

В то же время стоит отметить, что роды и племена с подобными названиями были и на Енисее. Так, в «Сокровенном сказании» упоминаются хабханасы и ханьханэ, в «Юаньши» – ханхасы. Эти племена владели небольшим количеством домашнего скота; доили оленей; пользовались лыжами. Считается, что под этими «тележными хакасами» имеются в виду степные качинцы [Кызласов, 1984, с. 154]. Потомками их являются самодийский Кангатский род и, возможно, камасинцы, самоназвание которых воспроизводится с очень длинного слова в русской транскрипции как «кангалас». В.А. Никонов связывал хангаласцев с названием рода кангмиенсисы среди колымских юкагиров [Никонов, 1984]. От длинного юкагирского слова со значением «..берег» образовалось название р. Колыма, т.е. в переводе – колымчане.

Близкими к названию хангалас представляются этнонимы *хамханас* (*хабханас*) и *кангмазы* (камасинцы). Однако этноним *хамханас* происходит от слова *хапхан* «ущелье», а *канг* – от названия р. Кан. Связь хангаласцев с регионом Южной Сибири тем примечательна, что и в монгольское время там обитали этносы со схожими наименованиями. Так, хабханасы – олениводы, обитавшие в горной котловине, название свое получили от слова *хапхан* «ущелье». Более интересны сведения о существовании племени ханасов, упоминаемых вместе с енисейскими кыргызами в летописи «Юаньши» (XIII в.).

Этноним *хангалас* распадается на две части: *хангал* и *ас*. Т.е. если допустить, что первая часть термина хангалас образовалась от названия известного племени канглы, то и вторая *ас*, тоже отражает известный саяно-енисейский этноним *Ас*, *Аз*. Племя *ас* упоминается на Саяно-Алтае в связи с походами древних тюрков, возможно, в этнониме кыргыс, каркас отражено двойное деление этого племени: кырк и *ас*. При

этом предки асов могли быть ираноязычными. Именно они могли составить тагарскую культуру раннего железного века, относящуюся к скифо-сибирским культурам.

Данная версия предполагает участие в этногенезе саха кыргызского компонента. Енисейские кыргызы или «хакасы» в период великодержавья (IX–X вв.) распространили свою власть в Прибайкалье. По устному замечанию иркутского археолога В.С. Николаева, по новейшим данным, городища курумчинской культуры вместе с найденными руническими знаками в сосудах оставлены именно енисейскими кыргызами. Как известно, в якутских легендах о прародителе Эллэе, где указывается его этническая принадлежность, он выступает как выходец из племени «бырааскай», «татаар», «ураангхай», а также, что выделяется нами, и «кыргыс».

Хангаласцев связывают с именем основного рода бурятского племени эхирит – Хэнгелдур. Данное сопоставление заслуживает внимания с филологической точки зрения: хангал-ас и хэнгел-дур [Долгих, 1960]. Некоторые эхиритские роды, по признанию Ц.Б. Цыдендамбаева, могли быть потомками родов саха [Цыдендамбаев, 1972, с. 44–45]. Эхириты проживали на Верхней Лене, поэтому они вполне могли спуститься вниз по Лене. Однако другие бурятские исследователи связывают хэнгелдуrow с родом Шоно-Чино – «Собаки-Волка».

Г.Ф. Миллер относит хангаласцев к «фратрии» хоролоров (по нему – хоринской), имеющих тотем Орла [Элерт, 2001]. Этот факт нам интересен тем, что бурятские хоринцы имели в древности тотем Орла. Таким образом, хангаласцы могли относиться к хоролорской части единого племени, от которой произошли саха. Кстати среди хоринцев есть род хангин, который отождествляют с канглы. Тем более хангины относятся к добайкальским родам хори, проживающим на Верхней Лене. Т.е. добайкальские роды относят к хоринцам чисто номинально (информация видного бурятского этнографа Е.В. Павлова), они вполне могли быть остаточными группами народа саха. Возможная принадлежность хангаласцев к хоринцам позволяет отнести их к потомкам курыканского племени. Более того, вторая часть этнонима курыкан – *кан*, возможно, является отражением второго этнонима *кан*, *кангалас*.

Тележных «хэйчэжцы шивей» Ю.А. Зуев связывает с канглами. Согласно ему, область Канцзюй в VIII в. располагалась в районе озера Буир-Нур, где впоследствии в XI–XII вв. жили центральноазиатские татары. Таким образом, Ю.А. Зуев предполагает участие в этногенезе татар Центральной Азии представителей племени канглы [Зуев, 2002, с. 136]. По аналогии с якутскими легендами Эллэй, давший начало «Тойон-ууса» – роду Хангалас, происходил из племени «татаар» [Ксенофонтов, 1977; Боло, 1994].

Более того, Ю.А. Зуев обнаруживает канглы и среди приангарских татар, воспроизводит название крупного кыргызского города на Ангаре в сочинении Рашид-ад-Дина как Канкати, связывая с этнонимом канглы [Зуев, 2002]. Однако в примечаниях к сочинению Рашид-ад-Дина название этого мифического города воспроизводится как Кикас [Рашид-ад-Дин, 1952], в сочинении Абульгази в землях многочисленных татарских племен упоминается город Алакчин [Абульгази, 1906, с. 42]. В исследовании Ю.А. Зуева о племени татар во Внутренней Монголии этноним *канглы* занимает одно из центральных мест. Этот замечательный ученый, ставя в своих научных публикациях оригинальные гипотезы, при этом сравнивал китайские иероглифы, отражающие этнонимы кочевых народов Центральной Азии с мифологией тюркских народов, с персонажами любимой им манихейской религии.

Действительно, среди керейтов и найманов имелись представители из племени канглы, видимо, перекочевавшие из западных степей. Эти племена считались ветвью татар-цзубу. Причем, керейты и канглы считались родственными племенами. В китайском сочинении «Менуэр-шицзы» прямо пишется об их родстве: «Керайты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные – кераитами» [Кадырбаев, 1990, с. 22]. По утверждению Сайшияла, керей были одного происхождения с ханлинями [Сайшиял, 2006, с. 64].

В XIX и к началу XX вв. в горных местностях по верхнему течению рек Алдан и Амга и по рекам Ботома и Талба с притоками обитали семь родов тунгусов Кангаласского ведомства. В основном они вели бродячий образ жизни, но некоторые тунгусы имели постоянное жилье, а иные обзавелись скотом. Кангаласских тунгу-

сов было насчитано 643 мужчины и 472 женщины [Майнов, 2012, с. 395].

Хотя мы отнюдь не являемся сторонником тунгусского происхождения хангаласцев и других саха, но, чтобы опровергнуть столь обидный для истинных саха тезис, надо привести и доводы оппонентов. В конце XIX в. выражение «семь Кангалатских родов (Канагирских)» употреблял П.П. Шимкевич [Шимкевич, 1895, с. 12]. Этноним Канагир (варианты Кагасил, Какыгыр, Какагил, Качагын), по В.А. Туголукову, является транскрипцией известного тунгусского этнонима Нанагир и часто служил обозначением кангаласских тунгусов. Далее этот автор продолжает, что нанагиры могли войти в контакт с якутами еще тогда, когда они продвигались от Байкала в область Средней Лены, затем, будучи ассимилированными якутами, ленско-олекминские нанагиры составили ядро Кангаласской волости якутов в XVII в. В.А. Туголуков замечает, что в якутском языке слово «кангалас» стоит особняком среди других лексических единиц [Туголуков, 2013, с. 126]. Любопытно, что в эвенкийском языке слово «кангалас» обозначает «гусыню». Однако и в словаре якутского языка Э.К. Пекарского слово ханалас переводится как «гусь-стервятник», «гусь» [Пекарский, 1930, с. 310]. Следует заметить, что и в тюркских языках также встречается слово «ханалас» в значении «полевой (степной) гусь» [История Казахской ССР, 1979, с. 139, 144, 145].

В.А. Туголуков считает, что слово «кангалас» отражает якутское произношение этнонима нанагир, и замечает, что эвенки произносят это слово по-своему – как канагир (кангагир), заменяя якутское *-лас* на эвенкийское *-гир*. По его полемическим данным, этноним Канагир (Кангагир, Канагиль, Канаги) до сих пор бытует на значительной части территории расселения восточных эвенков [Туголуков, 2013, с. 127]. И.И. Майнов считал, что название Хангагын, «каким в старину обозначали себя кангаласцы», было племенным [Майнов, 1898, с. 169].

Но нас удивляет то обстоятельство, что в документах XVII в. нет никаких известий о тунгусах Кангаласского рода. Таким образом, непонятно, как в XVIII–XIX вв. известные всем нанагиры вдруг превратились в кангаласцев. Ответ на этот вопрос дает сам В.А. Туголуков. Так,

у него название раздела звучит как: «Заселение региона вилюйскими эвенками в XVII–XVIII вв. (кангаласские эвенки)». Как известно, со второй половины XVII в. на Вилюй стали мигрировать якуты Кангаласского рода, неоднократно устраивавшие восстания против воеводской власти. В.А. Туголуков пишет о том, что далее стало происходить «оформление якутских подгородных и олекминских эвенков в Кангаласскую инородческую управу Восточно-Кангаласского улуса» [Туголуков, 2013, с. 131].

Таким образом, кангаласцы в составе алдано-олекминских эвенков – это общее племенное название тунгусских мигрантов из Вилюя и пределов Восточно-Кангаласского улуса, а не отунгушеных выходцев из якутских волостей. В состав семи родов кангаласцев входили носители чисто тунгусских родовых названий Денма, Баягир, Буллет, Нюрмаган, Сологон и сами Нанагиры. Согласно В.А. Туголукову, выход кангаласцев на Амур состоялся в начале XIX в. Именно их называли ороченами, так как они были оленеводами. Они же и составили основу эвенков КНР, которых именуют ороченами и якутами. Следовательно, амурские якуты, которые вышли в основном из Кангаласского рода, имеют эвенкийское происхождение. отождествление тунгусского рода кангалас с нанагирами опровергнуть можно еще тем, что семь кангаласских родов тунгусов сначала упоминаются в пределах якутского Восточно-Кангаласского улуса и только потом в регионе Амура.

Г.В. Ксенофонов, говоря о кангаласцах, приводит такую присказку из хоровода-осуохая: «Хангалас хааһын курдук дуу» («Как кангаласский гусь»):

Ханыылаһан иһиэбин (Сроднимся вместе),

Хонҕор хааһын курдук дуу (Как хонгоройский гусь)

Холбоһоохтоон иһиэбин (Соединимся вместе)»

[Ксенофонов, Рукописный фонд...].

Если название хангаласского рода восходит к слову, обозначающему «гуся», то в этом случае сама собой отменяется связь с этнонимом «канглы», несмотря на большую историографию и громкие имена. В этом случае хангаласцы связываются с носителями этнонима «хаасут» – от тотемного «хаас» – «гусь». Этноним «хаас», широко распространенный среди современных

хакасов, имеет древнее южносамодийское происхождение, так же как и самоназвание ныне тюркоязычных, а прежде в основном самодийскоязычных соседних с хакасами тофаларов – «карагасов» (роды «хааш» и «сарыг хааш»; ак-хааш, кёк-хааш, хара-хаа ш), живущих по Восточным Саянам, и «кашинцев» (хааш) XVII в. Ядро хакасской группы хаасов составляют сеоки, называемые «хасха». В это наименование также входит этноним «хас». Этноним «хасха» образовался в качинском диалекте в результате закономерной метатезы (перестановки слогов) от этнонима «хакас/хагас» [История Хакасии ..., 1993, с. 63]. Однако этноним «хас» связывается не с обозначением гуся, а с самодийским словом «каса» – «человек, мужчина». В этом случае хангаласцы могли относиться к потомкам южных туматов, мигрантов из саяно-алтайской территории. Налицо преобладание доводов в пользу туматского (из объединения хори-тумат) происхождения народа саха. По нашей версии, южные, тюркоязычные туматы никак не связаны с вилюйскими, легендарными туматами, принадлежащими к тунгусам, но имеющими палеоазиатский субстрат.

Таким образом, хангаласцы представляются сородичами не только кашинцев (кашинцев), но и всех хакасов. Выходит, что этноним «хангалас» – просто одна из форм другого имени – «хаас» (варианты: хасха, хакас, кашинец). Однако в китайской летописи сообщается, что «хягасами» называют кыргызов уйгуры из-за рыжего цвета волос. Т.е. термин «хягас» обозначал «рыжий», это сохранилось и в якутском слове «кугас» с тем же значением. Это версия хакаского или кыргызского происхождения хангаласцев. Она примечательна тем, что предполагается более ранний уход предков саха с Верхней Лены. Кыргызское могущество начинает падать примерно с XI в. н.э. Именно енисейские кыргызы могли оставить на Шишкинских скалах рисунок всадника со знаменем (аналоги которого есть в писаницах Хакасии), попавший на государственный герб Республики Саха [Ушницкий, 2011, с. 186]. Тюркологи во главе с А.В. Дыбо пришли к выводу о принадлежности народного языка средневековых енисейских кыргызов к кыпчакской группе.

Таким образом, решение тайны происхождения хангаласцев – это примерно одна треть вопросов в проблеме этногенеза саха. Какая из гипотез появления хангаласцев более соответствует исторической правде, могут решить только дальнейшие археологические изыскания, в ходе которых, возможно, будет получен ответ на вопрос. В этой связи важны последние археологические открытия Р.И. Бравиной в Хангаласском улусе, обнаружение в таежной глуши рядом с Качикатцами семи кузнечных горнов.

Изучение топонимов, антропонимов, связанных с хангаласцами, имеет важное значение в исследовании формирования и расселения якутского народа. Более того, связь хангаласцев с предполагаемым южным компонентом: кыргызским, бурятским, татарским, кыпчакским, уйгурским, туматским (урангхайским), ведет к необходимости более тщательно изучать древние языки и этническую историю этих средневековых племен.

Литература

- Абульгази.* Родословное древо тюрков / пер. Г.С. Саблукова // Известия об-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском ун-те. – Т. 21, вып. V–VI. – Казань, 1906. – 224 с.
- Бернштам А.Н.* Заметки по этногенезу Северной Азии // Сов. этнография. – 1947. – С. 60–66.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену / По преданиям якутов бывшего Якутского округа. – Якутск: Бичик, 1994. – 320 с. – На якут. яз.
- Гоголев А.И.* Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
- Дашибалов Б.Б.* Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 124 с.
- Долгих Б.О.* Родовой состав народов Сибири. – М.: Наука, 1960. – 622 с.
- Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.
- История Казахской ССР. Т. 1. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 544 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М.: Наука; Издат. фирма Вост. лит., 1993. – 523 с.
- Кадырбаев А.Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии, XIII–XIV вв. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 160 с.

Каржаубай Сарткожаулы. Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах. – Астана: Фолиант, 2002. – 220 с.

Кажибеков Е.З., Инсебаев Т.А. Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп адай и суяндук // Тюркская ономастика. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 300 с.

Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история Евразийских степей. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. – 328 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. I, кн. I. – Якутск: Бичик, 1992. – 416 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллайда. – Якутск: Кн. изд-во, 1977. – 245 с.

Ксенофонтов Г.В. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 7. Д. 32.

Ксенофонтов Г.В. О названии «кангалас» // Там же. Оп. 1. Ед.хр. 30.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984. – 167 с.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во Вост. лит., 1961. – 281 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. – Иркутск, 1898. – 214 с.

Майнов И.И. Население Якутии // Якутия: сб. ст. / под ред. П.В. Виттенбурга. – Переизд. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927 [т.е. 2012]. – С. 323–420.

Маркварт И. О происхождении народа куманов // «Труды Королевского научного общества в Геттингене. Сер. Философия – история. – Т. XIII, N.1. – Вильмерсдорф-Берлин, 1914. – 149 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. – Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. – М.: Наука, 1984. – С. 44–69.

Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. – М.; Л.: Наука, 1955. – 295 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 13 т. – СПб.; Пг.; Л., 1907–1930. – 726 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т. 1, кн. 1. – М.; Л.: Вост. лит., 1952. – 221 с.

Сайишял. Сказание о Чингисхане / пер. со старомонг. Норпола Очирова. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республ. тип.», 2006. – 576 с.

Старостина М.А. Колымские якуты в середине XVII – начале XX вв. (по материалам генеалогии). – Якутск: Бичик, 2009. – 392 с.

Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. – 70 с.

Туголуков В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: Издат. дом «Сибирские промыслы», 2013. – 352 с.

Ушницкий В.В. Загадка племени меркитов: проблема происхождения и потомства // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. История. – 2013. – №1 (21). – С. 191–195.

Ушницкий В.В. Наскальное изображение всадника со знаменем в качестве государственного герба Республики Саха-Якутия // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): мат-лы межд. науч. конф. Т. 1 / Тр. САИПИ. Вып. VIII. – Кемерово, 2011. – С. 185–187.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.

Шимкевич П.П. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни // Приамурские ведомости. – 1895. – № 65–66.

Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 108 с.

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII в. // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – С. 107–124.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhänge. Index) // Göttinger Asiatische Forschungen, Band 10. – Wiesbaden, 1958. – 457 s.

Formation of the Historical Landscape of Yakutia: Origin of the Khangalassy People

This article explores the origin of the ethnonym Khangalas. The image of the ancestor of Elleya and the leader of all the Yakut tribes of Tygyn is connected with the Khangalassy people. From Khangalassy people are not only the modern Khangalassky and Megino-Khangalassky ulus, but also Gorny (formerly East Kangalassky), Olekminsky, Suntar and Nyurbinsky uluses. Khangalassy people also very actively participated in the origin of the Yakut population of the Abyysky, Momsky and Kolyma uluses.

Khangalassy people traditionally connect with the Turkic tribe kangla and are considered to be the carriers of the Kypchak component in the Sakha people. Kanglas are considered descendants of Iranian-speaking Kangyu, a state in Central Asia. According to another version, the kanglas are compared with the nomadic association of Gaogyui through the word for “cart”. This hypothesis allowed G.V. Ksenofontov to connect the Khangalassy people with the ancient Uighurs who fled in the IX century to the tribes of Da-shivey. At this time, the most popular version is A.I. Gogolev, connecting the Kangalassy people with the Kypchak component in the ethnogenesis of the Sakha. According to the hypothesis of A.I. Gogolev and I.V. Konstantinov, the Kangalas are the last wave of strangers from the south, which brought burials with the horse and are associated with the culture of “Kyrgyz-etehev” of the XVI – XVII centuries.

Researcher Yu.A. Zuev discovers kangly among the Tamat-dubo and Buir-Nur Tatars. This article is discussed these versions in detail. Also, the Evenk version of the origin of the Khangalassy people is discussed. The hypothesis of the Tungusologist V.A. Tugolukov is based on the presence of Kangalassian genera among the Amur Evenks and their identification with earlier nanagirs. This version explains the ethnonym Khangalas from the same name with the meaning “goose”. This version of the origin of the Khangalassy people connects them with the Kachin people and the hypothesis of L.R. Kyzlasov about the origin of the term “Khakas” from the word “Haas”.

Keywords: historical landscape, ethnogenesis, origin of Sakha, ethnonymy, historiography, tribal composition, peoples of South Siberia, Yakut ulus, history of Yakutia, Evenks.

Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.006

УДК 393.9(=554)"191/200"

Погребальный обряд тундровых юкагиrow: традиции и современность

В статье анализируются опубликованные материалы о похоронной обрядности тундровых юкагиrow (вадулов) на протяжении столетия (начало – конец XX вв.) и полевые данные автора, полученные в начале XXI в. Исследуемое время разделено на четыре хронологических периода в соответствии со временем сбора полевого материала: 1902, 1959, 1995, 2014 гг. Все материалы сгруппированы в таблицу с выборками по шести темам: «Ритуал», «Оберег, очищение», «Одежда», «Инвентарь», «Ездовой олень и жертвоприношение», «Надмогильное сооружение». Сопоставления полученных данных показали пролонгирование отдельных элементов похоронной обрядности тундровых юкагиrow в течение исследуемого периода. В то же время на протяжении XX в. под влиянием различных факторов (атеистическая пропаганда, иноэтнические заимствования, технический прогресс) обнаруживаются изменения отдельных элементов в зависимости от степени сохранности и следова-

ния самобытным культурным традициям. Выделяются следующие блоки: дохристианские языческие традиции, иноэтнические (тунгусские) заимствования, влияние христианизации. С середины XX в. усилилась тенденция к уменьшению доли традиционных средств передвижения, одежды, орудий труда, утвари в качестве сопроводительных вещей погребального комплекса и замене их макетами. Данные таблиц проливают свет на отдельные вопросы этнографии и традиционной культуры юкагирского народа.

Ключевые слова: северо-восток Азии, юкагиры, похоронная обрядность, ритуал, древние элементы, заимствования, традиции.

К настоящему времени наиболее изученными являются две территориальные группы колымских юкагиров – тундровые оленеводы Нижней Колымы *вадулы* и лесные охотники и рыболовы Верхней Колымы *оулы*. Опубликованные труды исследователей второй половины XVIII в. – второй половины XX в. [Грачева, 1988; Линденау, 1983; Иохельсон, 2005а, б; Спиридонов (Тэки Одулок), 1996; Туголуков, 1979, 1980; Юкагиры..., 1975] показывают относительную близость обрядов *вадулов* и *оулов* в отношении того, как обращались древние юкагиры с останками умершего шамана. Из черепа изготавливали фигуру родового предка *хойл*, которая считалась родовой святыней. Кости и мягкие ткани использовали для изготовления амулетов. По данным В.И. Иохельсона, также поступали янские, индигирские, алазейские юкагиры [2005б, с. 236–239]. Кроме того, *оулы* в память о предке-шамане вырезали из дерева разные по величине фигуры человека. Небольшие использовали как амулеты, крупные, изготовленные из бревна, помещали на деревьях [Там же, с. 239–240]. У нас пока нет сведений об изготовлении подобных *шаан-шоромо* («деревянный человек»), или, как их стали называть позднее, шайтанов, другими юкагирскими группами.

Не вполне ясно, как хоронили рядовых родовичей в тундре до принятия христианства. Например, лесные юкагиры в далеком прошлом зимой хоронили наземно – в шалаше из ветвей, летом – на дереве [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996, с. 51–52], позднее – на воздушном помосте. В настоящее время древние охотники на лося *оулы* продуцируют грунтовый христианский погребальный обряд с отдельными дохристианскими элементами, изучение которых продолжается в настоящее время.

В работах исследователей XX в. [Иохельсон, 2005б; Туголуков, 1979; 1980; Юкагиры...,

1975] имеются отдельные сведения о захоронениях рядовых родовичей *вадулов*. Приводятся описания элементов, которые можно считать общими, возникшими под влиянием христианизации. К числу их относятся грунтовый способ захоронения, надгробный крест или икона. Имеются упоминания о более ранних элементах. Например, по материалам В.И. Иохельсона [2005б, с. 322–325]:

- покойника одевают и заворачивают в часть покрывки чума, связывая ремешками;
- тело выносят из жилища, приподнимая край покрывки чума;
- у края чума, откуда вынесли тело, ставят три перекрещенных столба – это оберег, чтобы душа покойника не вернулась;
- у оружия из сопроводительного инвентаря наконечники поворачивают в сторону рукояти;
- близким родственникам нельзя есть мясо жертвенного оленя (в противном случае это может вызвать «гнев» покойника, т.к. жертва предназначена ему).

В записях И.С. Гурвича, участника Комплексной академической экспедиции к юкагирам в 1959 г. [Юкагиры..., 1975, с. 76–78], читаем:

- покойника завертывают в ровдугу/часть покрывки чума;
- гроб делают из распиленной поперек лодки;
- по дороге к могиле ставят небольшой шалаш и убивают оленей: для мужчины – двух (передовой и манщик), для женщины – трех (передовой и две самки);
- в знак траура пришивают к одежде кусочек ровдуги;
- шкуру жертвенного оленя расстилают около могилы, затем ее, кости, одежду покойного сжигают;
- около могилы ставят жерди в виде остова чума, вешают рога.

Наиболее полные сведения о погребальном обряде *вадулов* получены в конце XX в. и начале XXI в.

Во время полевой практики в марте 1995 г. слушательница моего спецкурса по фольклору и этнографии юкагиров, студентка I курса северного отделения филологического факультета Якутского государственного университета, тундровая юкагирка Э.С. Атласова, ныне к.ф.н., преподаватель СВФУ им. М.К. Аммосова, записала, а затем опубликовала описание современного погребального обряда *вадулов* [Атласова, 2000].

Из этого описания отметим отдельные элементы, дополняющие записи предыдущих исследователей:

- одевают умершего с левой стороны;
- завертывают в замшу и завязывают в трех местах: в районе шеи, талии и ног. На кладбище веревки срезает тот, кто их завязывал;
- предметов из металла на одежде должно быть меньше;
- после того, как тело вынесли из дома, его держат на улице, для чего сооружают временное жилище из двух треног, крытых брезентом;
- на похоронах у могилы нельзя обходить костер вокруг, иначе нужно пройти в обратном направлении;
- шкуру с оленя сдирают все присутствующие на похоронах, костей не ломают, не теряют. Потеряв, вырезают из дерева. Все кости собирают в мешок и привязывают на верхушке дерева. Шкуру весят, затем забирают;
- на гроб кладут багульник;
- рога и копыта оленя кладут на могилу.

В 2014 г. я обратилась к юкагирам, выросшим в тундре, а ныне проживающим в г. Якутске: писателю и художнику Н.Н. Курилову (1949 г.р.) и А.А. Помогаевой (1979 г.р.), лаборанту-исследователю сектора палеоазиатской филологии ИГИИПМНС СО РАН. От них были получены описания погребального обряда; рассказ А.А. Помогаевой опубликован [Жукова, 2014]. Ниже приводим информацию, полученную от Н.Н. Курилова по телефону 28 января 2014 г.

«Толкают руками и ногами только что умершего для того, чтобы отпихнуть, отделить его от себя (возможно, как оберег. – Л. Ж.). Лицо покрывают белой замшей, ничего на ней не обозначают (глаза, рот). Одежду умершему обяза-

тельно шьют новую; одевают с левой половины тела. В доме держат 2–3 дня, а три дня на улице – смотря по состоянию покойника, по погоде. В гроб кладут в доме.

На третий день делают маленькие нарты для отправки души, их кладут в гроб (возможно, на кладбище в них запрягают ездового оленя. – Л. Ж.). В маленький ящик кладут посуду, ее не ломают, оставляют на могиле. Через три года, когда душа окончательно уйдет, посуду ломают и сжигают.

На гробе делают отверстия, т.к. умерший еще три года слышит; к нему обращаются при посещениях, могут «поговорить», попросить передать что-либо ранее умершему. В прошлом смерть не воспринималась как трагическое явление, на похоронах могли веселиться и петь; юкагирский богатырь мог дать себя убить.

Возвращаясь с похорон, совершают очищение: проходят через сплетенное из тальника кольцо в рост человека. Мясо после похорон в течение одного дня едят через тальниковое кольцо (как оберег).

Поскольку многое изменилось в жизни современных юкагиров, теперь хоронят на кладбищах, прежде их не существовало; везут на оленьей упряжке прах стариков, молодых могут везти на тракторе, машине; верховое седло на жертвенном олене, на котором везут тело, не обязательно, его не ломают, оставляют на могиле или весят рядом на дерево. Поминки справляют на 3-, 9-, 40-й день, через 1, 2, 3 года».

Обобщим информацию, полученную от Н.Н. Курилова и А.А. Помогаевой:

- толкают руками и ногами от себя только что умершего (как оберег);
- одежду для умершего шьют заранее, либо покупают в магазине, ее дырявят; национальную шьют кукольных размеров и кладут в гроб (как заместитель);
- одевают умершего с левой стороны;
- изготавливают макет нарт, в них на кладбище впрягают жертвенного оленя;
- мешок с костями оленя помещают на помосте на столбах;
- остатки мяса с кладбища уносят не близкие родственники;
- возвращаясь, очищаются, пройдя через кольцо из тальника;
- запястье руки перевязывают ремешком;

- еду режут как салат, смешивают, трижды кормят огонь;

- пение и веселье на похоронах.

Таким образом, мы имеем сведения о похоронном обряде *вадулов*, бытовавшем на протяжении более одного столетия в 1902 г., 1959 г., 1995 г., 2014 г. Промежутки между записями составили от 19 до 57 лет. В настоящей статье приводятся таблицы по результатам сопоставительных исследований и полученные выводы. Предварительный сравнительный анализ вы-

полнен в рамках научно-исследовательской работы автора в 2013–2016 гг. [Жукова, 2017].

Выборки из имеющихся материалов систематизированы в таблицу* по шести темам: «Ритуал», «Оберег, очищение», «Одежда», «Инвентарь», «Ездовой олень и жертвоприношение», «Надмогильное сооружение». Это позволило сопоставить элементы похоронного обряда тундровых юкагиров-оленьеводов в течение почти 100 лет, выявить общие и особенные, ранние и поздние его отличия и характеристики.

Погребальный обряд тундровых юкагиров (начало XX – XXI вв.)

<i>Ритуал</i>	<i>Оберег, очищение</i>
Моют умершего не близкие родственники (1902); моют близкие родственники (1995). Переодевают, заворачивают в шкуру/ровдугу (часть крыши чума). Связывают ремешками/веревками (1902–2014) в трех (1995) или двух (2014) местах, их разрезают при погребении (1995, 2014). Лежит в доме 2–3 дня (1902–2014). Еще 3 дня на улице во временном жилище (1995, 2014). Во время еды покойника угощают через огонь (1902–2014). Кладут на нарту, запряженную одним оленем (1902, 2014); олень с седлом (1995, 2014). Везут на тракторе, машине (2014). Перекладывают у могилы в деревянный ящик, соединенный деревянными гвоздями (1902); кладут в гроб в доме (1959, 2014); гроб из распиленной поперек лодки, доски соединены деревянными гвоздями (1959). На уровне носа и ушей делают отверстия (1995, 2014). Убивают оленя у могилы (1902, 1995, 2014); несколько оленей – у шалаша (1959). На кладбище разжигают огонь, его кормят, трапеза (1902–2014). Поминки на 3-й день (1902); в течение трех лет ходят (1995); на 3-, 9-, 40-й день, через 1, 2, 3 года (2014). На 3-й год последние поминки, кормят огонь, разбивают все предметы и сжигают (1995, 2014). Могилу обходят по часовой стрелке (1995).	У края чума, откуда вынесли тело, ставят три перекрещенных столба (1902). Все узлы одежды и обуви завязывают очень сложно, чтобы покойник «не смог развязать» (1902). Концы оружия, которое кладут с умершим, обращают в сторону рукояти (1902). После похорон в знак траура пришивают к одежде кусочек ровдуги (1959); перевязывают запястье ремешком (2014). На похоронах у могилы нельзя обходить костер, иначе нужно пройти обратно (1995). После похорон уходят, не оглядываясь (1959, 2014). Возвращаясь, перед тем как зайти в дом, проходят сквозь дым (1902, 2014); проходят сквозь большое кольцо из тальника (2014). Мясо едят через кольцо тальника (1959, 2014).

* В таблицу включены данные В.И. Иохельсона за 1902, И.С. Гурвича – за 1959, Э.С. Атласовой – за 1995, Н.Н. Курилова и А.А. Помогаевой – за 2014 гг.

<i>Одежда</i>	<i>Инвентарь</i>
Надевают лучшую одежду (1902); праздничную, погребальную заранее сшитую (1959–2014), в ней оставляют прорезы или шьют новую без узлов (1959, 1995). На покупной делают три прорезы (2014). Погребальную шьют кукольных размеров (2014). Предметов из металла на одежде должно быть меньше (1995). На лицо кладут белую ткань (1902, 2014); ничего не кладут (2014). Узлы на обуви завязывают спереди (1995). Старую одежду покойного сжигают (1959, 2014); отдельные вещи берут на память (2014).	Личные вещи, инвентарь портят, дырявят (1902, 1959); инвентарь (макеты) делают из дерева (1959–2014). Нарты оставляют на могиле, забирают на третий день (1902); оставляют в разобранном виде (1959); оставляют макет (1995, 2014). Седло (или макет) оставляют (1995, 2014).
<i>Ездовой олень и жертвоприношение</i>	<i>Надмогильное сооружение</i>
После погребения убивают оленя; трапеза (1902–2014). По дороге к могиле около шалаша убивают оленей: мужчине – 2, женщине – 3 (1959). Ножом нарезают оленя (1902); колют ножом в сердце, чтоб долго бился в конвульсиях (1959–2014), «гонят» оленя вожжами, бьют погоньчем. Оленью сбрую режут, вешают на куст около могилы (1902). Мясо едят дальние родственники, они уносят остатки мяса; нельзя его есть близким родственникам (1902); мясо разделяют левой рукой, оно должно быть съедено в тот же день (1959); мясо едят (все?), костей не ломая, не теряя. Потеряв, вырезают из дерева. Кости собирают в мешок и завязывают наверху дерева (1995). Мясо едят все, остатки уносят не близкие родственники (2014). Шкуру, ноги дают копателям могилы (1902); шкуру расстилают около могилы, затем ее, кости, одежду сжигают (1959). Шкуру снимают все присутствующие и оставляют висеть, через три дня забирают (1995). Кости собирают в мешок, помещают на помост (2014). Рога вырубает с черепной костью, вешают на могиле на остов чума (1959); рога и копыта кладут на могилу (1995). У могилы на 3-й день (1902), на 3-й год (1995) убивают оленя, мясо едят, раздают людям.	На могиле оставляют поломанные нарты, предметы (1902); нарты в разобранном виде, их детали портят. Около могилы ставят жерди в виде остова чума, вешают рога, крест, икону (1959). Ставят крест. Рога и копыта кладут на могилу, ориентируя на восток (1995). Крест ставят редко, обычно сооружения с навершием (2014). Возле могилы кладут макеты инвентаря, посуду, рядом находится дерево с мешком, в нем кости оленя (1995); ставят столик, ящик с посудой, рядом помост с мешком с костями оленя (2014).

Из анализа таблицы следует, что мало подверженными изменениям на протяжении почти 100 лет оказались следующие элементы похоронного обряда, осуществленного в грунтовой могиле, и названные три – четыре раза:

- переодевание в заранее подготовленную одежду (праздничную, погребальную) или сшитую новую (без узлов);

- завертывание тела в шкуру/ровдугу/часть покрышки чума, завязывание и разрезание ремешков;

- нахождение в течение двух – трех дней в доме;

- «угощение» покойника едой через огонь;

- макеты инвентаря делают из дерева (1959, 1995, 2014);

- убивают жертвенного оленя у могилы (1902, 1995, 2014);

- закалывание ездового оленя особым образом, чтоб долго бился в конвульсиях (1959, 1995, 2014);

- «кормление» огня до похорон, во время похорон и на поминках.

Некоторые элементы обряда зафиксированы не для каждого выделенного нами хронологического этапа. Например, в 1902 г. В.И. Иохельсон писал, что во время обряджения умершего все узлы на одежде и обуви завязывают «очень сложно, так, чтобы покойник не смог развязать их» [2005б, с. 325] и нанести вред живым. В 1995 г. эту информацию частично подтвердили записи Э.С. Атласовой: «...Одевают все с левой стороны. Все узелки завязывают»*. Однако в других записях этот элемент похоронной обрядности не упоминается.

Названы два раза:

- а) закрывание лица покойника тканью или замшей (1902, 2014);

- б) мытье умершего (1902, 1995);

- в) помещение тела на улицу во временном жилище (1995, 2014);

- в) кладут в гроб в доме (1959, 2014);

- в) на крышке гроба на уровне носа и ушей делают отверстия (1995, 2014);

- а) кладут на нарту, запряженную одним оленем (1902, 2014);

- в) олень с седлом (1995, 2014);

- в) старую одежду покойника сжигают (1959, 2014);

- б) личные вещи, инвентарь портят, дырявят (1902, 1959);

- а) поминки через три дня (1902, 2014);

- в) на третий год последние поминки, кормят огонь, разбивают все предметы и сжигают (1995, 2014);

- в) после похорон уходят, не оглядываясь (1959, 2014);

- а) возвращаясь, перед тем, как зайти в дом, проходят сквозь дым (1902, 2014);

- в) мясо едят через кольцо из тальника (1959, 2014).

Среди названных дважды элементов следует назвать:

- а) отмеченные в начале и конце исследуемого периода, что может быть показателем того, что в промежуточное время они не были названы информантами и не учтены исследователями. Данный факт не может означать, что в середине XX в. такие элементы обрядности отсутствовали. Вопрос, очевидно, в том, придерживались ли традиций организаторы похорон;

- б) названные в начале и середине/конце XX в. Такой элемент, как «мытье умершего» перед одеванием в похоронную одежду (1902, 1995), скорее всего, является христианским. В христианском обрядовом комплексе это обязательный элемент, поэтому, надо полагать, отмеченное на всех хронологических этапах переодевание сопровождалось обмыванием тела покойника. Традиция портить личные вещи, инвентарь (1902, 1959) отмечена В.И. Иохельсоном в юкагирских захоронениях конца XIX – начала XX в. [2005б, с. 305–321]. Впоследствии ввиду возросшей ценности стало преобладающим изготовление макетов предметов из дерева (нож, топор, стрелы, нарты и проч.). Замещение коснулось и традиционной похоронной одежды, которую стали делать «кукольных размеров», класть в гроб;

- в) упоминаемые в середине/конце XX в. и начале XXI в. Записи конца XX – начала XXI вв. выявляют многие дохристианские элементы, отсутствующие в материалах исследователей предыдущих периодов. К ним можно отнести следующие: помещение тела на улицу во временном жилище на несколько дней (след дохристианского захоронения в шалаше/чуме?); пое-

* Фрагмент из полевых записей Э.С. Атласовой. Хранятся у собирателя.

дание мяса через кольцо из тальника в целях оберегания; сжигание старой одежды покойника и на третий год на поминках – всех предметов захоронения (след существовавшей ранее кремации?). Имеется сообщение о сжигании шкуры и костей жертвенного оленя (1959).

Использование такого характерного предмета, как оленье седло в обрядовой погребальной практике (1995, 2014), однозначно говорит о бытовании выючно-верхового оленеводства, более характерного для тунгусского этноса. На влияние христианских традиций указывает укладывание покойника в гроб в доме (1959, 2014) (в 1902 г. покойника везли на нартах и только на кладбище перекладывали в деревянный ящик). По-видимому, адаптацией к христианскому грунтовому способу захоронения следует считать просверливание отверстий на крышке гроба на уровне носа и ушей, чтобы вышла душа. В.И. Иохельсон [2005а, с. 187; 2005б, с. 305–321] и юкагирский писатель и ученый, первый из числа малочисленных народов Севера, к.э.н. Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) [1996, с. 52] писали, что юкагиры Верхней Колымы традиционно имели захоронения двух типов – наземные и воздушные и до принятия христианства не знали грунтовых могил. Считаем, что это замечание справедливо по отношению и к другим юкагирским группам, в том числе *вадулам*.

Не менее важны элементы похоронного обряда, названные один раз:

а) они могут дополнять уже известные обрядовые действия, например, убивают несколько жертвенных оленей у промежуточного шалаша (1959);

б) показывают трансформацию обряда во времени, например, моют умершего не близкие родственники (1902); моют близкие родственники (1995). Около могилы ставят жерди в виде остова чума, вешают рога, крест, икону (1959). Ставят крест, рога и копыта кладут на могилу, ориентируя на восток (1995). Крест ставят редко, обычно сооружение с навершием (2014);

в) характеризуют разнообразные способы защиты от действия злых сил: установление у края чума, откуда вынесли тело, трех перекрещенных столбов (1902); после похорон в знак траура пришивание к одежде кусочка ровдуги (1959); перевязывание запястья ремешком (2014);

г) дополняют этнографические сведения: изготовляли гроб из распиленной поперек лодки, доски соединяли деревянными гвоздями (1959); предметов из металла на одежде должно быть меньше (1995);

д) обнаруживают нововведения: погребальную одежду шьют кукольных размеров; на покупной делают по три прорези. Крест ставят редко, обычно сооружение с навершием (2014);

е) влияние технического прогресса: умершего везут на тракторе, машине (2014).

Поскольку мы пользовались методом выборки, не весь собранный материал вошел в таблицу. Тем не менее систематизированные данные имеют значение не только для понимания семейной, в частности, похоронной обрядности юкагиров Нижней Колымы, они проливают свет на отдельные вопросы этнографии и традиционной культуры народа, культурные контакты с соседними народами.

Таблица показывает, что символика жилища представлена в похоронной обрядности *вадулов* различно: это легкий шалаш, остов чума из трех жердей, часть его крыши, макет из жердей.

Различно представлены средства передвижения: захоронение в распиленной лодке, жертвоприношение нартами, оленьей упряжью, оленьим седлом, посохом для посадки в седло. Наличие данных предметов характеризует тундровых юкагиров как рыболовов (захоронение в лодке), практикующих оленеводство арктического типа (ездовая нарта) и тунгусского типа (верховое седло, посох для посадки).

Велика доля комплекса, характеризующего домашнее оленеводство и использование предметов из дерева (детали жилища, шалаш, нарты, лодка, гроб, помост, предметы и их макеты). Все это свидетельствует о смешанности культурных элементов у этой юкагирской группы. В качестве типологической параллели смешанности христианских и языческих элементов укажем на современные шаманские захоронения эвенов Момского района РС (Я) [Слепцов].

Кроме названных в начале статьи, христианами нужно считать: трехдневное пребывание покойника в доме, сроки поминок, устройство кладбищ. К адаптационным механизмам культуры можно отнести помещение креста и иконы на макет жилища из трех жердей у могилы вместе с рогами жертвенного животного.

В завершение отметим следующие изменения в похоронном обряде *вадулов* на протяжении столетия (начало XX – начало XXI вв.):

- погребальную одежду готовят заранее или шьют новую. – Одежду покупают в магазине, погребальную национальную шьют кукольных размеров, кладут в гроб;

- инвентарь ломают, кладут в гроб, на могилу. – Окутив дымом, ценные вещи забирают. – Преимущественно изготавливают макеты предметов из дерева;

- на пути к кладбищу ставят шалаш, приносят жертву. У грунтовой могилы ставят треногу (символ жилища). – Около дома сооружают шалаш/палатку, где умерший лежит до трех дней;

- мясо жертвенного оленя не едят близкие родственники, остатки его уносят не родственники. – Мясо едят все, но надо съесть за день;

- шкуру жертвенного оленя отдают тем, кто копал могилу. – Шкуру вместе с костями сжигают. – Шкуру вешают на дерево, затем уносят, кости кладут в мешок и помещают на дереве/помосте.

Предпринятый анализ опубликованных и полевых материалов показал, что похоронный обряд в записи академической экспедиции 1959 г. обнаруживает существенное влияние дохристианских традиций. Это же демонстрируют поздние описания 1995 и 2014 гг. Происходившие во времени изменения во многом зависели от степени сохранности в памяти народа собственных самобытных этнокультурных традиций.

В исследовании выявлены древние элементы, понимание значимости которых требует отдельного изучения. Некоторые элементы встречаются в похоронных обрядах соседних северных народов и дают возможность для дальнейших сопоставительных работ.

Отунгушенные юкагиры – оленеводы тундры – в течение почти 100 лет хоронили в христианских грунтовых могилах с включением в обрядовый цикл дохристианских элементов. В результате исследования можно констатировать, что в начале XXI в. *вадулы* продолжают со-

хранять многие, хотя и модернизированные временем, языческие традиции.

Литература источники

Атласова Э.С. Полевые записи в с. Андрюшкино Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Март 1995 г. // Из архива Э.С. Атласовой.

Атласова Э.С. Современный погребальный обряд у нижнеколымских юкагиров // Традиции и обычаи у народов России. Т. 1. – СПб., 2000. – С. 38–40.

Грачева Г.Н. Погребальный обряд алазейских юкагиров (по материалам экспедиции 1987 г.) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. – Сухуми; Алашара, 1988. – С. 103–104.

Жукова Л.Н. Погребальная обрядность колымских юкагиров (конец XIX – начало XXI вв.) // Таткачирук. – 2014. – № 3. – С. 75–80.

Жукова Л.Н. Этнокультурные параллели древних юкагиров с народами Северной и Зарубежной Азии (2013–2016 гг.): Отчет по научно-исследовательской работе. – Якутск, 2017. – 292 с. (Хранится в секторе палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН; на правах рукописи).

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Слепцов Ю.А. Чурима белого шамана // Наука из первых рук. – Т. 35, № 5. [Электронный ресурс]. <https://scfh.ru/papers/churima-belogo-shamana/> (дата обращения: 22 дек. 2010).

Спиридонов Н.И. (*Тэки Одулок*). Одулы (юкагиры) Колымского округа. – 2-е изд. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.

Тугулуков В.А. Кто вы, юкагиры? – М.: Наука, 1979. – 152 с.

Тугулуков В.А. Юкагиры // Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 199–202.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк / под ред. А.П. Окладникова. – М.: Наука, 1975. – 244 с.

Traditional and Modern Burial Rituals of the Tundra Yukagirs

The article analyzes the published material is about the burial rites of the tundra Yukagirs of vadulov for over a century (in early XX – in late XX centuries) and the field data of the author collected at the beginning of XXI century. The study time is divided into four chronological periods in accordance with the time of collection of field data: 1902, 1959, 1995 and 2014. All materials grouped into three tables with samples on six topics: “Ritual”, “Amulet, absolution”, “Clothes”, “Inventory”, “Riding deer and sacrifice”, “Gravestone”. Comparisons of the data obtained showed the prolongation of individual elements of the burial rites of tundra Yukagirs during the study period. At the same time, throughout the XX century the influence of various factors (atheistic propaganda, foreign ethnic borrowing, technological changes) detected by the variability of the individual elements. The changes also depended on the degree of preservation and adherence to their own distinctive cultural traditions. There are the following blocks: the pre-Christian pagan traditions, foreign ethnic (Tungus) borrowings and the influence of Christianization. Since the middle of XX century the tendency of reducing the share of traditional vehicles, clothes, tools, utensils in an accompanying burial complex things and replace them with models. These tables shed light on certain issues of Ethnography and traditional culture of the Yukagir people.

Keywords: North-East Asia, Yukagirs, burial rites, ritual, ancient elements, borrowings, traditions.

Е.П. Антонов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.001

УДК 94(571.56)+929Ойунский

Платон Ойунский: национальная биография в советской империи

В статье раскрывается деятельность одного из ярких представителей якутской интеллигенции – выдающегося государственного и политического деятеля, основоположника якутской советской литературы, ученого Платона Алексеевича Ойунского (1893–1939), по реализации масштабного проекта строительства государственности в форме Якутской Автономной Советской Социалистической Республики и национально-культурному возрождению. Подчеркнута роль Октябрьской революции 1917 г. в судьбе выдвиженцев из представителей коренного населения – членов РСДРП (б), на работу в органы государственного управления. Деятельность одного из лидеров якутских большевиков Ойунского представлена в контексте политической модернизации в русле новой экономической политики 1920-х гг. Показан его вклад в широкое привлечение на ключевые должности интеллектуалов дореволюционного периода в эпоху военного коммунизма и новой экономической политики. При этом особое внимание уделено сложному периоду, связанному с узурпацией политической власти секретарем Якутгуббюро Г.И. Лебедевым. Отображено зарождение широкого автономистского, национально-культурного, краеведческого движения в Якутии, сыгравшего огромную роль в формировании «новой якутской нации» в XX в.

Ключевые слова: национальный вопрос, социальная революция, элиты, имперская периферия, окраинные регионы, территориально-национальная автономия, якутская интеллигенция, автономная республика, национальное движение, повстанческая армия, национально-культурное самоопределение, краеведение.

© Антонов Е.П., 2018

До сих пор нет единого мнения историков о том, кем были национал-коммунисты – проводниками имперской политики или защитниками интересов нерусских наций. Жизнедеятельность одного из них – партийно-советского руководителя Платона Алексеевича Ойунского в течение многих десятилетий рассматривалась с классовой позиции. В постсоветский период были попытки отдельных публицистов представить его только как «апологета сталинизма», что, безусловно, искажало истину. Между тем Ойунский занял достойное место в сознании якутов, как национальный герой, внесший значительный вклад в общественно-политическое и экономическое развитие республики. Интерес к исследованию его жизнедеятельности значительно возрос в 1990-е гг., когда стали доступны ранее засекреченные архивные документы. Целью статьи является изучение политической деятельности Ойунского в контексте имперской истории.

Интерес к общественно-политической жизни Платон Слепцов проявил еще во время учебы в Якутской учительской семинарии, когда вместе с Н.Д. Неустроевым он организовал нелегальный кружок учащихся средних школ г. Якутска. Он расширил кругозор, выработал социальную ориентацию и жизненную установку. В марксистском понимании проблем общественного развития его привлекла стройность концепции об эволюции человеческого общества и силах, способных революционным путем ликвидировать несправедливый строй [П.А. Ойунский..., 1998, с. 6, 8, 9]. Первые якутские революционеры разрешение национально-го вопроса связывали с социальной революцией в России [Якимов, 1994].

Царский режим отстранил элиты имперской периферии от управления, потребовав от них безоговорочного подчинения имперской гегемонии. Равноправие могло быть достигнуто только через ассимиляцию. Поэтому революция в окраинных регионах многонациональной империи вылилась в бунт лишенных культурной самостоятельности меньшинств [Баберовски, 2006, с. 179]. В апреле 1917 г. П.А. Слепцов стал заместителем председателя Совета рабочих депутатов, объединенного позже с Советом солдатских депутатов. В августе 1917 г. он окончил Якутскую учительскую семинарию и поступил

на историко-филологический факультет Томского учительского института. Уже тогда он говорил: «Нам необходима автономия территориально-национальная и культурная...» [Трудная..., 1993; Статьи..., 1969, с. 9, 102; П.А. Ойунский..., 1998, с. 62]. В марте 1918 г. Слепцов вступил в Томскую организацию РКП (б). 1 июля 1918 г. он участвовал в штурме г. Якутска красным отрядом А.С. Рыдзинского. Политические чаяния якутов позволили, по мнению Платона Алексеевича, правым эсерам объявить самостоятельность Якутской области в 1918 г. и взять Якутск приступом обратно. Большинство погибших при штурме были якутами, что свидетельствовало об уже сформировавшемся национальном движении [Платон..., 2015, с. 111]. В период колчаковщины Слепцова арестовали и выслали за пределы Якутии. Он устроился в с. Казанка Томской губернии учителем в школу. В мае 1919 г. Платона Алексеевича арестовали и приговорили к расстрелу, но благодаря помощи бывшей политссыльной М.М. Виленской ему удалось избежать казни [П.А. Ойунский..., 1998, с. 10, 11, 14].

К началу 1920-х гг. коммунистическая партия, как пишет Йорг Баберовски, обрела новый облик: из русско-еврейской организации она трансформировалась в мультинациональную. Посредники из коренных народов изменили как саму партию, так и социалистический проект, потеснив старых большевиков на руководящих постах. Теперь представители нацменьшинств – И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, Л.М. Каганович – олицетворяли империю, находясь непосредственно в ее центре, в то время как в регионах программу правительства проводили национал-коммунисты [Баберовски, 2006, с. 181].

Платон Алексеевич отмечал, что бывшая Якутская область имела губернские права, в период Октябрьской революции декларировался свободный союз свободных народов, но весной 1920 г. Сибревком проигнорировал национальное движение и превратил Якутию в район Иркутской губернии. На эту ошибку, посягающую на права якутов, не раз обращали внимание якутские большевики, но безрезультатно. Поэтому национальное движение в Якутии склонялось даже к полному отделению от РСФСР, как результат, возникли «контрреволюционные за-

говоры»: «оросинский» 1920 г. и февральский 1921 г. Ойунский был возмущен тем, что когда ВЦИК и Наркомнац предоставили бурятам автономии, в Якутии наблюдалась обратная картина: «безумный аппарат Сиббюро и Сибревкома», по его словам, расстреливал якутов-автономистов» [Платон..., 2015, с. 111, 114, 115].

Сложную политическую и экономическую ситуацию обострил в 1921 г. своей деятельностью «триумвират» во главе с Г.И. Лебедевым, А.В. Агеевым, А.Г. Козловым, планировавший подавить антисоветский мятеж массовыми репрессиями против коренного населения области. В этих условиях Ойунский выступил с предложением амнистировать представителей «трудовой интеллигенции», репрессированной по делу «февральского 1921 г. заговора» [ФНА РС (Я). Ф. 182. Оп. 1. Д. 56. Л. 32]. Также в постановлении Якутгубревкома от 18 октября 1921 г. говорилось о том, чтобы изоляция не применялась в отношении учителей, фельдшеров, кооперативных работников, нарсудей, волостных и сельских секретарей, т.е. представителей интеллигенции [Платон..., 2015, с. 127, 128].

В многонациональной России с её этнически пёстрым населением народные волнения не могли не облекаться в ряде случаев в форму национальных выступлений. Не обладавшие в большинстве своём до этих событий отчётливым национальным самосознанием якуты за короткое время превратились из объекта воздействия различных национальных сил в мобилизованную группу со сформировавшейся идентичностью и программой действий. По сути дела, в Якутской области сформировалась национальная повстанческая армия, которая была носителем народного представления о будущем своего края, движущей силой восстания были якуты во главе с Временным правительством – ВЯОНУ (Временное якутское областное народное управление). Жесткие меры партийно-советского руководства стали причиной возникновения в якутском национальном движении идеи выхода ЯАССР из РСФСР и ее вхождения напрямую в состав СССР. Национальная мобилизация периода Гражданской войны осталась уникальным опытом в истории якутского народа [Витухновская-Кауппала, 2010, с. 246, 248, 272, 280]. В ночь с 10 на 11 марта 1922 г. военно-политическое совещание партийцев во главе с Ойунским отстрани-

ло от власти триумвират, и это решение было поддержано Сиббюро ЦК [П.А. Ойунский..., 1998, с. 27, 28; Статьи..., 1969, с. 30].

Ойунский писал, что Сибирь была покорена при Иване Грозном, а Якутия – при Борисе Годунове. С тех пор монархия препятствовала доступу, в первую очередь, якутской бедноты в высшие и средние учебные заведения. Поэтому в обществе сформировалось устойчивое мнение, что «только своя власть» сумеет разрешить «эти вопросы положительно» [ФНА РС (Я). Ф. 2. Оп. 1. Д. 393. Л. 13об.]. В апреле 1921 г. П.А. Ойунский, И.Н. Барахов и ответственный работник ЦК А.В. Агеев поставили перед Сиббюро и Сибревкомом вопрос об образовании Якутской АССР. Член Сиббюро В.И. Хотимский и председатель Сибревкома И.Н. Смирнов, отмечая отдаленность области, культурную отсталость населения, считали, что организация автономной Якутской республики не вызовет консолидации якутского народа вокруг большевиков и приведет к ее захвату Японией или США. Отмечалась также активность туземной буржуазной интеллигенции, панмонгольских и «шовинистических элементов» при полном отсутствии пролетариата и слабости коммунистической туземной организации РКП (б) [Макаров, 1988, с. 129, 130; ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12а. Л. 23–25, 31]. По этому поводу Платон Алексеевич ответил оппонентам, что «вечно мерзлая, вечно недоступная по Северному Ледовитому океану, малонаселенная» Якутия «менее интересна, чем даже Камчатка и Сахалин, которые более близки и доступны японо-американскому империализму». Он призвал предоставить народам области «широкую возможность строить свою жизнь сообразно местным особенностям культуры, быта и нравов» [ФНА РС (Я). Ф. 2. Оп. 1. Д. 393. Л. 12, 12об.].

4 октября 1921 г. была образована комиссия для разработки проекта Конституции республики во главе с Ойунским, подготовившая проекты «Декларации прав и обязанностей трудящихся» и «Положения об автономии Якутской республики» [Статьи..., 1969, с. 37–39; П.А. Ойунский..., 1998, с. 25, 29]. Изначально Ойунский и его соратники добивались статуса автономной республики, и попытка дать якутам статус автономной области была оценена Ойунским как «ширма», когда документация направлялась из

Москвы в Сибцентр, оттуда в Иркутск, затем вновь в Сибцентр и только затем в Якутск [ФНА РС (Я). Ф. 2970. Оп. 34. Д. 6. Л. 1об., 2]. 27 апреля 1922 г. сформировалось первое правительство Якутии – Совнарком под руководством Ойунского, а 23 января 1923 г. на I Всеякутском Учредительном съезде Советов его избрали председателем ЯЦИК [Статьи..., 1969, с. 40, 41; П.А. Ойунский..., 1998, с. 13, 17, 28].

22 апреля 1922 г. Ойунский подписал манифест об амнистии повстанцев [П.А. Ойунский..., 1998, с. 13, 24, 25]. 29 апреля 1923 г. Ойунского, как «идеолога автономности Якутии», приняли почетным членом культурно-просветительного общества «Саха омук» [Платон..., 2015, с. 235]. Тунгусское выступление 1924–1925 гг. против советской власти было также ликвидировано мирным путем, когда Платон Алексеевич указал в своем воззвании, что к сдавшимся в плен никаких репрессивных мер не будет применено, поскольку «каждый красноармеец, командир и комиссар – этот тот же трудящийся и вполне сознает, что Вы ни в чем не виноваты». Если же по недоразумению кто-либо начнет оскорблять бывших повстанцев, то Ойунский рекомендовал немедленно обратиться с письмом к командующему войсками ЯАССР [Там же, с. 181, 182]. В 1924 г. за подписью Ойунского вышло постановление об амнистии якутов-эмигрантов, находившихся в г. Харбине [ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 3. Д. 271. Л. 55, 56].

Декларирование коммунистами достаточно либеральной позиции в вопросе о национальной культуре создало предпосылки для того, чтобы якутская интеллигенция сконцентрировала свои творческие усилия на разработке механизмов воспроизводства и функционирования этнической культуры в ущерб (к разочарованию партии) интегративному моменту, предполагавшему культурное развитие якутов в общесоветском контексте [Варнавский, 2003, с. 159]. Поэтому в 1924–1925 гг. во время дискуссии в печати вокруг вопроса о реорганизации «Саха омук» в научно-исследовательское общество Ойунский указывал, что культурно-просветительное общество «Саха омук» и национальная интеллигенция «не имеют революционного и пролетарского мандата на руководство судьбами ЯАССР и ее трудящихся масс» [Платон..., 2015, с. 235].

Платон Алексеевич был организатором и руководителем научно-исследовательского общества «Саха Кэскил». Краеведение представляло собой достаточно самостоятельный и мощный механизм мобилизации национальных пространств, став инструментом создания оригинального языка их описания. В национальных республиках и округах, т.е. тех регионах, которые официально принадлежали иным, нерусским национальностям, развитие краеведения было непосредственно связано с ростом национального движения. Быть краеведом в 1920-е гг. означало работать вместе с общепризнанными российскими учеными под эгидой Академии наук, публиковаться в столичных журналах, участвовать в научных конференциях и коллективных проектах [Мельникова, 2012, с. 212, 220, 218].

В 1928 г. после подавления выступления конфедералистов во главе с П.В. Ксенофонтовым, добивавшихся предоставления Якутии прав союзной республики, национально-культурного самоопределения и обеспечения прав личности, руководство Якутской АССР было обвинено в «систематическом выдвигании» на руководящие должности националистически настроенной интеллигенции». На VI областной партийной конференции (2–6 сентября 1928 г.) партиец А.И. Кремнев сказал, что «Ойунский, один из представителей бывшего руководства, считает ниже своего достоинства приходить на конференцию и считает за лучшее отсиживаться дома» [НА РС (Я). Ф. 605. Оп. 2. Д. 12. Л. 169]. К середине 1930-х гг. Платон Алексеевич переменил свою позицию и стал утверждать, что в 1920-е гг. борьба против «националистически настроенной» интеллигенции «не доводилась до конца», что укрепляло ее политическую роль [Ойунский, 1993, с. 54]. Когда в период между 1933 и 1935 гг. в СССР обнаружилось, что национальные коммунисты объединились с традиционными элитами вместо того, чтобы отстранить их от рычагов власти, Сталин дал указание уничтожать нелояльных коммунистов [Баберовски, 2006, с. 189].

В 1931 г. Ойунский поступил в аспирантуру при научно-исследовательском Институте национальностей и в 1935 г. стал первым кандидатом лингвистических наук из якутов. В том же году его назначили директором Института языка и

культуры при СНК ЯАССР. Под его руководством начинающие сотрудники брались за крупные научные темы. К примеру, Н.М. Заболоцкий, имевший среднее образование, написал «Очерки истории якутской литературы», С.И. Боло, у которого не было даже среднего образования, собрал свод исторических преданий якутов. Ойунский пренебрегал такими «опасными» анкетными данными ученых, как, например, тойонское происхождение этнографа Г.В. Ксенофонтова или «кадетское прошлое» историка Г.А. Попова, т.е. на первое место ставил способности и знания. Сотрудники института подготовили восемь томов «Ученых записок», составили учебники для якутских школ и терминологические словари. Ойунский как директор планировал опубликовать избранные произведения А.Е. Кулаковского [Статьи..., 1969, с. 130, 131, 164, 222, 223; Тобуроков, 1995].

Как оказалось, «политического самоопределения» 1923 г. было недостаточно, и поэтому в общественном дискурсе актуализировалась проблема «культурного самоопределения», конечной целью ставилось создание «культурной» этнонации. В 1928–1931 гг., будучи наркомом просвещения Якутии, Ойунский способствовал формированию сети новых школ, культурно-просветительных учреждений, книгоиздательской деятельности, развитию национальной печати, культуры и искусства [П.А. Ойунский..., 1998, с. 14]. Наркомпрос Якутской АССР тогда имел некоторую самостоятельность, и через просвещение национальная интеллигенция попыталась конструировать якутскую нацию. Руководство всей культурной жизнью республики было сосредоточено в этом органе исполнительной власти [Варнавский, 2003, с. 179, 156, 158].

В 1920-х гг. русский язык утратил свое значение *lingua franca*. По совету лингвистов и этнографов большевики перевели обучение грамоте и школьное образование у всех народов бывших имперских окраин, включая даже малочисленные народы, на национальные языки. Во многих случаях возможность обучения коренного населения на родном языке впервые обеспечивалась за счет превращения крестьянских диалектов в письменные языки и создания грамматик. Без посреднической помощи местных коммунистов было бы невозможно осуществить коренизацию социализма. Однако они воспри-

нимали социализм, прежде всего, как национальную мобилизующую идеологию, как инструмент учета, категоризации и перевоспитания подданных в национальном духе: так, для якутских национал-коммунистов было важно, чтобы бывшее сословие инородцев было трансформировано в якутскую нацию [Баберовски, 2006, с. 186, 188]. Ойунский разрабатывал якутский литературный язык, расширил словарный запас путем использования архаизмов, введения революционных неологизмов, русских и интернациональных терминов, составил современные правила орфографии, создал научную теорию якутского стихосложения, заложил основу для новых форм стихосложения [Статьи..., 1969, с. 54–56, 58, 61, 78, 162, 208]. Будучи председателем ЯЦИК, Платон Алексеевич ратовал в 1924 г. за привлечение в органы советской власти представителей национальной интеллигенции, а также «работников из гущи населения», говорил, что тем самым «мы приближаем аппарат к массам и ускоряем проведение якутизации» [Платон..., 2018, с. 53].

Эпическое время фольклора в Европе завершилось с рождением авторской литературы. С появлением автора фольклорный путь в эпос был закрыт навсегда. Искусство стало индивидуальным. В республиках советского Востока этого еще не произошло. Советская власть застала фольклор еще живым и заставила работать на себя. Это была «национальная литература» даже не по языку, поскольку ее функции лежали за пределами своего языка и своего этноса. Но именно национально-советская литература, призванная обслуживать «единый и могучий советский народ», стала источником того, что требовалось для формирования этой новой «исторической общности людей». В переходный период, когда в культурах советских национальных меньшинств широко распространялась массовая письменность, началось создание национальной литературы. Соцреализм в национальных культурах начал формироваться в условиях, когда большинство из них не имели не то что литературной традиции, но даже письменности. Неизбежным поэтому оказался своего рода откат в фольклор и эпос [Добренко, 2013, с. 238, 239].

Платон Алексеевич, занимавшийся исследованием якутского фольклора со студенческих

лет, воссоздал монументальный эпос «Нюргун Боотур Стремительный». В поэме «Красный Шаман» описывается победа Красного Шамана над Орос Баем, которая не привела к освобождению народа от рабства, т.к. борьба со злом с помощью зла не вела к добру. В повести «Александр Македонский» поэт отразил конфликт между великим полководцем, идущим «кровавым путем», и ученым Аристотелем, избравшим путь «познания и победы разума». Произведение «Великий Кудангса» он посвятил безуспешной попытке человека возвыситься над природой [П.А. Ойунский..., 1998, с. 15, 18, 23, 80; Статьи..., 1969, с. 88, 89, 133].

Таким образом, политическая система 1920-х гг. в стране являлась авторитарной, однопартийной, с господствующей классовой идеологией. Однако в этих неблагоприятных условиях партийно-советское руководство при поддержке интеллигенции сумело предложить народу адаптированный вариант проекта по строительству государственности в форме автономной республики, по привлечению к сотрудничеству интеллигенции и национально-культурному возрождению. При этом использовалось дореволюционное демократическое наследие прогрессивных представителей, к примеру, идеи «Письма якутской интеллигенции» А.Е. Кулаковского.

Якутская нация поверила в своих лидеров, пошла за ними, возникло широкое автономистское, национально-культурное, краеведческое движение.

Благодаря этим усилиям партийно-политических лидеров, в том числе Ойунского, окончательно сформировалась якутская нация. Сегодня личность Ойунского в сознании якутского народа по-прежнему остаётся легендарной, героической и популярной.

Литература и источники

Баберовски Йорг. «Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство 1917–1953 гг. // Там же. – 2006. – С. 177–196.

Варнавский П. Границы советской бурятской нации: «национально-культурное строительство» в Бурятии в 1926–1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // *Ab imperio*. – 2003. – №1. – С. 149–176.

Витухновская-Кауппала М. «Карелия для карел!»: Гражданская война как катализатор национального самосознания // Там же. – 2010. – №4. – С. 245–282.

ГАНУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12а.

Добренко Е. Гомер сталинизма: Сулейман Стальский и советская многонациональная литература // Там же. – 2013. – №3.

Макаров Г.Г. Северо-восток РСФСР в 1918–1921 гг. – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 303 с.

Мельникова Е. «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–1930-х годов и советская национальная политика // *Ab imperio*. – 2012. – №1. – С. 209–240.

НА РС (Я). Ф. 605. Оп. 2. Д. 12.

Ойунский П.А. Избр. пр. Т. III. – Якутск: Бичик, 1993. – 480 с. – На якут. яз.

Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность: сб. арх. док. – Якутск: Бичик, 2015. – 448 с.

Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность: сб. арх. док. – Якутск: Бичик, 2018. – 168 с.

П.А. Ойунский: взгляд через годы. – Новосибирск, 1998. – 211 с.

Статьи и воспоминания о П.А. Ойунском. 1893–1968 гг. – Якутск: Кн. изд-во, 1969. – 208 с.

Тобуроков Н.Н. Завещание Ойунского // Республика Саха. – 1995. – 24 авг.

Трудная дорога к знанию // Якутия. – 1993. – 29 июня

ФНА РС(Я). Ф. 2. Оп. 1. Д. 393; Ф. 3. Оп. 3. Д. 271; Ф. 14. Оп. 1. Д. 37; Ф. 182. Оп. 1. Д. 56; Ф. 2970. Оп. 34. Д. 6.

Якимов О. Непрочитанный Ойунский // Республика Саха. – 1994. – 11 нояб.

E.P.Antonov

Platon Oyunsky: National Biography in the Soviet Empire

The article reveals the activities of one of the prominent representatives of the Yakut intelligentsia – an outstanding state and political figure, the founder of the Yakut Soviet literature, linguist Platon Alekseevich Oiyunsky (1893–1939) for the implementation of a large-scale state-building project in the form of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic and national cultural revival, which was a modernization in the conditions of an authoritarian, one-party political system in 1920. The historical continuity is shown in the course of widespread attraction and appointment of

key intellectuals of the pre-revolutionary period to national-state construction to key positions. The birth of a broad autonomist, national-cultural, and local lore movement in Yakutia, which played a huge role in the formation of the new Yakut nation in the Soviet Union, is shown.

Keywords: national question, social revolution, elite of imperial periphery, marginal regions, territorial-national autonomy, Yakut intelligentsia, autonomous republic, national movement, rebel army, national-cultural self-determination, local history.

С.А. Григорьев

DOI: 10.25693/LGI2218-1644.2018.04.003

УДК 316.462(=1.571.56-81)(571.56-17)

Власть и коренные народы в Азиатской Арктике: предпосылки возникновения и формирование аборигенных движений в регионе

В представленной статье автором рассмотрены причины и предпосылки возникновения аборигенных движений в азиатских регионах Российской Арктики. Отмечена особая роль государства в формировании экстенсивной модели освоения северных территорий. Подчеркивается, что появление этнических объединений коренных народов в конце XX в. стало прямым следствием проводимой политики. Активное промышленное проникновение на территории традиционного проживания аборигенного населения привело к кризису их этнической культуры, а также ухудшило их социально-экономическое положение. Демократизация общественной жизни во второй половине 1980-х гг. привела к росту этнического самосознания, как реакции на накопившиеся проблемы. По итогам проведенного исследования отмечено, что формирование этнических объединений привело к появлению новой общественной структуры, играющей особую роль в политической жизни арктических регионов.

Ключевые слова: коренные народы, Азиатская Арктика, аборигенные движения, власть и общество, промышленное освоение, государственная политика, этнические ассоциации.

XX век стал для коренных народов Азиатской Арктики временем глубоких перемен. Огромные пространства, являющиеся местом традиционного проживания для целого перечня аборигенных этнических групп, стали объектом пристального внимания со стороны российских властей в силу их значительного ресурсного и стратегического потенциала. Освоение этих территорий являлось одной из важнейших задач для государства на протяжении нескольких столетий. Но если до 1917 г. и прихода к власти большевиков основным востребованным богатством арктических территорий были биологические ресурсы, такие, как морской зверь и пушнина, то после революции основной целью стали полезные ископаемые.

Смена приоритетов в освоении не сильно повлияла на отношение государства к арктическим

жителям. Новая политика молодого советского государства, направленная на промышленное развитие арктических территорий, отводила местному населению, основным занятием которого традиционно являлось сельское хозяйство, второстепенную и вспомогательную роль. При этом малочисленные народы помимо своей воли оказались втянуты в широкомасштабные процессы, направленные на форсированное промышленное развитие страны. На огромных территориях Арктического региона были развернуты инициированные советским правительством многопрофильные научные исследования [см.: Сулейманов, 2013; 2016], в последующем перераставшие в промышленное освоение, ставившее своей задачей разработку природных ресурсов.

Так, уже в 1919–1923 гг. под руководством выдающегося ученого-геолога и исследователя

Арктики Н.Н. Урванцева было изучено и предварительно разведано Норильское месторождение каменного угля, а в 1920 г. открыто первое в России крупное сульфидное платиноидно-медно-никелевое месторождение Норильск-I, и в 1935 г. правительством было принято решение о строительстве Норильского горно-металлургического комбината. В 1923–1925 гг. известным геологом и географом С.В. Обручевым был открыт Тунгусский каменноугольный бассейн. Важнейшим событием в 1930-е гг. стало открытие группой геологов под руководством А.Е. Ферсмана уникальных апатитовых месторождений на Кольском полуострове. Уже в 1931 г. в г. Кировске была построена первая обогатительная фабрика по переработке нефелин-apatитовых руд, а несколько раньше, в 1929 г., – первый апатитовый рудник. В 1932 г. там же, на Кольском полуострове были выявлены медно-никелевые месторождения, а в конце 1938 г. было завершено строительство первой очереди комбината «Североникель» [Додин, 2005, с. 39].

Начиная с 1930-х гг. были выявлены крупные месторождения олова на Чукотке и в Якутии, где в последующем были построены Иультинский, Певекский и Депутатский горно-обогатительные комбинаты. В Европейской Арктике открытие Оленегорского (1932 г.), Ено-Ковдорского (1933 г.) и других месторождений привело к созданию крупных горно-обогатительных комбинатов производительностью 14 млн. тонн сырой руды в год [Там же, 2005, с. 40–41]. С 1931 г. началось освоение крупнейшего в мире Колымского золотороссыпного района.

На рубеже 1950–1960-х гг. промышленное освоение северных районов СССР в значительной степени было усилено. Были открыты месторождения редких металлов в Мурманской области, на Таймыре и в Якутии, алмазные месторождения в Архангельской области и Якутии. Началось развитие нефтеперерабатывающей отрасли в Тюменской области, активизировались геологоразведочные работы на Таймырском и Ямальском полуостровах, а также в бассейне р. Лена, продолжилось расширение Норильского промышленного района. Развертывание строительства, охватившего Арктический регион, значительно расширило производственные площади горнодобывающих компаний и вызвало приток рабочей силы, увеличение чис-

ла переселенцев из других регионов страны и фактически создало угрожающую ситуацию, когда коренное население стало национальным меньшинством на своей территории, а установленная правовая и нормативная база не могла обеспечить их право на сохранение своей культуры и образа жизни.

Для многих регионов Арктики ситуация усугублялась болезненным процессом перевода кочевого населения на оседлое положение. Хотя проводившиеся социальные и экономические преобразования не оказали существенного влияния на развитие традиционных секторов экономики, идеологический отказ от кочевничества угрожал быту и образу жизни местного населения. Последовавшие за этим изменения в структуре и характере расселения коренного населения, уменьшение дисперсности его проживания, увеличение числа и укрупнение населенных пунктов во многом ускорили ассимиляционные процессы в регионе и вытеснили этнокультурные особенности и язык малочисленных народов Севера из производственной и образовательной среды [Филиппова, 2007, с. 72].

С 1960-х г. началась трансформация арктических колхозов, где в тот момент работало большинство коренного населения, в совхозы, специализирующиеся на оленеводстве, производстве пушнины и звероводстве. Тем самым жители арктических сел становились совхозными рабочими. Но в районах проживания народов Севера аграрные реформы не оказали существенного влияния на улучшение отраслей северной экономики, а также условий труда и жизни населения, занятого в этих секторах. Это выражалось в том, что по уровню применения достижений научно-технического прогресса оленеводческо-промысловые отрасли и звероводство значительно отстали от других отраслей производства.

Несмотря на попытки государства перевести все кочевое население на оседлый образ жизни, данный процесс происходил медленно вследствие того, что оленеводы и охотники должны были перейти от кочевого образа жизни к проживанию в поселках со всеми преимуществами поселений городского типа и в то же время сохранить традиционные отрасли хозяйства, с которыми исторически связаны их судьбы и которые являлись наилучшим способом эффектив-

ного использования биологических ресурсов Севера. Трудносовместимые по пространственной и социальной организации эти две задачи вынуждали северянина к компромиссу – пожертвовать бытовым комфортом или отказаться от образа и уклада жизни, унаследованного от предков [Там же, с. 28].

Вместе с тем по-прежнему остались нерешенными такие важные задачи, как острый недостаток трудовых ресурсов в совхозах и колхозах Крайнего Севера, реконструкция материально-технической базы этих отраслей производства на основе достижений научно-технического прогресса. Также сдерживающее влияние оказывали неудовлетворительные жилищно-бытовые условия во многих населенных пунктах. Значительную роль в низких показателях уровня жизни коренных жителей Севера играло недостаточное медицинское обслуживание. Среди коренного населения смертность, в том числе и детская, в 1,5–3 раза была выше, чем среди приезжих, и в 2–3 раза выше, чем в других регионах страны. Средняя продолжительность жизни представителей народов Севера в 1989 г. была на 1–4 года короче, чем в среднем по России, а малочисленных народов Севера – на 9,5 и 10 лет. Средняя продолжительность жизни мужчин составляла 54 года, женщин – 65 лет [Донской, 1992, с. 53].

Было бы неправильно говорить, что государство полностью игнорировало положение малых народов Севера. В 1950–1970-х гг. правительство РСФСР приняло ряд резолюций, касающихся мер по развитию экономики и культуры северных народов с целью преодоления значительного отставания в их экономическом и культурном развитии. Для постоянного мониторинга развития экономики и культуры народов Севера и координации работы министерств и ведомств в северных регионах были созданы специальные структурные подразделения. Так, например, по предложению Госплана Якутской АССР в 1967 г. был создан Отдел по народностям Севера Совета Министров ЯАССР [Филиппова, 2007, с. 28].

Специальным указом Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 16 марта 1957 г. коренным народам Севера были предоставлены различные льготы: денежные ссуды для жилищного строительства с погашением значительной ча-

сти из них; содержание детей в дошкольных учреждениях, школах-интернатах и выделение пособий для молодежи, поступившей в университеты, и т.д. Данное постановление было призвано продемонстрировать заботу советского правительства о северных меньшинствах, но при этом по отношению к малочисленным народам Севера не учитывались их права на собственное видение дальнейшего развития. Представители самих этнических групп фактически были отстранены от решения своих проблем, а советская политика государственного патернализма исключала критические дискуссии и инициативы «снизу». Все вопросы решались постановлениями исполнительных органов, что сделало невозможным регулирование возникающих социальных противоречий в правовой сфере.

К концу 1980-х гг. коренные народы Арктического региона столкнулись с еще большим количеством проблем, препятствующих их дальнейшему этническому развитию. Процессы ассимиляции были логическим результатом промышленного развития северных территорий. Ситуация начала меняться только во второй половине 1980-х гг., когда политические события в стране напрямую повлияли на пробуждение и рост национальной идентичности всех этнических общин, проживающих в СССР, включая малочисленные народы Севера. Общественная конъюнктура того периода открыла широкие возможности для дискуссий, затрагивающих проблемы коренных этнических групп, в ходе которых появились критические оценки последствий национальной политики в СССР. Продолжающиеся споры в научном сообществе, средствах массовой информации и среди интеллигенции позволили открыто заявить о трудностях, с которыми сталкивались северные жители, что, в свою очередь, резко контрастировало с традиционными официальными сообщениями.

Этот период примечателен также тем, что именно тогда аборигенные этносы Арктического региона получили возможность создавать организации для защиты своих прав, культуры и образа жизни. В предельно короткий срок (с лета 1989 до весны 1990 г.) во многих местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера были проведены учредительные съезды их этнокультурных ассоциаций [см.: Мир коренных ..., 2010]. Так, в октя-

бре 1989 г. одной из первых в стране была образована общественная организация аборигенных этносов в Арктике – ассоциация «Ямал – потомкам», первоначальной задачей которой была защита прав, социально-политических интересов коренных малочисленных народов, веками проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Инициаторами создания нового объединения выступили представители национальной интеллигенции, выдвигавшие идеи создания общественного движения по защите прав коренного населения начиная с 1988 г.

Идеолог создания организации «Ямал – потомкам» – С.Н. Харючи, ставший впоследствии президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (РАЙПОН), призывал к необходимости соблюдения прав коренных малочисленных народов на современное развитие, сохранение традиционного образа жизни, культуры [Там же, с. 43]. Итогом работы стало проведение в октябре 1989 г. учредительного съезда, делегаты которого представляли ненцев, ханты, селькупов, коми-зырян, русское старожильческое население. В дальнейшем сфера деятельности ассоциации была расширена, она стала выступать в т. ч. за консолидацию коренных малочисленных народов региона; сохранение этнической самобытности, уклада жизни и культуры; осуществление взаимодействия с органами власти для обеспечения правовой и социально-экономической защиты.

Почти одновременно с ассоциацией «Ямал – потомкам», в другом арктическом регионе – Ненецком автономном округе – была образована ассоциация ненецкого народа «Ясавэй». Состоявшийся 12 декабря 1989 г. в г. Нарьян-Маре Учредительный съезд народов Севера принял решение об образовании добровольной общественной организации, объединяющей ненецкий и другие малочисленные этносы Севера, проживающие в Ненецком АО. Позднее, в 1998 г. Ассоциация «Ясавэй» была переименована в общественное движение «Ассоциация ненецкого народа “Ясавэй”». Ее целью и задачами стали: работа над решением проблем социально-экономической жизни ненцев; содействие росту их национального самосознания, сохранению культуры и традиционного образа жизни, а так-

же укрепление связей между ненцами из соседних автономных округов и развитие межнациональных отношений с другими малочисленными народами Севера путем поиска общих интересов в экономике, культуре и искусстве [Там же, с. 61–62].

В декабре 1989 г. состоялся учредительный съезд Ассоциации коренных народов Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа. В его работе приняли участие 107 делегатов из всех поселков округа, которые представили все аборигенные этносы Таймыра – ненцев, долган, нганасан, энцев и эвенков. Кроме них на съезде присутствовали приглашенные делегации из Ямало-Ненецкого, Ненецкого, Эвенкийского автономных округов. Среди гостей были руководящие работники Норильского городского комитета КПСС, горно-металлургического комбината им. А.П. Завенягина, ученые из Норильска и Новосибирска. На учредительном съезде был избран первый президент Н.Н. Большаков – потомственный оленевод, долгие годы работавший в совхозах округа, а затем перешедший на партийную работу [Там же, с. 40].

К 1990 г. этнические ассоциации коренных народов появились во всем Арктическом регионе. Не стали исключением и северо-восточные районы страны. В декабре 1989 г. состоялся учредительный съезд Ассоциации народностей Севера Якутской АССР. В январе 1990 г. была создана Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Чукотки и Колымы. Позднее, в декабре 1992 г., образовалась Ассоциация малочисленных народов и этнических групп Севера Магаданской области. Формирование региональных объединений сопровождалось открытием их филиалов и первичных отделений в населенных пунктах, являющихся местами компактного проживания аборигенных этносов Севера. Так, к лету 1991 г. в Якутии было открыто 20 районных ячеек местной Ассоциации [Информационный отчет..., с. 1]. В Магаданской области были зарегистрированы шесть районных и 10 сельских общественных организаций коренных народов [Соболева, 2012], в Чукотском АО – семь районных и 27 филиалов в отдельных населенных пунктах [Народы Чукотки...].

Отдельно следует отметить роль государства в формировании и деятельности ассоциаций коренных народов Севера. В конце 1980-х гг.

именно партийные органы приняли активное участие в создании новых общественных объединений в регионах. Так, например, в учредительную комиссию по образованию Ассоциации народностей Севера Якутской АССР входили представители местного областного комитета партии, а сама возможность создания такой организации рассматривалась секретариатом Якутского обкома КПСС [НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 299. Л. 115. Д. 124]. Создание общественной организации «Ямал – потомкам» активно поддерживали первый секретарь Ямало-Ненецкого окружного КПСС В.П. Первушин и председатель окрисполкома Г.А. Бурцев [Информация...]. Важную роль местных органов власти в подготовке и проведении учредительного съезда Ассоциации коренных народов Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа, а также ее скорейшей официальной регистрации признавали сами представители общественного движения [Мир коренных ..., 2010, с. 40–41].

Тем не менее создание этнических объединений стало новым шагом для коренных народов Арктики в области социального и политического развития. Новые общественные институты, получившие функции выражения требований, впоследствии сыграли значительную роль в формировании юридической основы защиты прав малочисленных народов. В 1990-е гг., уже после развала СССР, отдельные лидеры ассоциаций сумели занять важные политические посты в региональных структурах власти. Этнические активисты постепенно стали неотъемлемыми участниками различных представительских форумов, а регулярное участие представителей арктических аборигенных движений в работе таких международных организаций, как ООН, наглядно подчеркивает их возросший статус в современной системе общественных отношений в России.

Таким образом, появление этнических объединений коренных народов на рубеже 1980–1990-х гг. стало следствием проводимой в XX в. государством политики освоения арктических территорий. Активное промышленное проникновение на территории традиционного проживания аборигенного населения привело к значительному культурному и экономическому регрессу местных сообществ. Естественно, что в советский период какой-либо протест против

политики государства был невозможен в силу его полного контроля над общественной жизнью в стране. Но после либерализации политической системы, произошедшей во второй половине 1980-х гг., последовала отложенная реакция представителей коренных народов на сложившуюся к тому моменту ситуацию. Формирование этнических объединений (хоть и под контролем представителей власти) привело к появлению нового общественного института, занявшего важное место в политической жизни Азиатской Арктики.

Литература и источники

Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). – СПб.: Наука, 2005. – 283 с.

Донской Ф.С. Социальная защита населения Севера в условиях перехода к рыночной экономике // Человек и Север: Исторический опыт, современное состояние, перспективы развития / отв. ред. В.Н. Иванов. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 1992. – Ч. 2. – С. 51–57.

Информационный отчет: «О некоторых итогах работы Ассоциации народностей Севера Якутии за 1990 год и I полугодие 1991 года» // Текущий архив Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).

Информация о региональном общественном движении «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа “Ямал–потомкам!”» [Электронный ресурс] // URL: <http://dkmns.ru/ob-organ-yamal-pat> (дата обращения: 28.07.2016).

Мир коренных народов – живая Арктика // Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – 2010. – № 24. – 94 с.

Народы Чукотки. Официальный сайт региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.narodychukotki.ru/index.php/o-nas/istoriya-razvitiya.html> (дата обращения: 28.07.2016)

Национальный архив Республики Саха (Якутия): Ф. П-3. Оп. 299. Д. 124.

Петров Ю.Д. Малочисленные народности Севера: государственная политика и региональная практика. – М.: Academia, 1998. – 190 с.

Соболева В.Н. Партнерство во имя будущего // Торэн: офиц. газета Ассоциации малочисленных народов и этнических групп Севера Магаданской области. – 2012. – № 5–6 (май-июнь).

Сулейманов А.А. Деятельность Академии наук СССР по изучению Якутии в 1930-е – 1941 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – №2. – С. 56–60;

Сулейманов А.А. Исследования Академии наук СССР в Российской Арктике в 1930-е – 1941 гг. //

Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – №1. – С. 392–407.

Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности. – Новосибирск: Наука, 2007. – 172 с.

S.A. Grigorev

Power and Indigenous Peoples in the Asian Arctic: Prerequisites for the Emergence and the Formation of Aboriginal Movements in the Region

In the article, the author clarifies the causes and preconditions for the emergence of indigenous movements in the Asian regions of the Russian Arctic. The special role of the state in the formation of an extensive model of development of the northern territories is noted. Ethnic associations of indigenous peoples appeared at the end of the twentieth century, this was a direct consequence of the policy pursued. Active industrialization on the territory of the aboriginal population led to a crisis of their ethnic culture, and also worsened their socio-economic situation. However, the liberalization of public life in the second half of the 1980s led to the growth of ethnic self-awareness as a reaction to the accumulated problems. Finally, it was noted that a formation of ethnic associations led to the emergence of a new social structure that plays a special role in the political life of the Arctic regions.

Keywords: indigenous peoples, the Asian Arctic, aboriginal movements, power and society, industrial development, state policy, ethnic associations.

Г.В. Толстых

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.005

УДК 316.4:346.548(571.56)

Проблемы развития социальной сферы Республики Саха (Якутия) на этапе перехода к рыночным отношениям

В статье рассматриваются проблемы и трудности развития социальной сферы Республики Саха (Якутия) в 1990-е гг. – в период перехода на рыночные отношения. Сложность стартового этапа рыночных реформ потребовала новых подходов, отличных от других регионов Российской Федерации.

Вхождение в рыночную систему координат привело к коренным изменениям в государственном управлении социальной сферы. На смену уравнилельно-распределительной системе пришла адресная система социальной защиты населения. Формировался новый рынок труда, осуществлялась активная политика занятости. Своевременно был принят целый ряд социальных программ: жилищное строительство; пенсионное обеспечение; социальная поддержка инвалидов и безработных; охрана материнства и детства. Социальную стабильность в Республике Саха (Якутия) удалось сохранить благодаря государственному регулированию социально-трудовой сферы. Был взят стратегический курс на социально ориентированную экономику.

Вместе с тем недостаток финансовых средств не позволил увеличить размеры социальных выплат, которые производились без учета совокупного дохода семьи. Остро стояла проблема повышения трудовой мотивации в условиях рыночной экономики. Перестала действовать система северных льгот, которая была достаточно эффективна в советский период. Была свернута социальная поддержка работающих на уровне предприятий (сана-

тории, детские сады, летний отдых детей). Темпы структурной перестройки экономики, создание новых отраслей промышленности не совпадали по времени с осуществлением социальных реформ в обществе.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), рыночные отношения, рынок труда, занятость населения, структурная перестройка экономики, социальные гарантии, государственное управление, социальная сфера, социальная защита, региональная социальная политика.

С начала 1990-х гг. Российская Федерация и Республика Саха (Якутия) приступили к социально-экономическим преобразованиям, которые привели к ломке административно-командной системы управления и переходу на рыночные механизмы. За сравнительно короткий исторический отрезок времени произошли необратимые процессы, которые вызвали смену общественно-экономической формации. Это был противоречивый период в нашей отечественной истории, требующий сегодня продуманного анализа и взвешенных оценок.

Социально-экономические реформы, проводимые в России, привели к радикальным переменам в развитии общества. Была осуществлена либерализация экономики, внешнеэкономической деятельности, проведена поэтапная приватизация. Кардинальные преобразования произошли в социальной сфере. В результате протекающих рыночных процессов у населения формировались принципиально новые ценностные ориентиры, изменился весь комплекс социальных условий россиян.

Либерализация экономики и устранение административных ограничений создали условия для роста экономической активности значительной части населения, развития рынка труда и самозанятости. Начались процессы перераспределения рабочей силы по законам рыночной целесообразности. Формировалась система коллективно-договорных отношений между социальными партнерами.

Вхождение в рыночную систему координат дало толчок развитию негосударственных учреждений образования, здравоохранения, других социально-культурных отраслей. У населения появились возможности реального выбора форм обучения, медицинского обслуживания.

Вместе с тем развитие экономики в условиях переходного периода, связанное со снижением эффективности хозяйства и падением производства, высокой инфляцией на старте экономических реформ, обусловило существенное снижение уровня жизни значительной части насе-

ления, реальной заработной платы и пенсий, рост безработицы и вызвало в ряде отраслей и регионов острые социальные конфликты. Хронический недостаток бюджетных средств ограничил возможности государства в проведении необходимой полноценной социальной политики. Размеры социальных выплат носили в большей степени символический характер. Перестала действовать довольно эффективная в советский период система северных льгот и материальных стимулов, которая привлекала на Крайний Север значительные трудовые ресурсы, особенно в индустриальный этап освоения.

Уровень реальных доходов населения в 1996 г. оказался примерно на 40% ниже, чем в 1991 г. [Адресная..., 1999, с. 39]. Резко возросли дифференциация, имущественное и социальное расслоение по доходам, условиям и качеству жизни. Эксперты отмечали ослабление стимулов к сознательному труду. Только на учете в органах социальной защиты для получения социальных пособий и льгот в 1996 г. состояло 117 тыс. малоимущих, или 11% населения Республики Саха (Якутия) [Там же].

Увеличивалось отставание минимальных социальных гарантий от бюджетов прожиточного минимума. Так, по сравнению с 1993 г. соотношение средней пенсии и прожиточного минимума пенсионеров значительно снизилось и в 1995–1996 гг. средняя пенсия почти сравнялась со стоимостью прожиточного минимума.

Из-за финансовых трудностей у значительной части предприятий была разрушена социальная инфраструктура (детсады, дома отдыха, профилактории и т.д.), ранее содержавшаяся за счет предприятий. Ощутимыми стали задержки с выплатами заработной платы и социальных пособий. Недостаточное ассигнование обострило проблему финансирования бюджетных учреждений образования, здравоохранения, науки и культуры.

Республика Саха (Якутия), являясь субъектом Российской Федерации, осуществляла с 1991 г. социально-экономические реформы в

основном по общероссийской модели. Вместе с тем сложность переходного периода потребовала новых подходов к формированию региональной социальной политики, основанной на привлечении собственных ресурсов и на собственном экономическом потенциале.

Таким образом, региональная социальная политика исходила из новых возможностей и реалий, которые давала относительная экономическая самостоятельность республики. Соответственно социально-экономические преобразования в Республике Саха (Якутия) проводились более последовательно и поэтапно, по сравнению с другими регионами Российской Федерации, с учетом специфических особенностей развития экономики республики.

С началом 1990-х гг. произошли коренные преобразования в области обеспечения социальных гарантий населения. Дореформенная система социальной защиты уже не срабатывала в новых условиях. Обеспечение социальной защиты, основанное на принципах «уравниловки», изжило себя. В советский период население было социально защищено в основном за счет общественных фондов потребления, получая бесплатную помощь и образование, приобретая продукты питания, промышленные товары и пользуясь различными услугами по низким ценам. С началом реформ под влиянием падения производства, возникновения первых признаков надвигающейся безработицы и либерализации цен произошло резкое снижение уровня жизни большинства населения республики [Социально-трудовая сфера..., 1996].

Положение усугублялось северной спецификой республики. Необходимо было в критической ситуации радикально менять подходы, находить новые пути обеспечения социальной защищенности, исходя из реальных возможностей. Восстановить в одночасье старые социальные гарантии было невозможно. На смену прежней системе пришли концептуально-новые, адаптированные к рыночным отношениям социальные ориентиры.

Когда в начале 1992 г. наметилась устойчивая тенденция к падению уровня жизни населения, стало очевидно, что социальная поддержка и финансовые ресурсы должны быть адресованы в первую очередь наиболее пострадавшим и материально уязвимым группам населения —

тем, кто в силу своих индивидуальных особенностей (возраст, ограниченные физические возможности) или объективных причин (низкий доход) не может себя обеспечить. Речь шла о пожилых людях, инвалидах, многодетных и неполных семьях и других нетрудоспособных малоимущих слоях населения. Курс, взятый первым Президентом Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаевым, позволил заложить это первоочередное направление в основу государственной политики в области социальной защиты.

Состояние социальной сферы в начале 1990-х гг. было сложным и противоречивым и отражало экономическую ситуацию рассматриваемого исторического периода. Отягощающими факторами были полностью разрушенный механизм социального обеспечения, талоны на продукты питания, галопирующая инфляция и признаки неконтролируемой безработицы.

В это сложное время была реальная угроза оставления «за бортом» тысяч нетрудоспособных и малоимущих людей в условиях массовой невыплаты пенсий и пособий, большого высвобождения рабочей силы, что могло привести к социальному взрыву. Такая ситуация наблюдалась во многих регионах Российской Федерации, однако в Республике Саха (Якутия) решение социальных вопросов не дали на откуп рыночной стихии.

Президенту и правительству республики удалось вовремя расставить акценты в бюджетной политике, определить приоритеты экономической стратегии и создать более гибкий и целостный механизм для принятия и выполнения целого пакета необходимых целевых финансово обеспеченных социальных программ. Благодаря тому, что была своевременно реализована целенаправленная социальная политика, в рассматриваемом северном регионе сохранялась стабильная социально-экономическая ситуация и был продолжен курс реформ [Акимов, 1996, с. 196].

В сложившихся экономических условиях предпринимались меры, направленные на смягчение отрицательных последствий методов «шоковой терапии», реализуемых правительством Е. Гайдара, которые сопровождались резким падением уровня жизни. Исходя из этого встала насущная необходимость компенсации материальных потерь наиболее нуждающимся группам населения. Были созданы механизмы

защиты доходов работников бюджетной сферы, социальной поддержки семей с детьми, ветеранов, инвалидов, граждан, потерявших работу. В основном удалось сохранить общедоступность образования, здравоохранения и культурного обслуживания населения. Таким образом, на стартовом этапе реформ была значительно усилена защитная функция социальной политики.

Диалектика и логика развития социальной стратегии обусловили концептуально новые ориентиры республики в условиях перехода на рыночные отношения. С учетом специфических условий (неразвитость ее производственной социальной инфраструктуры, низкий стартовый уровень социальноэкономического развития по сравнению с другими регионами России, низкая обеспеченность жильем и другими социальными благами, необходимость завоза товаров народного потребления) в республике изначально был взят курс на социально ориентированную экономику. Проводилась активная социальная политика, нацеленная на адаптацию населения к рыночным условиям, поддержку слабозащищенных и неконкурентных его слоев.

Последовательная реализация принципов Федеративного договора и новой экономической стратегии руководством Республики Саха (Якутия) позволила выработать и осуществлять активную социальную политику с учетом региональных особенностей, обеспечить условия для перехода к социально ориентированной рыночной экономики, которая была связана прежде всего со структурной перестройкой и коренной модернизацией экономики, направленной в конечном счете на устранение отраслевой диспропорции, удовлетворение потребностей населения через высокопроизводительный эффективный труд [Егоров, 2006, с. 355].

Основной целью социальной политики Республики Саха (Якутия) являлась стабилизация уровня жизни населения путем повышения реальных доходов за счет обеспечения роста социальных гарантий, трудовых доходов, занятости населения. Упор был сделан на социальную программу по улучшению пенсионного обеспечения, повышению размеров стипендии, пособий, компенсаций и других социальных выплат. Ввиду исключительной остроты стоящих перед республикой социальных вопросов была организована новая государственная структура для

обеспечения социальных гарантий населения – Министерство социальной защиты, труда и занятости Республики Саха (Якутия).

К 1996 г. в республике завершился начальный этап реформирования управления социальными процессами, результатом которого явилось создание принципа новой структуры управления социально-трудовой сферы в республике и системы социальной защиты населения. За короткие сроки удалось реорганизовать пенсионную службу: был образован Департамент пенсионной службы, на который был возложен весь круг вопросов – от разработки политики пенсионного обеспечения до выплат и доставки пенсий. Образованы Управление государственных социальных пособий, Государственная инспекция труда, а также Комитет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте Республики Саха (Якутия). Создана автономная система социального страхования, состоящая из внебюджетных фондов – пенсионного, социального страхования, медицинского страхования; занятости; фонда поддержки семьи, материнства и детства и фонда социальной поддержки населения. За эти годы в республике сложилась единая сеть органов социальной защиты населения. В улусах и городах республиканского подчинения были созданы Центры по труду и занятости, городские и улусные органы пенсионной службы [Толстых, 1998, с. 24].

На более высокий уровень, в соответствии с требованиями новых реформ переходного периода, было поставлено научное обеспечение исследования проблем всей социально-трудовой сферы. В республике был образован Национальный научно-исследовательский институт социальных проблем труда, Якутское отделение Академии социальных наук России. Регулярно проводились научно-практические конференции различного уровня по актуальным социальным проблемам, привлекались ведущие ученые и научные центры России и республики. Одной из первых в Российской Федерации была подготовлена в середине 1990-х гг. «Программа борьбы с бедностью в Республике Саха (Якутия)».

За 1992–1996 гг., основываясь на Федеративном договоре и заключенных социально-экономических соглашениях с Российской Федерацией, был принят целый пакет указов и распоря-

жений Президента Республики Саха (Якутия), постановлений Правительства Республики Саха (Якутия), предусматривающих приоритетное развитие социальной сферы, высокий уровень социальной защищенности. В соответствии с ними правительством был разработан и принят целый комплекс мер и социальных программ, обеспечивающих их реализацию.

Важнейшими и наиболее приоритетными программами переходного периода являлись «Программа социальной поддержки малоимущих слоев населения», президентская программа «Дети Республики Саха (Якутия)» в составе целевых подпрограмм «Дети инвалиды», «Дети сироты», «Дети Арктики», «Развитие индустрии детского питания», «Одаренные дети», «Организация отдыха, занятости и оздоровления детей в Республике Саха (Якутия) на 1995–2000 гг.», «Программа профессиональной реабилитации и занятости инвалидов», «Программа занятости населения Республики Саха (Якутия)», «Государственная программа создания новых и дополнительных рабочих мест в сельской местности Республики Саха (Якутия)» и другие. Ежегодно в республике принимались «Основные направления социальной политики Республики Саха (Якутия)» [Толстых, 1997].

Качественно новое содержание получило развитие законодательной базы социальной сферы. Были приняты законы «О социальной защите инвалидов в Республике Саха (Якутия)», «Об учителе», «Об охране здоровья населения в Республике Саха (Якутия)». В республике проводилось активное жилищное строительство в русле реализации Постановления Правительства «О государственной национальной политике жилищного строительства в Республике Саха (Якутия) на 1995–1996 гг.». Была принята «Концепция семейной политики в Республике Саха (Якутия)» [Северо-Восток России..., 2006, с. 517].

Во второй половине 1990-х гг. социально-экономическая ситуация стабилизировалась, снизились темпы инфляции, было приостановлено падение реальных доходов населения. Если в 1992 г. ежемесячный прирост потребительских цен составлял 35%, то в 1996 г. – всего 2%. В 1995 г. был отмечен рост реальных доходов населения Республики Саха (Якутия) на 29,3% при снижении его на 19% в 1994 г. Сред-

няя заработная плата выросла в 2,3 раза при соответствующем росте цен. Наметился рост в обеспечении населения товарами длительного пользования. В 1996 г. выросло потребление населением молочной, плодоовощной продукции. Оставалось стабильным потребление мяса, жиров, хлебопродуктов. Доля социальных выплат в доходах населения выросла с 6,5% в 1990 г. до 11,7% в 1996 г. Появились доходы от предпринимательской деятельности, продажи валюты, ценных бумаг, продажи и аренды недвижимости [Там же, с. 517].

По итогам 1995 г. республика по вводу жилья на 1000 жителей стала занимать одно из первых мест среди субъектов РФ. В 1996 г. объемы строительства индивидуального жилья по сравнению с соответствующим периодом прошлого года выросли в 1,6 раза, а по селу – в 1,8 раза. В середине 1990-х гг. уровень безработицы в республике составлял 0,8% от трудоспособного населения, что в три раза меньше, чем в целом по Российской Федерации. Правом на социальные льготы пользовались более 92 тыс. граждан. Адресную социальную помощь получали более 117 тыс. малоимущих [Десятилетие... 2002, с. 39].

Был выбран курс на активную политику занятости, направленную на максимальное сохранение имеющихся рабочих мест и создание новых и дополнительных рабочих мест на основе внедрения современных технологий по переработке местного сырья. Для этой цели были аккумулированы средства из республиканского и улусных бюджетов, внебюджетных фондов, программ «Лена», «Заречье» и направлены на создание новых производств в республике, особенно на селе. В 1995 г. было проведено выездное заседание Правительства Республики Саха (Якутия) в с. Борогонцы, Усть-Алданского улуса и принято Постановление Правительства «Об организации новых производств и дополнительных рабочих мест в Республике Саха (Якутия)». В ходе реализации этого проекта было создано более 5 тыс. новых рабочих мест.

В качестве актуальных задач ставились проблемы повышения эффективности использования выделяемых средств на социальную защиту, усиления адресности социальной поддержки, более активного привлечения внебюджетных источников. Была разработана система мер по постепенному приближению минимальной

заработной платы, минимальной пенсии к уровню соответствующего бюджета прожиточного минимума. В качестве критерия адресной социальной помощи рассматривался совокупный доход семьи.

Таким образом, начиная с середины 1990-х гг. в уровне жизни населения Республики Саха (Якутия) появились и стали закрепляться определенные моменты стабилизации на качественно новой основе. Люди забыли слово «дефицит». Был взят стратегический курс на социально ориентированную экономику. Формировался рынок труда работоспособного населения на основе свободного выбора профессии. Осуществлялась структурная перестройка экономики республики, были созданы новые отрасли: алмазо-камнеобрабатывающая, ювелирная, газо-нефтеперерабатывающая промышленность и т.д. Социальную стабильность в обществе удалось сохранить благодаря государственному регулированию социально-трудовой сферы. Вместе с тем темпы проводимых рыночных реформ отставали от масштабных задач коренной реконструкции экономики и социальной сферы.

Литература и источники

Адресная социальная помощь: теория, практика, эксперименты. – М.; ИСПЭН, 1999. – 124 с.

Акимов А.К. Социальная политика: региональные аспекты – Якутск, 1996. – 380 с.

Десятилетие социально-экономических преобразований: анализ, оценки, задачи. – Якутск, 2002. – 170 с.

Егоров Е.Г. Север России: экономика, политика, наука. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2006. – 560 с.

Северо-Восток России: региональная экономика и управление. – 2-е изд. / Е.А. Борисов, Е.Н. Галичанин и др.: монография. – М., 2006. – 624 с.

Социально-трудовая сфера России в переходный период: реалии и перспективы / Н.А. Волгин, Д.Н. Карпухин, Е.Д. Катильский и др. – М.: Мол. гвардия, 1996. – 834 с.

Толстых Г.В. Методологические проблемы изучения опыта формирования и развития системы социальной защиты: сб. науч. ст. – Якутск, 1997. – Вып. 4. – С. 23–48.

Толстых Г.В. Формирование и развитие системы социальной защиты населения на Крайнем Севере (1985–1990 гг.): историко-экономическое исследование. – Якутск, 1998. – 416 с.

G.V. Tolstykh

Problems of Social Development Sphere in the Republic of Sakha (Yakutia) at the Stage of Transition to Market Relations

The article deals with the problems and difficulties of development of the social sphere of the Republic of Sakha (Yakutia) in the 90s – the period of transition to market relations. The complexity of the initial stage of market reforms required new approaches that differ from other regions of the Russian Federation.

Entering the market system of coordinates led to fundamental changes in the state administration of the social sphere. The system of social protection of the population has replaced the equalizing and distributing system. A new labor market was formed an active employment policy was implemented. A number of social programs adopted in a timely manner: housing construction, pensions, social support for the disabled and the unemployed, protection of motherhood and childhood. Social stability in the Republic of Sakha (Yakutia) maintained thanks to state regulation of the social and labor sphere. A strategic course was taken for a social-oriented economy.

At the same time, the lack of financial resources did not allow increasing the amount of social payments that were made without taking into account the aggregate income of the family. There was an acute problem of increasing labor motivation in a market economy. The system of northern benefits ceased to operate, which was effective enough in the Soviet period. The social support of those working at the enterprise level (sanatoriums, kindergartens, summer rest for children) was minimized. The pace of economic restructuring, the creation of new industries did not coincide with the implementation of social reforms in society.

Keywords: the Republic of Sakha (Yakutia), market relations, labor market, employment of population, structural reorganization of the economy, social guarantees, public administration, social sphere, social protection, regional social policy.

А.Г. Томаска, С.И. Боякова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.017

УДК 316.444:(369.011.4:711.554)=(1.571.56-81)

Уровень и качество жизни коренного населения промышленных районов РС (Я): к вопросу исследования ресурсов мобильности*

В статье на основании полевых исследований авторов проанализированы основные параметры уровня и качества жизни, социального самочувствия традиционных северных сообществ на примере жителей с. Тас-Юрях Мирнинского района, с середины 1970-х гг. находящегося в эпицентре активного индустриального освоения месторождений алмазов, нефти и газа Западной Якутии. Оценивая современную социально-экономическую ситуацию в селе, авторы выявили как позитивные, так и негативные стороны влияния развития горнодобывающих отраслей на коренное население Российского Севера. Социологические данные исследования домохозяйств позволили определить особенности формирования и распределения доходов сельчан, их сопряженность с уровнем образования, составом семьи и занятостью. Подчеркивая в целом достаточно высокие степень технической оснащенности хозяйств и процент занятости, в т.ч. на производственных объектах добывающих компаний, коренных жителей с. Тас-Юрях, связанные с этим возможности их высокой мобильности, авторы тем не менее отмечают встречающиеся сложности и неоднозначной характер оценки их реальных доходов.

Ключевые слова: коренное население, промышленное освоение, Западная Якутия, семья, уровень жизни, доходы, бедность, занятость, мобильность, социальное самочувствие.

С конца 1940-х гг. на территории Западной Якутии начались интенсивные поиски алмазных месторождений, увенчавшиеся их открытием и созданием алмазодобывающей промышленности СССР. Индустриальное строительство развернулось на основе коренной трубки «Мир» на р. Ирелях, притоке р. Малая Ботуобуя (Оччугуй Ботуобуя) на территории Ботубуйинского (в настоящее время Ботубуйинского) наслега Ленского района. Вскоре на этом месте вырос поселок Мирный, были построены несколько вахтовых поселков геологов и алмазодобытчиков. По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 апреля 1959 г. рабочий поселок Мирный был преобразован в город республиканского подчинения. 26 мая 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета ЯАССР Чуонинский и Садынский сельские советы Сунтарского района и Ботубуйинский сельский совет Ленского района, ранее входившие в состав

ликвидированного в 1947 г. Садынского национального района, были переданы в административное подчинение г. Мирного [НА РС (Я). Ф. 70... Л. 92]. Новый Мирнинский район был образован Указом Верховного Совета ЯАССР 27 января 1965 г. Ботубуйинский наслег с центром в с. Тас-Юрях вошел в состав вновь созданного района [Там же... Л. 11а].

В 1971 г. на этих землях открыли также Среднеботубуйинское нефтегазовое месторождение. Для увеличения его запасов в 1970–1980-е гг. была осуществлена программа из семи ядерных взрывов в так называемых «народнохозяйственных целях», один из которых был произведен всего в 5 км от с. Тас-Юрях.

В открытии месторождений алмазов, а впоследствии нефти и газа коренные жители наслега – эвенки и якуты – принимали самое активное участие. Каюрами экспедиции Ю.И. Хабардина, открывшего первое крупное месторождение ал-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №17-02-00619 «Сравнительный анализ источников формирования доходов и проблема бедности в традиционных общинах северных регионов России, США и Канады»; ПФИ РАН «Арктика – научные основы новых технологий освоения, сохранения и развития», проект «Качество и стили жизни коренных народов Арктики в условиях социальных трансформаций».

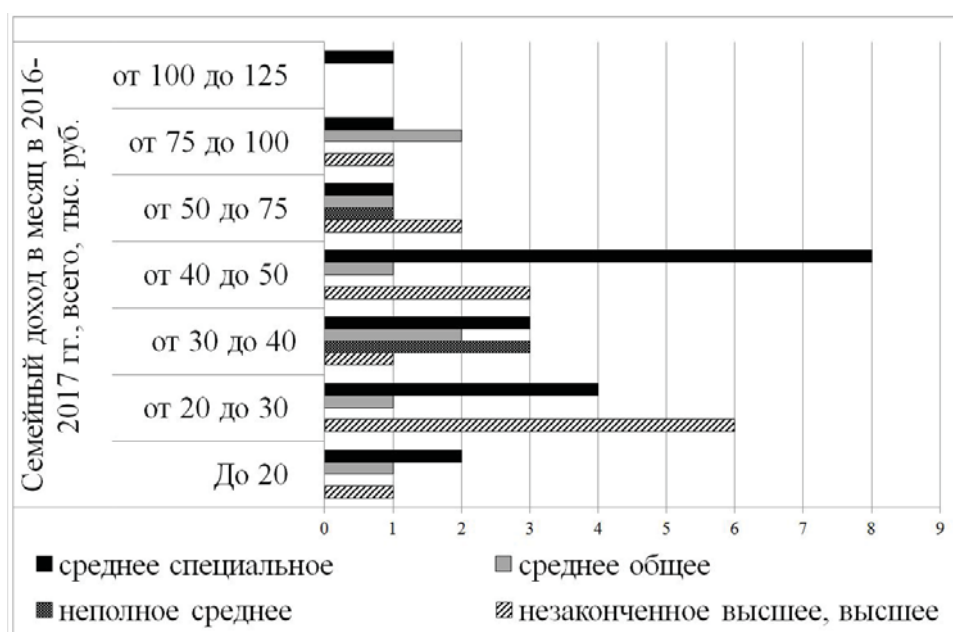
мазов, были тас-юряхцы И.Н. Иевлев и С.И. Иванов, и именно Иннокентий Иевлев доставил на центральную базу геологов знаменитую телеграмму «Закурил трубку “Мир”, табак отличный» [Мирнинский район..., с. 40–44].

В настоящее время на территории Ботубуйинского наслега ведут производственную деятельность подразделения порядка 10 промышленных компаний. Безусловно, их присутствие имеет ряд позитивных последствий. Высокую социальную ответственность бизнеса демонстрируют ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча», ОАО «АЛРОСА-ГАЗ», АО «РОСНЕФТЕГАЗ». Эти компании проявляют заинтересованность в развитии территории, на которой они ведут свою хозяйственную деятельность и в первую очередь в развитии с. Тас-Юрях. Ежегодно выделяются средства, которые направляются на развитие социальной инфраструктуры Ботубуйинского наслега, осуществляется помощь родовым общинам. ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» софинансировало строительство детского сада, ремонт средней школы, содержание водоочистой установки и канализационно-очистой станции, строительство памятника «Вехи истории села» в с. Тас-Юрях. В течение 2006–2015 гг. на развитие образования, культуры, социальной сферы, поддержку ветеранов и т.д. Ботубуйинского наслега ООО «Таас-Юрях Нефтегазодобыча» выделило около 30 млн. руб. Село с 2008 г. частично газифицировано, к центральному отоплению подключены 95 домов и все социальные объекты. Действует круглогодичная трасса Ленск–Тас-Юрях–Мирный [Текущий архив...].

Ботубуйинский наслег – одно из первых муниципальных образований республики, где налажены взаимодействие и вовлеченность местных жителей в работу промышленных компаний, осваивающих регион. На протяжении последних 30 лет, с момента развертывания нефтегазодобывающей промышленности на территории Мирнинского района, местные жители успешно осваивали рабочие профессии. В настоящее время в промышленности работают 53 жителя села [Там же].

Однако основная масса сельчан продолжает заниматься традиционным хозяйством. На 1 января 2018 г. в селе зарегистрированы 178 личных хозяйств населения. Официально заняты в

сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих отраслях 42 чел., которые трудятся в отделении № 3 совхоза «Новый» АК «АЛРОСА». В наслеге осуществляют деятельность семь родовых общин коренных малочисленных народов Севера. Как и во многих сельских поселениях Республики Саха (Якутия), у населения с.Тас-Юрях отмечается постепенное сокращение поголовья крупного рогатого скота и лошадей. Так, если в 2010 г. в МО «Ботубуйинский наслег» насчитывалось 309 голов крупного рогатого скота и 204 лошади, то к 2016 г. в личных подсобных хозяйствах с. Тас-Юрях доля крупного рогатого скота сократилась до 38 голов и 96 лошадей. Таким образом, за шесть лет численность крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах Ботубуйинского наслега сократилась на 87,7%, численность лошадей – на 53%. Ежегодное уменьшение поголовья крупного рогатого скота связано не только с тем, что его разведением занимаются только люди пенсионного возраста, а молодежь и среднее поколение в основном заняты в добывающей промышленности. По мнению сельчан, немаловажное значение имело и сокращение пастбищ и сенокосных угодий вследствие промышленного освоения. По состоянию на сентябрь 2018 г., в наслеге осуществляют деятельность семь родовых общин коренных малочисленных народов Севера, объединяющих 131 члена и учредителя. Основным видом деятельности общин является охотничий промысел на копытных и ценного пушного зверя – соболя [Паспорт МО «Ботубуйинский наслег...»; Материалы полевого...]. По данным исследования сотрудников ИГиИПМНС СО РАН, проведенного в декабре 2016 г., охотничий промысел как источник полного обеспечения мясом семей выбрали 35,4% населения, дополнительным источником мясного питания его считают 57,6% населения. Для 11,2% жителей охота является также формой самозанятости, 10,4% – источником постоянного дохода, 5,6% – источником дополнительного дохода. Продукция охотничьего промысла становится обменной единицей только для 1,6% жителей. Также респонденты в общей сложности назвали более 100 местностей, где находятся их промысловые дома и стоянки [Полевые материалы...]. Таким образом, с. Тас-Юрях представляет безусловный интерес, как объект

Сопряженность доходов и уровня образования респондентов

исследования, с точки зрения выявления влияния на уровень и качество жизни коренного населения, возможностей или негативных последствий широкомасштабного промышленного освоения Российского Севера во второй половине XX в.

В качестве объекта генеральной совокупности социологического исследования в рамках нашего проекта выступают частные домохозяйства сельских поселений Республики Саха (Якутия). По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., число частных домохозяйств Республики Саха (Якутия) составило 330622 единицы, в т.ч. в городских поселениях — 228883 домохозяйства, в сельских поселениях — 101739. Республика состоит из 36 муниципальных образований: 34 муниципальных районов и двух городских округов.

Исследование охватывает 383 частных домохозяйства сельских поселений при доверительной вероятности 95%, погрешности 5% в пяти республиканских социально-экономических микрорайонах республики [Федорова и др., 2014, с. 290–294]. Для формирования выборочной совокупности применяется ступенчатая выборка, построенная по территориальному принципу. Первая ступень формируется квотной выборкой на базе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. о числе частных домохозяйств в сельских поселениях. Следующая ступень:

случайный отбор сельских поселений для формирования выборочного списка домохозяйств.

Село Тас-Юрях Мирнинского района относится к западной группе районов республики, включающей Верхневилуйский, Вилюйский, Ленский, Мирнинский, Нюрбинский, Сунтарский, Анабарский, Оленекский районы. В выборочную совокупность попали 53 домохозяйства.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в с. Тас-Юрях Ботуобуйинского наслега проживали 480 человек, из которых 235 — мужского пола, 245 — женского. Образовательный уровень взрослого населения села дает представление о производительном потенциале, уровне потребления и притязаний к материальным и культурным благам. Как показал анкетный опрос, по образовательному уровню в селе преобладают лица со средним профессиональным образованием — 41,5%. Незаконченное высшее и высшее образование имеют 30,2% опрошенных. 18,9% респондентов имеют общее среднее и 7,5% — неполное среднее образование. По результатам социологического исследования, среди лиц, имеющих доходы, лидируют респонденты со средним профессиональным образованием и с высшим или незаконченным высшим образованием (рисунок).

В целом профессиональное образование имеют 71,7% респондентов, что характеризует население как имеющее высокий трудоресурс-

ный потенциал, который может обеспечивать социально-экономические, духовные потребности населения села и способствовать его развитию. Но низкий удельный вес молодежи и высокая доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения могут вызывать опасения. Подобная возрастная и образовательная структура свойственна многим сельским поселениям, где имеется отрицательный миграционный прирост, когда молодежь и трудоспособное население покидают место проживания с целью получения профессионального образования и работы. Тем более что к многодетным семьям, имеющим трех и более детей, относится почти половина села – 40,8% респондентов от общего количества опрошенных (всего 86,8% имеют детей). Такая ситуация свидетельствует о сохраняющемся стабильном режиме замещения поколений в селе, который в принципе при сохранении и создании соответствующих условий может обеспечить трудовые ресурсы села. 64,2% респондентов состоят в зарегистрированном или незарегистрированном браке. В селе довольно высокий уровень вдовства – 9,4%. Из числа опрошенных разведены 3,8%, 13,2% никогда не состояли в браке.

Сообщение республиканских средств массовой информации о том, что, по итогам 2017 г., численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, который установлен на уровне примерно 17 тыс. руб., составляет 192,7 тыс. чел., или 20% от общей численности населения, т.е. каждый пятый житель республики находится за чертой бедности, вызвало большой резонанс [<http://www.1sn.ru/219075.html>; <http://news.iltumen.ru/territoriya/2018/10/bednost-odin-iz-osnovnyih-porokov-yakutii/>; <http://sakhali.ru/kazhdyiy-pyatyy-zhitel-yakutii-nahoditsya-za-chertoy-bednosti/>].

Как указано в подготовленной Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации записке о концептуальных и методических подходах к определению черты бедности в зарубежных странах, порогом (чертой) бедности в отечественных публикациях называют нормативно устанавливаемый уровень денежных доходов человека, семьи за определенный период, который обеспечивает физический прожиточный минимум. Согласно позиции ста-

тистического управления ООН, черту бедности обычно определяет доход (или уровень расходов), необходимый для покупки основных товаров и услуг (как правило, продукты питания, одежда, жилье, вода, электричество, школьное образование и здравоохранение) [Концептуальные...].

В с. Тас-Юрях, по данным нашего анкетного опроса, 60,0% опрошенных домохозяйств имеют от 20 до 50 тыс. руб. семейного дохода; 7,5% имеют семейный доход до 20 тыс. руб., 9,4% – от 50 до 75 тыс. руб., 7,5% – от 75 до 100 тыс. руб. и 1,9% – от 100 до 125 тыс. руб. В соответствии с Законом Республики Саха (Якутия) от 5 декабря 2013 г. 1237-3 №29-V «О потребительской корзине в РС (Я)» потребительская корзина для основных социально-демографических групп населения устанавливается по двум зонам. Мирнинский район относится ко второй зоне. Суммарная величина дохода, обеспечивающего прожиточный минимум семьям, рассчитывается в зависимости от состава семьи. Во втором квартале 2018 г. прожиточный минимум на душу населения составил 16078 руб., на семью из двух человек в среднем – 31909 руб., из трех человек – 50409 руб., из четырех – 68450 руб.

Если рассматривать данные опроса в сопряженности состава семьи и их доходов, то 17,5% из всех ответивших на вопрос о доходах имеют суммарную величину дохода, обеспечивающую прожиточный минимум семьям. При этом всего 11,3% всех респондентов указали, что их доходы покрывают все текущие расходы. 7,5% респондентов считают, что у них устойчивый уровень благосостояния – «Можем позволить себе купить машину и квартиру с привлечением кредитов».

Как показывают данные анкетного опроса, 82,5% не обеспечены прожиточным минимумом (таблица). 62,3% опрошенных домохозяйств указали, что доходов не хватает на текущие расходы. 22,6% затруднились с ответом на вопрос «Покрывают ли Ваши доходы все текущие расходы?». 15,1% респондентов считают, что доходов хватает на покупку крупной бытовой техники, но не хватает на приобретение машины, квартиры. 17,0% указывают, что денег хватает на покупку промтоваров (одежды и обуви), но не хватает на покупку товаров длительного пользования (телевизор, холодильник, мо-

Сопряженность по составу семьи и семейным доходам

Всего членов семьи, чел.	Семейный доход в месяц в 2016–2017 гг., всего, тыс. руб.						
	до 20	от 20 до 30	от 30 до 40	от 40 до 50	от 50 до 75	от 75 до 100	от 100 до 125
1	0	0	1	1	0	0	0
2	1	1	0	1	0	0	0
3	0	1	2	2	1	2	1
4	1	3	1	2	2	0	0
5	1	2	3	3	1	0	0
6	0	1	1	1	0	0	0
7	0	1	0	0	1	1	0
8	0	0	1	0	0	0	0

бильный телефон). 39,6% респондентов отмечают, что доходов хватает только на питание и товары первой необходимости, а 3,8% опрошенных денег не хватает даже на питание.

Считают недостаточными: социальные гарантии в виде государственной поддержки семей с детьми 56,6%; специальные программы, пособия, субсидии, кредиты – 32,1%, программы профессиональной подготовки и переподготовки – 58,5%. 69,8% респондентов указывают на то, что им не доступны ипотечные кредиты. 77,4% респондентов считают, что им недоступно то жилье, которое они бы хотели иметь. 47,2% опрошенных домохозяйств указывают, что им не доступны потребительские кредиты.

Доступ к социальным благам и услугам для населения села респонденты считают ограниченным из-за отдаленности от центра района. Также, например, они считают, что медицинские услуги недоступны в полном и желаемом объеме. В населенном пункте нет учреждения здравоохранения, которое бы оказывало требуемые услуги в рамках государственных гарантий или за плату, или доступно частично, так как в населенном пункте есть учреждение здравоохранения, но часть услуг (стоматология, хирургия, родовспоможение, качественные услуги в коммерческих клиниках и др.) доступны в другом населенном пункте (77,4%).

При этом 75,5% респондентов заняты трудовой деятельностью, 9,4% – не работающие пенсионеры, 1,9% – безработные. Если взять по отраслям, то наибольшее количество респондентов заняты в бюджетной сфере: 43,5% работают в системе образования (47069.3 руб. – средне-

месячная номинальная начисленная заработная плата по республике за сентябрь 2018 г., по данным статистики [http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/employment/379dde0048c0a8ac99bbd9f7eaa5adf2]); в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (116399.2 руб. соответственно) – 13,0%; 10,9% – на добыче полезных ископаемых (126336.6 руб.); в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве занято 8,7% (30622.6 руб.).

Иными словами, если рассматривать структуру занятости по отраслям и среднемесячной начисленной заработной плате по республике и в сравнении с соответствующими результатами анкетного опроса по другим поселениям, то следует, что размер семейных доходов в месяц вероятнее всего не отражает реальную картину и несколько занижен. Это может быть связано, с одной стороны, с высокими ценами на продукты питания и товары первой необходимости. С другой стороны, Мирнинский район по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате занимает второе место по РС (Я) после Анабарского района в связи с высокими показателями оплаты труда в добыче полезных ископаемых. Так, за 2017 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников района составила 103 920,2 руб., среднереспубликанский показатель – 62 010,6 руб. В связи с этим, в сравнении с доходами в целом по району, у населения села, преимущественно занятого в бюджетной сфере, формируются более высокие притязания и заниженное социальное самочувствие в отношении денежных доходов.

При этом почти в каждом домохозяйстве имеется какой-либо вид транспорта: автомобиль, трактор, снегоход, катер, лодка. На вопрос «Существуют ли механизмы взаимопомощи в Вашем поселении?» утвердительно ответили 47,2%. Среди видов взаимопомощи в селе указаны финансовая и материальная помощь, поддержка транспортом (подвезти/увезти), помощь в заготовке сена, дров, по хозяйству. 79,2% респондентов рассчитывают на помощь родственников в трудных жизненных обстоятельствах – исключительно материальную, финансовую и моральную.

41,5% респондентов не планируют менять место жительства. У остальных 58,5% респондентов тоже нет резонных и серьезных аргументов к переезду, кроме 5,7% домохозяйств, где переезд рассматривается как возможность дать образование детям, быть ближе к услугам здравоохранения, социального обслуживания. Отсутствие миграционных намерений свидетельствует о достаточно стабильном и благополучном социальном положении и самочувствии селян.

Дж. Урри пишет: «Физическое или виртуальное перемещение между различными местами может стать источником статуса или власти, выражением права на передвижение, временное или постоянное. Там, где движение заблокировано, может возникать социальная депривация или отчуждение» [Урри, 2012, с. 76–77]. Для желающих переехать предпочтительным местом миграции является столица республики – г. Якутск или другой населенный пункт в своем районе. Отпуск представители домохозяйств проводят в пределах республики. 9,4% респондентов отдыхают на российских или зарубежных курортах, выезжают в центральные города России. А возможностями к «виртуальным перемещениям» обладает почти все население села. 88,7% представителей домохозяйств считают важной частью жизни использование современных средств коммуникации (мобильная и спутниковая связь, интернет).

Дж. Урри относит способность проходить в разнообразных средах пешком какое-то расстояние, видеть и садиться в различные транспортные средства, носить свой багаж, читать информацию о расписании, находить компьютерную информацию, налаживать и

переналаживать связи и встречи; умение, необходимые знания и заинтересованность в использовании мобильным телефоном, СМС, электронной почтой, интернетом, скайпом и т. п. к одному из восьми элементов сетевого капитала мобильности, которые в сочетании друг с другом и производят отчетливый стратификационный порядок, стоящий сейчас наравне с социальным классом, социальным статусом или партией – «наличие удаленных других (коллег, друзей, родственников): это дает приглашения, гостеприимство и встречи, благодаря чему места и сети поддерживаются через регулярные визиты и коммуникацию» [Там же, с. 362].

Таким образом, по результатам социологического исследования домохозяйств с. Тас-Юрях выявлено, что 82,5% из них считают, что не обеспечены прожиточным минимумом. Однако уровень образования и занятости, возможности передвижения, обеспеченность транспортными средствами, структура социальной поддержки и имеющиеся возможности к «виртуальным перемещениям» свидетельствуют о наличии адекватных ресурсов и для социальной, и для территориальной мобильности жителей села.

Литература и источники

Концептуальные и методические подходы к определению черты бедности в зарубежных странах // https://rosmintrud.ru/uploads/imperavi/Подходы%20к%20определению%20ПМ_ФЦ.pdf (дата обращения 20.10.2018).

Материалы полевого исследования, проведенного в сентябре 2018 г.

Мирнинский район: история, культура, фольклор // Улусы Республики Саха (Якутия). – Якутск: Бичик, 2005. – 280 с.,

НА РС (Я). Ф. 70. Оп. 73. Д. 301; Ф. 1407. Оп. 1. Д. 353.

Паспорт МО «Ботубуйинский наслег Мирнинского района 2018 г.;

Полевые материалы авторов статьи 2016 г.

Текущий архив МО «Ботубуйинский наслег».

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. — М.: Издат. и консалтинг. группа «Праксис», 2012. — 576 с.

Федорова Е.Н., Пономарева Г.А., Егоров Е.Г. Вопросы социально-экономического районирования территории Якутии // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4. – С. 290–294.

http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/employment/379dde0048c0a8ac99bbd9f7eaa5adf2 (дата обращения 01.11.2018).

<http://www.1sn.ru/219075.html>; <http://news.iltumen.ru/territoriya/2018/10/bednost-odin-iz-osnovnyih-porokov-yakutii/>;

<http://sakhalife.ru/kazhdyiy-pyatyiy-zhitel-yakutii-nahoditsya-za-chertoy-bednosti/> (дата обращения 01.11.2018).

A.G. Tomaska, S.I. Boyakova

The Level and Quality Indigenous Population's Life of Industrial Areas in the Republic of Sakha (Yakutia): the Study of Mobility Resources

In the article, based on the field researches of the authors, the main parameters of the level and quality of life, social well-being of traditional Northern communities are analyzed on the example of the residents of village Tas-Yuryakh, Yuryakh, Mirny area, since the mid-1970s, it was located at the epicenter of the active industrial development of diamonds, oil and gas in Western Yakutia. Assessing the current socio-economic situation in the village, the authors identified both positive and negative aspects of the impact of the development of mining industries on the indigenous population of the Russian North. Sociological data of household research allowed to define the features of the formation and distribution of income of villagers, their relationship with the level of education, family composition and employment. In general, a sufficiently high degree of technical equipment of farms and the percentage of employment, including at the production facilities of mining companies, indigenous residents of Tas-Yuryakh, the associated opportunities for their high mobility, the authors, however, note the difficulties encountered and the ambiguous nature of the assessment of their real incomes.

Keywords: indigenous population, industrial development, Western Yakutia, family, standard of living, income, poverty, employment, mobility, social well-being.

И.С. Астахова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.016

УДК 94(=1.571.56-81)

К вопросу о включении поселка Черский в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ

В статье поднимается вопрос об отнесении поселков Якутии к Перечню мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ. Приводятся аргументы, предоставляющие возможность включить в данный Перечень пос. Черский Нижнеколымского района РС (Я). Рассматривается история освоения нижнеколымской тундры и пос. Черский, где подтверждается, что территория поселка является исконной средой обитания коренных малочисленных народов Севера. Также, по данным архивных источников, впервые водимых в научный оборот, рассмотрен национальный состав пос. Черский начиная с переписи 1970 г., в т.ч. показана численность коренных малочисленных народов Севера. Автор останавливается на состоянии традиционной хозяйственной деятельности жителей пос. Черский, которая представлена сельскохозяйственными кооперативами и индивидуальными предпринимателями. Особое внимание уделяется современному этнокультурному состоянию коренных малочисленных народов Севера поселка. Показана деятельность жителей поселка, муниципальных органов власти, общественных организаций по возрождению язы-

© Астахова И.С., 2018

ковой среды, культуры и обычаев коренных малочисленных народов Севера. Автор полагает, что включение в данный Перечень районных центров положительно скажется на развитии традиционного образа жизни и культуры народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Якутия, история пос. Черский, место традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

Введение. Нижнеколымский район Республики Саха (Якутия) (далее – РС (Я)) является местом компактного проживания коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), за исключением районного центра пос. Черский. Согласно Распоряжению Правительства РФ в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ вошли села Нижнеколымского района: Андрушкино Олеринского наслега, Колымское Халарчинского наслега, Походск Походского наслега [Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009...], поскольку в Якутии места компактного проживания определены на уровне поселений, тогда как в других субъектах РФ – на уровне муниципальных районов. В законодательстве РС (Я) есть норма, в соответствии с которой такими территориями могут быть признаны только местности, характеризующиеся традиционным хозяйствованием и образом жизни большинства населения [Закон РС(Я) от 10.07.2003...]. В то же время в Хабаровском крае вся территория субъекта, включая города Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, признана местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, что позволяет оказывать государственную поддержку всем коренным малочисленным народам независимо от места их проживания. И при промышленном освоении данных земель КМНС предусматривается компенсация согласно законодательству РФ и субъекта.

В 2015 г. в РС(Я) в очередной раз было предложено унифицировать Перечень данных мест, включив в него муниципальные районы. Рассматривались и единые критерии отнесения территорий к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. Среди них: 1) проживание на территории соответствующего муниципального образования лиц из числа коренных малочисленных народов; 2) осуществление указанными лицами

видов традиционной хозяйственной деятельности, включая промыслы; 3) наличие объектов культурного наследия.

Муниципальные власти также вступили в дискуссию по данному вопросу, предпринимая конкретные действия. В мае 2016 г. Совет депутатов МО «Посёлок Черский» принял решение «О внесении законодательной инициативы Государственного собрания (Ил Тумэн) и Правительства РС (Я) в части отнесения к местам проживания коренных малочисленных народов Севера п. Черский Нижнеколымского района РС(Я)». В данной статье, проанализировав критерии, рассмотрим возможности включения территории муниципального образования «пос. Черский» в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ.

Далёкий Колымский край притягивал взоры путешественников и исследователей с момента вхождения в состав Российского государства. В XVIII в. начинается научное изучение народов, населяющих регион. Безусловно, естественно-научные экспедиции оставили сведения об истории и населении Нижней Колымы, но особо хотелось бы выделить ряд экспедиций, затрагивающих гуманитарную составляющую: это Сибиряковская историко-этнографическая экспедиция 1894–1896 гг. и Джезуповская экспедиция 1897–1902 гг. (В.И. Иохельсон, В.Г. Богораз) [Астахова, 2011; Архипова, 2011]. Огромный вклад в изучение народов Севера внесла Якутская комплексная экспедиция (1925–1930 гг.) и его Колымский отряд под научным руководством В.Г. Богораза [Ермолаева, 2009]. В 1959 г. была организована академическая Комплексная юкагирская экспедиция (З.В. Гоголев, И.С. Гурвич, Е.А. Крейнович) [Сулейманов, 2014]. С 1960-х гг. плодотворно работали экспедиции Якутского отряда Института этнографии АН СССР (В.А. Туголуков). В колымском регионе осуществляли научную деятельность экспедиции и проводили исследования сотрудники Ин-

ститута языка, литературы и истории Якутского филиала СО РАН, Якутского государственного университета, Ленинградского отделения Института языкознания. Традиции продолжают современные исследователи, всесторонне изучая население Нижней Колымы [Санникова и др., 2016; Осипова, Маклашова, 2016; Курилова, 2016].

В работе были использованы разнообразные источники: архивные и нормативно-правовые документы, статистические источники, данные муниципальных органов власти, материалы периодической печати.

История освоения нижнеколымской тундры и основания поселка Черский. Основным населением в XVII в. к приходу русских на Нижней Колыме являлись юкагиры. Они проживали на огромной территории – от Лены до Анадыря и от побережья Ледовитого океана до верховий Яны, Индигирки и Колымы. На Колымо-Алазейской низменности были расселены племена юкагиров: алаи, омоки, когимэ, лавренцы [Гурвич, 1966, с. 11]. В низовьях Колымы проживали оседлые группы юкагиров, занимавшихся рыболовством и охотой, для передвижения использовавших собачьи упряжки. В период проникновения на юкагирские земли русских у юкагиров начинают образовываться союзы племён, в их состав вливаются группы из числа соседних народов. Во второй половине XVII в. частые столкновения с ними, произвол служилых и промышленных людей, эпидемии повлекли резкое сокращение численности юкагиров по всему ареалу расселения. На их землях стали селиться якуты, эвены и эвенки. В XVIII в. на Нижней Колыме в ясачных документах фигурирует Омоцкий юкагирский род [Этническая история..., 1982, с. 170–172].

Немаловажную роль в ассимиляции юкагиров сыграло обращение в православие. Крещённые юкагирские жёнки и их дети вливались в состав мещанского сословия начиная с XVII в. Некоторые семьи новообращённых юкагиров, связанные родством с посадскими, оседали в острогах. В первой половине XVIII в. усилившиеся столкновения с чукчами побудили юкагиров приблизиться к военным укреплениям русских, в частности к Нижнеколымску. В дальнейшем они также были крещены и слились с русским населением. Обрусевшие потомки

юкагиров, жившие среди русских старожилов, продолжали платить ясак и другие подати в своих родах. Речные оседлые юкагиры Омотского и Омолонского родов, жившие по Омолону и Большому и Малому Анюю, в основном были русскоязычными, главным их занятием оставались ловля рыбы и охота [Там же, с. 173–175]. В окладной книге на 1898 г. после объединения 1-го Омолонского и 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов насчитывалось 135 душ при 69 работниках [НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 19323. Л. 2].

По сведениям В.И. Иохельсона, между Алазеей и Колымой в тундре и лесотундре совместно с эвенами Кункугурского рода, эвенками Бетильского рода и западными чукчами кочевали юкагиры 1-го и 2-го Алазейских родов. Нижнеколымские тундровые юкагиры, кроме юкагирского, владели якутским языком. Их основное занятие – охота на диких оленей. Домашние олени использовались в качестве транспортного средства. Некоторые юкагирские семьи занимались в чукотские хозяйства пастухами. Эпидемии оспы в конце XIX в. нанесли сильнейший урон юкагирам. Численность колымских юкагиров с 1859 по 1897 г. сократилась на 45% [Этническая история..., 1982, с. 177–178]. По переписи 1897 г. численность двух юкагирских родов составляла 46 душ [Иохельсон, 2005, с. 93].

В XVII в. эвены-оленьеводы, кочевавшие по отрогам Верхоянского хребта между Яной и побережьем Охотского моря, начали вторгаться во владения юкагиров на Колыме. Первые упоминания русских об алазейских эвенах относятся к середине XVII в. Однако ревизии 1762 и 1782 гг. не выявили постоянного эвенского населения, которое, видимо, появлялось на этих территориях время от времени. Значительная часть эвенов принадлежала к Уяганскому роду, также были представители Делянского, Ламутского и Омолонского родов, что свидетельствует о продвижении эвенов в низовья Колымы преимущественно с востока – со стороны Чукотки. Фиксировались смешанные эвено-чукотские и эвено-юкагирские семьи (2-й Каменный род). По переписи 1897 г. в колымской тундре зафиксировано 350 эвенов, к востоку и к западу от Нижней Колымы. Наиболее многочисленными по-прежнему оставались уяганы, кочевавшие на правобережье Нижней Колымы [Этническая история..., 1982, с. 156–158].

В служилых записках первых русских поселенцев содержались сведения и о чукчах. В середине XVII в. между рр. Алазея и Колыма жили около 100 чукчей, плательщиков ясака, всего 440 чел. В 1687 г. якутский воевода Матвей Крюков докладывал в Москву, что около Нижнеколымского зимовья живёт много неясачных чукчей. После столкновений с русскими им пришлось уйти на восток [Колесов, 2003, с. 58]. Со смягчением русской политики на северо-востоке чукчи в поисках пастбищ в первой половине XIX в. начали активнее расширять ареал своего расселения на запад и юг. В середине XIX в. они стали кочевать по Омолону, в 1860-е гг. чукотские стойбища подошли к низовьям Колымы. В 1870 г. сообщалось, что чукчи уже перешли через Алазею и кочуют в Верхоянском округе. Западная группа чукчей, перешедшая в Большую (Халларчинскую) тундру, подверглась значительному влиянию эвенов и юкагиров [Боякова, Антонов, 2003, с. 72].

С вхождением нижнеколымских земель в состав Русского государства они поступили в ведение якутского уезда, а административными их центрами были постоянные ясачные селения, которые стали строиться на реках с появлением первопроходцев, в т.ч. были основаны Нижнеколымск, Походск и множество заимок и зимовий. Нижнеколымский острог был поставлен в 1644 г. отрядом Дмитрия Зыряна на острове, образованном Стадухинской протокой, на левом берегу р. Колыма, в 130 км от устья. В этих местах жили юкагиры. Острог стал центром сбора ясака с населения, проживающего на рр. Колыма, Омолон, Большой и Малый Анюй и в прилегающей к ним тундре и лесотундре [Строгова, 2011, с. 678]. В 1647 г. открылась Нижнеколымская ярмарка, притягивавшая кочевое и бродячее население. В 1772 г. острог было решено перенести на место нынешнего с. Нижнеколымск. В 1822 г. Нижняя Колыма стала частью Колымского округа с центром в г. Среднеколымск. В начале XX в. принимается решение перенести знаменитую Анюйскую ярмарку, действующую с 1788 г., в с. Пантелеиха, в 30 км к северу от Нижнеколымска [Нижнеколымский улус..., 2003, с. 52, 54, 71].

В послереволюционный период, в 1920 г., Колымский округ был преобразован в Колымский уезд, а в 1926 г. уезд вновь стал округом.

В 1930 г. все округа ЯАССР были упразднены, а территория Восточной тундры (за исключением территории по правому берегу р. Алазея и Западной тундры) была передана из ЯАССР в состав новой административно-территориальной единицы РСФСР – Чукотского национального округа. Окончательно районирование Колымского округа завершилось 20 мая 1931 г., в составе ЯАССР было образовано 15 национальных районов, в т.ч. юкагиро-эвено-чукотский Нижнеколымский район с центром в Нижнеколымске. В его состав был включен район Восточной тундры, шестью месяцами ранее переданный в состав Чукотского национального округа. Однако в последующем район был лишён национального статуса [Слепцов, 2004, с. 87].

В 1920–1930-е гг. Нижнеколымск являлся небольшим поселением. В 1929 г. его численность составляла 237 чел., количество зданий русского типа – 37, якутских юрт – одна. Число хозяйств – 36, из них: 26 – русских, три – якутских, семь – смешанных (метисы). Население в основном было занято рыболовством, пушным промыслом, извозом, работой по найму, также содержало немного скота. В селении располагались школа (32 учащихся), медпункт, клуб, склады и отделение Якутгосторга. Участниками Колымской экспедиции 1928–1929 гг. отмечалось неудобство портовых операций. Для загрузки судов требовалось строительство мостков глубиной 100–120 см. Видимо, тогда впервые был поставлен вопрос о переносе районного центра в более удобное место [Атлас..., 1931, с. 29].

В начале 1930-х гг. была проведена землеустроительная экспедиция, в материалах которой содержатся данные о национальном составе Нижнеколымска на 1934 г., ими было зарегистрировано 111 хозяйств, из них 82 русских, 26 якутских, два чукотских и одно юкагирское [НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 56. Д. 38. Л. 2].

В 1940 г. СНК ЯАССР предпринимались попытки создать огромный Колымо-Индигирский округ, в состав которого бы вошёл Нижнеколымский район. В рамках этого проекта планировалось перенести районный центр – Нижнеколымск, в более удобное место, т.к. село во время весеннего половодья постоянно затоплялось. Также предусматривалось расширение районного центра. Первоначально новым местом была выбрана местность Зелёный мыс

Национальный состав жителей пос. Черский (на период переписи, чел.)*

Население, чел.	1970	1979	1989	2002	2010
Всего	9460	10025	11176	3832	2857
русские	7326	7645	8222	2406	1597
украинцы	1081	1188	1665	280	133
татары	176	161	145	65	54
белорусы	136	109	151	39	22
буряты	-	31	78	33	24
башкиры	-	-	15	6	6
немцы	-	23	37	6	9
эвенки	7	24	10	3	-
эвены	14	35	59	149	162
юкагиры	16	20	37	62	131
чукчи	9	16	42	83	139
другие	326	277	345	111	91
якуты	369	496	650	589	489

* Составлено по: Итоги ВПН 1970..., 1972, с. 137; Итоги ВПН 1979..., 1972, с. 43; НА РС (Я) Ф. 70. Оп. 78. Д. 1893. Л. 174–176; Итоги ВПН 1989..., 1990, с. 67; Национальный состав ..., 2002; Национальный состав..., 2010, с. 268 – и 269.

[Там же. Д. 60. Л. 26]. По каким-то причинам эти планы не были осуществлены. И лишь в январе 1941 г. принимается окончательное решение о переносе Нижнеколымска в селение Нижние Кресты [Там же. Оп. 57. Д. 22. Л. 3]. Об этом населенном пункте сохранилось мало сведений. В 1929 г. руководитель Колымской гидрографической экспедиции Наркомвода И.Ф. Молодых отметил, что на заимке Кресты было четыре дома и пять амбаров, постоянно проживали две семьи из 8 чел., зимой три семьи – из 15 чел. Зимой держали собак – 48 шт. [Атлас..., 1931, с. 93–94].

По воспоминаниям жителей, на общем собрании трудящихся они настояли на переносе райцентра именно в это место, удобное для строительства как причала, так и авиаплощадки. Учитывая трудное военное время, перенос и строительство зданий осуществлялись в основном жителями села. К 1 сентября 1942 г. было перенесено здание школы, в ноябре – здание соцкультбыта; имеющиеся сооружения в Нижних Крестах приспособили под жилье; на следующий год из разобранных нижнеколымской церкви построили клуб, приступили к строи-

тельству авиаплощадки [Роббек, 1987]. Постепенно жители перебрались на новое место (на 1 января 2016 г. в Нижнеколымске нет постоянно-го населения).

В 1944 г. СНК ЯАССР принял Постановление, в котором просил Президиум Верховного Совета ЯАССР переименовать пос. Нижнеколымское (Нижние Кресты) в пос. Черский [НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 56. Д. 105. Л. 2]. Лишь в январе 1963 г. посёлку было присвоено имя известного учёного И.Д. Черского.

Современные статус и границы городского поселения «Поселок Черский Нижнеколымского улуса (района)» установлены в 2004 г. «Граница начинается от пункта пересечения авиапорта, идет по правому берегу р. Колыма 4,5 км в северном направлении, пересекает территорию Зеленомысского морского порта, с запада на север идет по южной стороне границы Зеленомысского морского порта, доходит до конца территории, далее, пересекая два озера в северо-восточном направлении, выходит на озеро Безымянное, затем по прямой линии в восточном направлении идет до р. Комарок, далее до устья р. Комарок, до р. Пантелеиха, затем следу-

ет по правому берегу р. Пантелеиха до территории авиапорта и выходит к первоначальной точке» [Закон РС (Я) «Об установлении границ...»].

Демографическая характеристика поселка. Численность населения пос. Черский в советский период постоянно возрастала, в основном за счет миграции населения из других регионов СССР. Среди приезжих преобладали русские и украинцы. КМНС в основном проживали в сельской местности, в селах Колымское и Андрюшкино [Филиппова, 2016, с. 188]. В поселок переезжали единицы. В то же время необходимо заметить, что из численности русских невозможно вычленить количество русского старожильского населения и обрусевших юкагиров, которые, безусловно, продолжали проживать в посёлке после переселения из Нижнеколымска и других закрытых населенных пунктов района.

После развала СССР наблюдается резкий отток населения, общая численность жителей поселка сокращается с каждым годом. На 2017 г. в поселке проживали лишь 2600 чел. [Распределение..., 2017]. Согласно отчетам главы поселка, население продолжает пользоваться льготами для жителей, выезжающих из районов Крайнего Севера. В то же время численность эвенов, чукчей и юкагиров в поселке постоянно растет (таблица). По данным Нижнеколымской центральной районной больницы, по состоянию на апрель 2016 г. в пос. Черский состоит на учёте 533 представителя КМНС. Коренное население из сельской местности переезжает в более комфортные условия поселка, где выше уровень социального обеспечения и легче найти работу. В отличие от больших городов сельские мигранты в посёлки не теряют связь с малой родиной. Они стараются вести традиционный образ жизни, регулярно выезжают на охоту, рыбалку, помогают родственникам в стойбищах. Поддерживают земляческие связи, проводят вместе семейные и национальные праздники, соблюдают обычаи предков, стремятся возродить языковую среду общения.

Развитие традиционного хозяйства. В МО «поселок Черский» зарегистрировано пять сельскохозяйственных кооперативов и индивидуальных предпринимателей, занимающихся традиционными видами хозяйственной деятельности – рыболовством и оленеводством, из них три – СХПК КМНС:

СХПК КРО КМНС «Нижнеколымский». Действует с 2010 г., основной вид деятельности – рыболовство. Имеет тесные хозяйственные связи с СХПК КМНС «Походский» и СПК КРО «Турваургин». Показатели добычи рыбы за 2015 г. – 29,789 тонн.

СПК КМНС «Пенсионер». Действует с 2010 г., основные виды деятельности – рыболовство, охота, сбор и заготовка дикорастущих плодов и ягод. Показатели добычи рыбы за 2015 г. – 23,703 тонны.

СПК КРО «Нутендли». Создан в 1991 г. на базе одной из бригад совхоза «Нижнеколымский». Фактически КРО «Нутендли» – это большое семейное предприятие, занимающееся племенным разведением оленей породы «харгин». В чукотской кочевой родовой общине трудятся более 30 чел. Своевременно занятая рыночная ниша позволила хозяйству наладить стабильную работу. Ежегодно община поставила порядка 500 оленей различным хозяйствам соседних районов. За годы работы «Нутендли» создана хорошая производственная база на участке Красный камень – жилой дом, склад, гараж, убойный пункт, кораль, ледник. С 2001 г. там же работает кочевая школа-сад на 15 мест. На летних каникулах дети принимают активное участие в жизни и работе общины. Община является головной учебной базой для Колледжа народов Севера и содержит для него поголовье. В 2011 г. бригадир оленеводческой бригады СПК КРО «Нутендли» В.Е. Кемлиль был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Основными видами деятельности общины являются оленеводство, охота, рыболовство. На 2015 г. в общине содержалось 946 голов оленей. Сейчас хозяйство переживает не лучшие времена. Включение в Перечень пос. Черский позволило бы разрешить ряд трудностей, с которыми столкнулась община.

Жители поселка активно занимаются промыслами: охотой, рыбалкой и сбором дикоросов. Для них это не только любимый досуг и дополнительный источник питания, но и возможность заработать. За 2015 г. было выдано около 100 разрешений на охоту в угодьях общего пользования на гуся и уток, 12 – на сохатого, шесть – на дикого северного оленя, 12 – на добычу соболя. С 20 августа по 15 сентября 2016 г.

выдано 21 разрешение на добычу охотничьих ресурсов. В 2015 г. было выдано 124 лицензии на любительское и спортивное рыболовство*.

Современное этнокультурное состояние. В пос. Черский с 1997 г. действует МКУ «Центр возрождения культуры “Этнос”». Целью его создания было содействие сохранению, возрождению и развитию всех видов и жанров самодельного народного творчества, фольклора, самобытного наследия коренных народов, проживающих в Нижнеколымском районе (эвенов, юкагиров, чукчей, русских старожилов, северных якутов). На базе Центра созданы национальные объединения: якутское национально-культурное объединение (далее – НКО) «Кэскил», эвенское НКО «Эвены», старорусское НКО «Староруссы», чукотское НКО «Эргав», юкагирское НКО «Лондол». Национально-культурные объединения организуют мероприятия, способствующие сохранению этнической культуры и развитию межкультурного взаимопонимания. Центр «Этнос» работает в рамках культурно-образовательной программы «Возрождение» по приобщению детей к культуре и языкам народов Севера (работают фольклорные кружки; проводятся лекции, национальные игры, постановки народных сказок и др.). При Центре осуществляют деятельность народные коллективы «Колымские вечёрки» и «Кэскил».

В поселке также действует МКУ «Молодежный центр» МО «Поселок Черский», при котором работают: кружок меховых изделий для взрослых «Мастерица», этногруппа «Хальарха». В данном коллективе более 20 чел., задействованы взрослые и дети. (худ. рук – М.С. Курилов). Этногруппа гастролирует по населённым пунктам района, участвует в конкурсах и фестивалях.

В Черском работает ГБ ПОУ «Арктический колледж народов Севера», созданный на базе Нижнеколымского СПТУ № 21. Колледж готовит специалистов для традиционных отраслей Севера и малокомплектных национальных школ. Преподавательский коллектив, студенты, работники колледжа принимают активное участие в общественной жизни КМНС Якутии, способствуют возрождению культуры, традиций, языка и быта народов Севера.

Ежегодно в пос. Черский, продолжая традиции, проводятся этнические праздники – «Рождение олененка», «Встреча Солнца», «Шахадьибэ», фестивали «Полярная звезда» и «Сказка Солнца», конкурс семейных династий КМНС «Исток».

В 2011 г. была официально зарегистрирована Общественная организация юкагиров пос. Черский община «Алаичи» (СО НКО «Алаичи»), этому предшествовала многолетняя деятельность по популяризации, сохранению и возрождению культуры, традиции и языка юкагиров. С 2012 г. при общине «Алаичи» действовала воскресная школа по изучению юкагирского языка, работа которой была направлена не только на формирование языкового компонента, но и на повышение уровня этнического самосознания.

На базе Черской СОШ, по инициативе АКМНС Нижнеколымского района, с 2011 г. на общественных началах работает воскресная школа по изучению чукотского, юкагирского, эвенского языков. С 2012 г. при поддержке Управления образования администрации МР «Нижнеколымский район» выделены часы для факультативных занятий по изучению языков КМНС района.

Заключение. Инициатива Совета депутатов МО «Пос. Черский» об отнесения к местам проживания коренных малочисленных народов пос. Черский Нижнеколымского района РС (Я), к сожалению, осталась не реализованной. Подготовленная документация находится в процессе рассмотрения федеральными органами власти. Районные центры остаются вне Перечня мест проживания коренных малочисленных народов. Хотя, согласно Постановлению СМ РСФСР от 11 марта 1980 г. № 126, в Перечень районов проживания народностей Севера был включён весь Нижнеколымский район ЯАССР, в т.ч. районный центр – Черский. Принятие Пленумом ЦК КПСС в июне 1987 г. программы экономических реформ и резкое сокращение государственных капитальных вложений в районы проживания народов Севера, а также критика общественности, что средства, направленные на помощь народам Севера, «распыляются» в районах, побудили власти внести изменения в Перечень, исключив из него ряд населённых

* Сведения предоставлены администрацией МР «Нижнеколымский район» от 16.09.2016 г.

пунктов, в т.ч. п.г.т. Черский [Постановление..., 1987]. В 1993 г. в новый Перечень Российской Федерации также был включен Нижнеколымский район, за исключение п.г.т. Черский [Постановление..., 1993].

Таким образом, учитывая действующее законодательство РФ и приводимые доводы, МО «Пос. Черский Нижнеколымского улуса (района)» отвечает всем требованиям для включения его в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, так как:

- территория поселка является исконной средой обитания народов Севера;
- в поселке постоянно проживают представители КМНС (чукчи, эвены, юкагиры), численность которых увеличивается;
- жители поселка стараются поддерживать и возрождать языковую среду, культуру и обычаи КМНС;
- часть жителей поселка, представителей КМНС, ведет традиционный образ жизни, основанный на занятиях оленеводством, охотой, рыболовством, поддержании общиной организации, сохранении самобытной культуры и обычаев.

Включение в данный Перечень районных центров предоставит возможность народам Севера, проживающим в поселках, участвовать в программах поддержки КМНС, что, безусловно, положительно скажется на развитии традиционного образа жизни и культуры. Статус места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов гарантирует особые права муниципальному образованию при взаимодействии с промышленными компаниями.

Источники и литература

Архипова А.И. Научный визит к юкагирам // Сокровища культуры Якутии. Сер.: Наследие народов РФ. – М., 2011. – С. 320–325.

Астахова И.С. «Эта безрассудная затея...» // Там же. – С. 162–168.

Атлас реки Колымы. – Вып. 1. – Иркутск, 1931. – 83 с.

Боякова С.И., Антонов Е.П. Чукчи Колымского края до 1917 г. // Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2003. – С. 65–76.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М., 1966. – 269 с.

Ермолаева Ю.Н. Якутская академическая экспедиция 1925–1930 гг.: история и значение // Исторические науки. – 2009. – № 1. – С. 14–18.

Закон Республики Саха (Якутия) от 10.07.2003 (ред. от 16.12.2010) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия) (новая редакция)» // Ил Тумэн. – 2003. – 8 авг.

Закон РС (Я) «Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики Саха (Якутия)» от 30.11.2004 г. № 354-III. // Якутия. – 2004. – 31 дек.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 666 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Ч.1. – Якутск: Стат. управление ЯАССР, 1972. – 158 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Городские поселения ЯАССР. Ч. 2. – Якутск: Стат. управление ЯАССР, 1980. – 130 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Поселки городского типа ЯАССР: стат. сб. № 7. – Якутск: Якут. респ. упр. статистики, 1990. – 150 с.

Колесов М.И. Открытие и освоение русскими землепроходцами Колымы и Северо-Востока Азии // Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2003. – С. 99–115.

Курилова С.Н. Интеграция тунгусизмов в языке тундровых юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7–2 (61). – С. 120–122.

НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 19323; Ф. 50. Оп. 56. Д. 38; Д. 60. Д. 105; Оп. 57. Д. 22; Ф. 70. Оп. 78. Д. 1893.

Национальный состав, владение языками, гражданство Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 5: стат. сб. // http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2002/score_2002/ (дата обращения: 20.09.2018).

Национальный состав и владение языками, гражданство Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4: стат. сб.: – Якутск: Саха (Якутия) стат., 2013. – 311 с.

Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2003. – 296 с.

Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. – 2016. – № 24. – С. 14–26.

Постановление Совета Министров РСФСР от 2 декабря 1987 г. № 465 «О внесении изменений и дополнений в перечень районов проживания народностей Севера».

Постановление Правительства РФ от 11 января 1993 г. № 22.

Постановление Правительства РФ от 7 октября 1993 г. № 997 и т.д.

Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 N 631-р (ред. от 29.12.2017) «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. N 20. Ст. 2493.

Распределение городов и поселков городского типа по численности населения на 1 января 2017 г. [Электронный ресурс] URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/ (дата обращения: 18.09.2018).

Роббек З. Рождение районного центра: Черскому 45 лет // Колымская правда. – 1987. – 29 окт.

Санникова Я.М., Филиппова В.В., Винокурова Л.И., Григорьев С.А. Традиционное хозяйство Ар-

ктики: к изучению сельского населения колымского региона Якутии в XX в. // Экономическое развитие Сибири: матер. Сибир. ист. форума: сб. ст. – Красноярск: ООО «Резонанс», 2016. – С. 126–129.

Слепцов А.Н. Права народов Севера на традиционное природопользование и самобытный уклад жизни. – Якутск: ЯФ ГУ «Издательство СО РАН», 2004. – 156 с.

Строгова Е.А. Каким был Нижнеколымский острог? // Сокровища культуры Якутии. – М.: НИИЦ «Памятники Отечества», 2011. – С. 678–679.

Сулейманов А.А. Комплексная юкагирская экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 3. – С. 74–78.

Филиппова В.В. Статистический учет коренных малочисленных народов Севера в 1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11–2 (73). – С. 186–188.

Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – 273 с.

I.S. Astakhova

Inclusion of Chersky Settlement in the List of Places of Traditional Residence and Traditional Economic Activities of Indigenous Peoples in the Russian Federation

The article raises the question about settlements of Yakutia to the List of places of traditional residence and traditional economic activities of the indigenous peoples of the Russian Federation. Arguments are presented that provides the ability to include in this List of Chersky village, Nizhnekolymsky district of the Republic of Sakha (Yakutia). The history of the development of Nizhnekolymsky tundra and Chersky village is considered, which confirmed that the territory of the village is the original habitat of indigenous peoples of the North. Also, according to archival dates, first introduced into scientific use, the national composition of Chersky village is considered since the census of 1970, including shows the number of indigenous peoples of the North.

The author dwells on the state of traditional economic activity of the residents of Chersky village, which is represented by agricultural cooperatives and individual entrepreneurs. Special attention is paid to the current ethnocultural state of the indigenous peoples of the North of the village. The activity of the village residents, municipal authorities and public organizations for the revival of the language environment, culture and traditions of the indigenous peoples of the North is shown. The author believes that the inclusion in this List of regional centers will certainly have a positive impact on the development of the traditional way of life and culture of the peoples of the North.

Keywords: indigenous peoples of the North, Yakutia, the history of Chersky settlement, the place of traditional residence and traditional economic activity of indigenous peoples.

Сельские семьи Центральной Якутии в современных условиях

Актуальность исследования сельской семьи обусловлена как общероссийскими тенденциями, характерными для всей страны, так и спецификой регионального развития, где состояние аграрного сектора и самочувствие сельского населения, представленного в основном общинами коренных народов, всегда имели и имеют приоритетное значение. Цель статьи – выявить локальные особенности и сохранность традиционных семейных ценностей сельских жителей Республики Саха (Якутия). Представлены результаты полевых исследований автора, проведенных в Центральной Якутии. Дана характеристика среды обитания и систем расселения, краткая история заселения региона; рассмотрена эволюция традиционной якутской семьи в исторической ретроспективе; проанализированы демографические процессы в исследованных сельских поселениях; особое внимание уделено современным трансформациям в брачно-семейной сфере. Подчеркивается, что жизненные и семейные ценности, их иерархия и значимость отличаются по гендерным группам населения. Сделан вывод о наличии социально-экономических проблем в аграрной сфере, усложняющих процесс адаптации сельского населения к изменяющимся общим условиям внешней среды (природно-климатическим, социально-экономическим и общественно-политическим), о необходимости разработки дифференцированных программ социально-экономического развития, не только ориентированных на имеющиеся ресурсы, но и способных регулировать финансовые инвестиции в сельские поселения.

Ключевые слова: сельские поселения, Центральная Якутия, социально-демографическая характеристика, сельское население, семейные ценности, социальные роли мужчин и женщин в семье, традиционность в быту.

Археологические материалы свидетельствуют, что долины рр. Лена, Алдан и Амга были заселены еще в древние времена [Дьяконов, 2008, с. 86–87]. Примерно в III и II вв. до н.э. здесь проживали автохтонные племена. Позднее их потеснили прототунгусские племена, прибывшие из Прибайкалья и Западной Сибири. Примерно к концу XIV в. (а по последним данным еще ранее – в IX в.) сюда прибыли предки якутов, утвердившиеся на этих землях. В первой трети XVII в. русские служилые люди и казаки zaloжили на Средней Лене острог, превратившийся со временем в административный центр всего Северо-Востока Азии – город Якутск.

Рассмотрение северной семьи в конкретное время и описание ее исторических форм в историко-культурном пространстве осуществляли многие историки, этнографы и антропологи, в т.ч. В.И. Иохельсон, Я.И. Линденау, Л.Я. Штернберг, Н.А. Виташевский, М.С. Вруцевич, И.Г. Георги, Э.К. Пекарский, В.Л. Серошевский и др.

Тенденция изменений форм семьи северных народов, проживавших на данной территории, по этнографическим сведениям, имела общую направленность. Традиционные формы семьи, обуславливались родовыми и фратриальными установлениями. С XVII по XIX в. приход русских и христианизация населения в первую очередь повлияли на жизнедеятельность населения южной и центральной зоны Якутии. Вследствие это появились патриархальные семьи, в основном у якутов. Традиционной семьей в то время была простая малая семья (одна брачная семья с детьми), также была распространена расширенная семья, в которой супруги жили с родителями и родственниками [Брагина, 1990].

Огромные социально-экономические преобразования, произошедшие в Якутии в советский период, коренным образом изменили облик якутской семьи. Важным фактором этого стало изживание традиций и обычаев. Как считал Б.Н. Попов, необходимость калыма в Якутии исчезла только с уничтожением частной соб-

ственности, хотя остатки его в сознании и поведении людей существовали довольно продолжительное время [Попов, 1987].

Существенное значение в процессе изменения якутской семьи имело вовлечение женщин в общественное производство. В советское время главным при вступлении в брак стало взаимное согласие молодых, основанное на любви и дружбе. Важную роль в формировании современных особенностей сельской семьи играют рост социальной мобильности населения, повышение его образовательного уровня, увеличивающаяся неоднородность этнического состава республики [Брагина, 1990], адаптация к современным изменяющимся социально-экономическим условиям, что способствует интенсификации этнических процессов.

В данной статье предпринята попытка определить региональные и локальные особенности современного состояния и самочувствия сельских семей Республики Саха (Якутия). С этой целью проанализированы демографические процессы в сельских поселениях и в центральной зоне в целом, а также приведены некоторые результаты эмпирического исследования автора в брачно-семейной сфере, являвшегося частью его НИР «Модернизация сельской семьи Республики Саха (Якутия) в современных условиях (2013–2016)». Для полевого изучения сельских семей территория республики была поделена нами на четыре природно-климатические зоны: южную, северную, западную и центральную, отличающиеся по различным параметрам. Так как в ранних статьях рассматривались западная [Константинова, 2017, с. 94]; северная [Константинова, 2014, с. 27] и южная [Константинова, 2016, с. 23] зоны, то в данной статье рассмотрим материалы по центральной зоне. Исследование основано на методологии социокультурного подхода, также использованы количественные и качественные методы социологического исследования: анкетирование, интервью, не включенное наблюдение и анализ статданных.

Генеральной выборкой для всей республики послужила численность сельских домохозяйств. По статистическим данным Всеобщей переписи населения 2010 г., в РС (Я) зафиксировано 101739 домохозяйств. При вероятности 95% (доверительный интервал (ошибка) – 5%) выборка по республике составила 383 сельских до-

мохозяйства. Многоступенчатая выборка для Центральной зоны составила 96 домохозяйств. Опрошены: мужчины – 42 чел. (43,2%) и женщины – 54 чел. (56,8%).

Опрос проводился по анкете «Стратегии адаптации сельской семьи к современным условиям», состоящей из шести частей, и интервью экспертов, включающего четыре блока.

В настоящее время в центральной зоне Республики Саха (Якутия) проживают 506,4 тыс. чел. (или 52,9% от общей численности населения республики), в т.ч. городское население составляет 309,7 тыс. чел. (или 61,2% от общей численности населения центральной зоны), сельское – 196,7 тыс. чел. (или 38,8%); плотность населения – 1,7 чел. на кв. км. Центральная зона занимает меньшую территорию площадью 284,6 тыс. кв. км (или 9,3% от общей территории республики). В нее входят десять административно-территориальных единиц (улусов, районов) (см. табл. 1), расположенных на обоих берегах р. Лена. На одной стороне расположен Городской округ г. Якутск с входящими в него административным районом и сельскими поселениями. Наземная круглогодичная транспортная связь установлена до Намского, Горного и Хангаласского районов. На другой стороне реки находятся заречные улусы (районы): Мегино-Кангаласский, Усть-Алданский, Амгинский, Чурапчинский, Таттинский и Кобяйский улусы.

Географическое положение территории характеризуется равнинной низменностью, а также сохранностью в долинах р. Лена на небольших площадях степей и спаммофитной растительности на незакрепленных песках (тукуланы). Кроме того долина рр. Лена и Алдан характеризуется средней залесенностью. В долине р. Амга (сельскохозяйственный район) ячменные, вейниковые и лисохвостовые луга занимают 50–60% площади долины [Егоров и др., 2009, с.16].

Зона располагает месторождениями золота, серебра, свинца, строительных материалов, лечебных грязей и подземных вод. В промышленном производстве развиты добыча газа (Кобяйский улус), производство цемента, сборного железобетона и обработка алмазов (Хангаласский улус). В остальных районах население занято сельским хозяйством (животноводством,

Таблица 1*

Характеристика центральной зоны Якутии
(по состоянию на 1 января 2015 г.)

Улусы (районы)	Численность населения (тыс. чел.)	Плотность населения (чел. на кв. км)	Площадь территории (тыс. кв. км)
г. Якутск	320222	93,93	3,6
Амгинский	16677	0,57	29,4
Горный	11790	0,26	45,6
Кобяйский	12880	0,12	107,8
Мегино-Кангаласский	30529	2,60	11,7
Таттинский	16393	0,86	19,0
Усть-Алданский	21016	1,15	18,3
Хангаласский	32352	1,31	24,7
Чурапчинский	20640	1,64	12,6
ИТОГО	506387	1,7	284,6

*Составлена по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) за 2015 г.

овощеводством и выращиванием зерновых культур).

Столица республики, расположенная в данной зоне, является административным, финансово-экономическим, культурным, научно-образовательным и транспортно-промышленным центром.

Как видно из табл. 1, большинство населения центральной зоны сконцентрировано в г. Якутске (63,3% населения зоны). Большое количество сельского населения проживают в Хангаласском и Мегино-Кангаласском улусах (32,4 и 30,5 тыс. чел.). В остальных семи улусах среднее число населения достигает примерно 17,6 тыс. чел.

Рассмотрим социально-демографическую характеристику центральной зоны с помощью показателей движения населения.

Из табл. 2 видно, что численность населения в данной зоне увеличивается, в отличие от других зон республики, и за счет превышения рождаемости над смертностью, и за счет превышения численности прибывающих внешних и внутренних мигрантов в столицу. Так, если в 2000 г. население центральной зоны составляло 429,9 тыс. чел., то к 2014 г. оно увеличилось на 75,8 тыс. чел. (или на 17,6%) и составило 505,7 тыс. чел. Коэффициент рождаемости демонстрирует увеличение на 4 промилле, а коэффициент смерт-

Таблица 2*

Социально-демографическая характеристика населения центральной зоны РС (Я)

Показатели	2000	2005	2010	2012	2013	2014
Население (тыс. чел.)	429,9	450,9	483,3	492,7	499,0	505,7
Коэффициент брака	5,7	7,6	9,3	8,8	9,2	8,2
Коэффициент развода	3,5	3,3	4,3	4,1	4,6	4,3
Коэффициент рождаемости	14,7	15,8	18,7	19,2	18,9	18,7
Коэффициент смертности	9,7	9,6	8,7	8,1	7,7	7,6
Коэффициент естественной прибыли (убыли)	5	6,2	10	11,1	11,2	11,1
Коэффициент жизненности	151,5	164,6	214,9	237,1	245,5	246,1

*Рассчитана по данным статистического сборника «Демографический ежегодник РС (Я) за 1990, 2000, 2005–2014 г.: Территориальный орган ФСГС по РС (Я). – Якутск, 2015. – 260 с.

Таблица 3*

**Социальная характеристика сельских поселений
центральной зоны Якутии**

Показатели	с. Магарас Горного улуса	с. Чаранг Усть-Алданского улуса
Территория наслега (кв. км)	5368	18550
Сенокосные угодья:	3632	2776,5
пастбища	1590	791,9
пашня	185	426,6
Среднегодовая численность населения, чел.	1044	746
Трудоспособное население, в т.ч.:	532	392
занятые в экономике	349	286
в сельском хозяйстве	72	41
в ЛПХ	91	65
Пенсионеры	185	130
Безработные	59	18
Количество семей	259	299
Многодетные семьи	41	33
Малоимущие семьи	81	105

* Составлена по данным программ «Социально-экономическое развитие наслегов муниципальных образований» 2014 г.

ности – уменьшение на 2,1 промилле. Соответственно коэффициент естественной прибыли вырос на 6,1 промилле, что указывает на высокий уровень естественного прироста населения в данной зоне.

Показателями семейственности выступают уровни брачности и разводимости. Максимальное значение коэффициента брачности было зафиксировано в 2010 и 2013 гг. (9,3 и 9,2 промилле), а минимальное – в 2000 г. (5,7 промилле). С 2000 по 2014 г. общий тренд брачности показывает увеличение на 2,5 промилле, а коэффициент разводимости за это же время вырос всего на 0,8 промилле.

Для описания социальной характеристики сельских поселений рассмотрим два села, расположенных на разных берегах р. Лена (табл. 3).

Село Магарас Горного улуса (района). Находится в полутора часах езды на машине по федеральной дороге. Административная структура улуса состоит из девяти муниципальных образований. Основу экономики составляет сель-

ское хозяйство (разведение крупного рогатого скота и лошадей).

Село Чаранг Усть-Алданского улуса. Административная структура улуса состоит из 21 муниципалитета. Данный улус относится к заречным, и транспортная связь зависит от состояния реки: весной – от начала ледохода, а осенью – от установления ледостава, который может длиться от месяца до полутора, транспортная связь в это время с Усть-Алданским улусом прерывается.

По данным муниципальных образований, в с. Магарас (данные 2015 г.) количество населения составляет 1044 чел., это больше примерно на 300 чел., чем в с. Чаранг (746 чел.). В с. Магарас трудоспособное население составляет 532 чел. (или 50,9% от общей численности населения), а в с. Чаранг – 392 чел. (или 52,5%). В экономике наслегов заняты 65,5% и 72,9% населения (от трудоспособного населения с. Магарас и с. Чаранг). В сельскохозяйственной сфере работают 163 чел. (магарасцев) и 106 чел. (чарангцев), в т.ч. в сельскохозяйственных пред-

приятнях 72 и 41 чел. (в сс. Магарас и Чаранг), в ЛПХ (личных подсобных хозяйствах) – по 91 и 65 чел. соответственно.

Количество семей в с. Чаранг больше, и на 2015 г. зафиксировано 299 единиц, в с. Магарас – 259 единиц, что указывает на многодетность. Многодетных семей в с. Магарас больше на 10 единиц (41 многодетная семья). Численность населения растет за счет как прибытия населения, так и превышения рождаемости над смертностью. В заречных улусах численность населения растет только за счет превышения рождаемости. Движение населения минимально, миграция в основном происходит за счет выбытия обучающейся молодежи.

Территория с. Магарас меньше территории с. Чаранг почти в 3,2 раза и используется оптимально. К примеру, сельскохозяйственных угодий больше на 855,5 га, пастбищ – на 798,1 га. Пашни с. Чаранг больше на 241,6 га, что связано с природной характеристикой территорий и сельскохозяйственной деятельностью. В частности, на территории с. Магарас преобладает зона тайги, в основном с сосновыми и лиственными лесами. Территория с. Чаранг расположена на равнине с озерами и речками.

В инфраструктуре сёл присутствуют все организации, поддерживающие условия жизнедеятельности поселений (организации образования (детсады и школы), культуры, торговли, жилищного-коммунального хозяйства, здравоохранения, связи и органов местного самоуправления).

Анализ материалов муниципальных образований, совокупность ответов респондентов и экспертных интервью показали низкий уровень развития сельского хозяйства из-за необдуманной аграрной политики в республике. Как препятствия к возрождению личных подсобных хозяйств сельского населения и малого предпринимательства в сельском хозяйстве отмечают: необдуманные критерии отбора для получения грантов, так называемые «административные барьеры»; недоступность кредитов для сельского населения, его недостаточная экономическая и правовая грамотность, а также недоверие властям на всех уровнях, вследствие чего наблюдается апатичность населения к сельскохозяйственной деятельности.

Надо отметить, что трансформационные изменения общества в целом затронули и разме-

ренную жизнь села, что отразилось в переоценке ценностей у сельского населения. Так, результаты нашего исследования показывают следующее: у большинства сельчан (54,9% опрошенных) возраст вступления в брак отмечен в рамках от 18 до 25 лет, у 17,6% – от 31 до 35 лет, что соответствует общероссийским и республиканским показателям. 11,7% респондентов не состоят в браке, из них половина живут в гражданском браке. Как отмечают специалисты муниципальных образований, в «советское время» гражданские браки отмечались лишь у 1–2% сельского населения. Таким образом, гражданские браки являются веянием новых ценностных ориентаций сельского населения.

В условиях изменения социально-экономических параметров семейные ценности, необходимые для стабильности в обществе, многие ученые и политики относят к наиболее актуальным ценностям. В то же время, как показывают наши исследования, значимость семейных ценностей различается по гендерным группам. Надо отметить, что женщины больше заинтересованы в семейных и жизненных ценностях. Так, например, среди мужчин ценность семьи как «очень важно» отметили лишь 67,6% (из опрошенных мужчин), в то время как у женщин этот показатель выше на 12,7% (т.е. у 80,3% из опрошенных женщин). У 23,5% мужчин семья – это просто «важно», у женщин аналогичный показатель составляет 13,6%. Только 8,9% мужчин и считают семью «неважной» ценностью в жизни.

Процент отметивших в качестве ценности детей также выше у женщин, чем у мужчин (83,3% против 79,4%). При этом для большинства сельских женщин работа как ценность выше, чем для мужчин (62,2% против 41,2%). Возможно, это связано с тем, что большинство женщин работают в бюджетной сфере, а значит, они более застрахованы от разных невзгод, и заработная плата у них стабильная.

В вопросе здоровья более заинтересованными также оказались женщины, чем мужчины (77,3% против 70,6%). И только в свободное время заинтересованность мужчин выше, чем у женщин (50% против 39,4%).

Результаты наших исследований показывают различное понимание социальной роли мужчин и женщин в семье. Так, если из мужчин 52,9%, определили себя главой семьи, то из женщин

только 4,5% считают себя главными в семье. Из опрошенных мужчин только 8,8% считают жену главой семьи. Из опрошенных женщин 33,3% считают мужа главой семьи. Интересно то, что половина (50%) женщин считают правильным равное отношение в семье мужчин и женщин. А из мужчин за равное отношение в семье высказались только 23,5% респондента. Среди мужчин 5,9% считают, что главой семьи должен быть тот, кто больше зарабатывает, и 8,8% считают неважным, кто стоит во главе семьи. Среди женщин 3,1% считают, что главой семьи должен быть тот, кто больше зарабатывает. Для 6,1% селянок неважно, кто главенствует в доме, и 3% затруднились ответить. Однако окончательное решение по домашним делам 57,8% респондентов принимают совместно, у 25,5% – только муж и у 10,8% – только жена. Таким образом, во взаимоотношениях мужчин и женщин сохраняются традиционные понятия о роли мужчины и женщины в семье, хотя фактически финансовыми вопросами занимается женщина, и в большинстве семей окончательные решения по семейным вопросам принимаются совместно.

Далее можно отметить, что сохранность патриархальных традиций проявляется и в бытовых делах. Например, в семье приготовлением еды и уборкой в основном занимается женщина (54,9%), а хозяйственными делами, требующими физической силы (строительством, заготовкой дров, льда и воды и т.д.), – мужчина.

Образ жизни сельской семьи в основном определяется характером общей семейно-трудовой деятельности. Так, из опроса выяснилось, что только у 14,7% из опрошенных сельских семей имеются подсобные хозяйства. Фермерским хозяйством занимаются 1,9% и малым предпринимательством – 5,8% семей. Остальная часть респондентов работает в бюджетной сфере.

Материальное положение своей семьи достаточно хорошим считают только 16,7% респондентов. Примерно треть населения уровень своей жизни считает не очень благоприятным, т.к. 27,5% респондентов живут от зарплаты до зарплаты, а 6,9% селян не могут свести концы с концами. В то же время 47,1% селян считают, что живут вполне сносно. Исходя из этого большинство селян (58,8%) ответили, что чувствуют себя удовлетворительно, у 16,7% – общее само-

чувствие «так себе», у 8,8% – плохое и 15,7% затруднились ответить. Несмотря на удовлетворительное отношение к жизни вообще, к внешней нестабильности приспособились всего 21,6%, не совсем приспособились 46,1%, совершенно не приспособились 6,8% и затруднились ответить 22,5%.

Таким образом, проведенный анализ анкет позволяет говорить о том, что в иерархии жизненных ценностей у селян приоритетными являются семья и дети (81,2% и 80,4%). Здесь можно отметить различные уровни ценностей в гендерном разрезе (например, дети и семья, как ценности, выше у женщин, чем у мужчин). Также актуальными вопросами являются место и роль мужчины и женщины в семье. Так, наши исследования показывают, что авторитет отца и главы семьи сохраняется у 40,2% респондентов, хотя фактически семейными делами мужчины и женщины ведают совместно (45,2%). Крестьянский образ жизни поддерживает лишь 1/6 часть сельского населения, имеющего личное подсобное хозяйство, однако сохраняется традиционность в быту. Далее можно отметить, что, несмотря на то, что большинство респондентов работают в бюджетной сфере, их адаптация находится на низком уровне, т.к. они к внешней нестабильности не приспособились. Вместе с тем, по данным исследования, невзирая на ухудшение материального положения, большинство населения (58,8%) чувствуют себя вполне удовлетворительно и полны оптимизма.

В заключение хотелось бы отметить, что, в сельских поселениях Центральной Якутии благосостояние семей во многом зависит от территориального расселения. В близлежащих от столицы республики сёлах жизненный уровень и демографическое развитие чуть выше, чем в заречных улусах. Разница в условиях и уровне жизни сельских территорий требует разработки дифференцированных программ социально-экономического развития для каждого муниципального образования, которые должны не только ориентироваться на имеющиеся ресурсы, но и регулировать финансовые инвестиции в сельские поселения. В целом традиционные ценности, детерминированные сельским укладом жизни, сохраняются, что наблюдается в характере семейной деятельности. Вместе с тем нарастает тенденция новых взаи-

моотношений женщин и мужчин, основанная на равноправии и практикуемая, в том числе в гражданском браке. Надо отметить, что социальное самочувствие сельских семей, несмотря на низкий уровень жизни, у большинства удовлетворительное.

Литература

Брагина Д.Г. Якуты // Семейный быт народов СССР: монография. – М.: Наука, 1990. – 520 с.

Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология памятников ымыяхтахской культуры северо-восточной Азии // Материалы НПК «V Диковские чтения, посвященной 80-летию первой Колымской экспедиции и 55-летию образования Магаданской области». – Магадан, 2008. – С. 86–87.

Егоров Е.Г., Пономарева Г.А., Федорова Е.Н. Географическое положение Республики Саха (Якутия) и

его уникальность // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 14 (107). – С. 16–20.

Константинова Т.Н. Сельские семьи Западной Якутии: социокультурный анализ // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 3 (20). – С. 94–99.

Константинова Т.Н. Изменение форм семьи на Севере: региональное измерение // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 7. – С. 27–31.

Константинова Т.Н. Сельская семья южной зоны Якутии в современных условиях // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 10. – С. 23–25.

Присяжный М.Ю. Территориальная организация хозяйства Якутии // Пространственная экономика. – 2011. – № 2. – С. 33–53.

Попов Б.Н. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений у народов Якутии: историко-социологический аспект. – Новосибирск: Наука, 1987. – 321 с.

T.N. Konstantinova

Rural Families of Central Yakutia in the Modern Conditions

The topicality of the study of the rural family is due to both the all-Russian trends characteristic of the whole country and the specifics of regional development, in which the state of the agricultural sector and the health of the rural population, represented mainly by indigenous communities, have always been of priority importance. The purpose of the article is to identify local features and preservation of traditional family values of rural residents of the Republic of Sakha (Yakutia). The results of the author's field studies conducted in Central Yakutia are presented. The article describes the habitat and systems of settlement, a brief history of the settlement of the region, considered the evolution of the traditional Yakut family in historical retrospect, analyzed the demographic processes in the studied rural settlements, special attention is paid to modern transformations in the marriage and family sphere. It is emphasized that life and family values, their hierarchy and significance differ by gender groups of the population. It is concluded that there are socio-economic problems in the agricultural sector, complicating the process of adaptation of the rural population to changing general environmental conditions (natural, climatic, socio-economic and socio-political), the need to develop differentiated programs of socio-economic development, focused not only on the available resources, but also able to regulate financial investments in rural settlements.

Keywords: rural settlements, Central Yakutia, socio-demographic characteristics, rural population, family values, social roles of men and women in the family, tradition in everyday life.

А.О. Новоприезжий

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.008

УДК 316.462+314.14(1-22)(571.56)

Отношение к политической власти жителей приленских районов (по материалам экспедиции РГО «Плавучий университет – 2017»)

В статье рассматривается проблема политической активности граждан РС (Я), их интерес к политической сфере жизни. С научной точки зрения интерпретируются такие понятия, как аполитизм и абсентеизм. Выделяются уникальные особенности этих явлений, предпосылки их образования и необходимость объективной оценки в функционировании современного общества. Исследование базируется на результатах анкетирования жителей г. Якутска, Кобяйского (пос. Сангар, с. Батамай), Жиганского (пос. Жиганск) и Булунского (пос. Тикси, с. Сиктях) районов Республики Саха (Якутия), проведенного в рамках работы экспедиции «Плавучий университет на р. Лена - 2017». Особое внимание уделено влиянию пространственного фактора (географическое расположение, условия жизнедеятельности) на предрасположенность к аполитичному настрою общества. Анализируется взаимозависимость уровня интереса к политике и доверия к власти, выводятся закономерности функционирования аполитизма в пространстве Республики (Саха) Якутия. Проводится анализ результатов опроса по возрастному и гендерному показателям.

Ключевые слова: политические процессы, социология, выборы, электорат, аполитизм, абсентеизм, политическая культура, партикуляризм, население Приленья, Якутия.

Как известно, отношение общества к политической власти может быть оценено в различных параметрах, в т.ч. в количественном измерении. Основными критериями подобной оценки являются доверие и интерес граждан к власти. В разные периоды развития политических систем этот интерес может повышаться или снижаться. В современной политической науке существуют две категории определения низкого интереса к политике – аполитичность и абсентеизм.

В литературе мы можем найти различные дефиниции данных терминов. Так, аполитичность определяется как пассивное, безразличное (действительное или мнимое) отношение к общественной жизни и политической деятельности [Большая советская энциклопедия, 1978]. Дается и более узкое определение: «АПОЛИТИЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна. Безразличный к вопросам политики, характеризующийся аполитизмом» [Ожегов, Шведова, 1999]. При широком деятельностном подходе «Аполитичность – состояние незаинтересованности в политике, самоизоляция и неучастие в политической жизни; устойчивая нереализация человеком свои поли-

тических прав, отрицание ответственности перед политическим сообществом людей» [Введение в политологию, 1996, с. 20].

В то же время абсентеизм определяется как уклонение от выборов, уклонение избирателей от участия в голосовании при выборах представительных органов или должностных лиц [Ожегов, Шведова, 1999]. В другой дефиниции абсентеизм – это уклонение от посещений, связанных с выполнением каких-нибудь общественных обязанностей [Ушаков, 2013]. Абсентеизм также интерпретируется как определенная позиция и линия поведения избирателей, состоящая в уклонении от участия в выборах государственных органов, политических деятелей [Политологический словарь, 1995, с. 5]. Таким образом, аполитичность представлена авторами в большей степени как отношение к политике, общая пассивность, психологический настрой, где человек выступает как безразличный объект политических процессов. В то время как абсентеизм – это деятельное неучастие, активное неприятие, отрицание, при котором человек становится субъектом. Если аполитичность подразумевает нефиксируемое, автоматическое,

© Новоприезжий А.О., 2018

то абсентеизм – осознанное неучастие в общественной жизни страны. Можно сделать вывод о том, что эти два близких термина определяют по-разному обоснованные формы неучастия в политике.

Как считают исследователи, в нашей стране аполитичность и абсентеизм начинают массово проявляться в постсоветский период. Именно в этот период, по-видимому, начинается процесс «декларативного, даже демонстративного разгосударствления человека в условиях кризиса властных структур, политических элит и институтов» [Зоркая, 1999]. Политические катаклизмы 1990-х гг. породили в гражданах страны стремление отдалиться от политики как опасной сферы.

С этой точки зрения отношение к политике классифицируется как «синдром “маленького человека” – приземленный рационализм отражает стремление быть подальше от “опасной” сферы политики; синдром одинокого человека – или “толпы одиноких” – означает отсутствие чувства солидарности между людьми даже в критических обстоятельствах; представление о политике как имманентно “грязном” – подмена должного сущим, легитимация аморализма и даже апология подлости» [Оболонский, 2016, с. 85–86].

Если в советской политической культуре существовала негативная интерпретация явления абсентеизма, то, по мнению современных исследователей, все становится не так однозначно. Высокий интерес к политике, в частности, в виде высокой явки на выборах, может являться проблемой. Это связано с характеристикой большинства населения страны, как привычно аполитичного. По мнению американского социолога М. Липсета, «не желающие быть избирателями отличаются от избирателей наличием авторитарных установок, циничными идеями о демократии и политических партиях, чувством нетерпимости по отношению к девиантным или даже отклоняющимся от нормы мнениям» [Липсет, 2016, с. 263]. Таким образом, аполитичность связана не только с нежеланием участвовать в выборах, но и с критическим отношением к власти.

В то же время существует мнение, что низкая явка – результат базовой удовлетворённости политикой государства (Ф. Уилсон, Г. Тингстен).

Так, «апатия может свидетельствовать о том, что люди предпочитают в свободное время заниматься более интересными вещами, чем удовлетворять свою страсть к политике, и при этом государственные органы, другие властные структуры и крупные организации функционируют вполне успешно» [Там же, с. 262].

Таким образом, нельзя говорить о безусловном объективном отношении граждан к политическим институтам и к политике в целом в острые моменты их исторической мобилизации. Так, на выборах в Германии в 1930-е гг., когда к власти пришел А. Гитлер, абсолютное большинство населения выступало за проводимую НСДАП политику. События 1930-х гг. в Германии, связанные с увеличением количества политизированных граждан, в то же время отрицательно повлияли на развитие демократических институтов в стране.

В целом аполитизм и абсентеизм присутствуют во всех обществах, они могут испытывать количественные колебания и не всегда подвержены оценочной интерпретации. В своей статье мы поставили вопрос о наличии аполитичности и абсентеизма на уровне республиканского электората на примере приленских районов Республики Саха (Якутия), степени их проявления и мотивации.

Основным методом исследования явилось опросное анкетирование. В процессе подготовки к социологическому опросу была составлена анкета из девяти вопросов, пять из которых направлены на выявление уровня аполитичности, четыре – уровня абсентеизма. Работа проводилась в несколько этапов:

подготовительный: июнь – июль 2017 г. – разработка методологического аппарата, подготовка анкеты, первый срез 20 респондентов в г. Якутске;

полевой: 20 июля – 11 августа 2017 г. – работа на объектах посещения Плавучего университета (пос. Сангар Кобяйского улуса, пос. Жиганск Жиганского улуса, пос. Тикси Булунского улуса, с. Сиктях, Булунского улуса и с. Батагай Кобяйского улуса). Полевыми исследованиями были охвачены три улусных центра и два села. Всего было опрошено 120 чел., в улусных центрах – по 20 респондентов, а в селах – по 10;

дополнительный: август 2017 г. – в целях расширения респондентской базы было также

опрошено 20 чел. в г. Якутске, таким образом, по г. Якутску было опрошено 40 респондентов; **аналитический:** сентябрь – октябрь 2017 г. – анализ и интерпретация результатов исследования.

Стандартный опрос заключался в анкетировании случайных респондентов в общественном здании, на улице или в доме. В случае согласия опрашиваемые получали анкету-опросник. Пример анкеты приведен ниже:

Анкета-опросник «Ваше видение значения политики в РФ»

Пол: м   ж

Возраст:

Образование:

1) Интересуетесь ли Вы политикой:

а) интересуюсь; б) отчасти интересуюсь; в) не интересуюсь.

2) Как Вы относитесь к российской власти:

а) хорошо, доверительно; б) не до конца доверяю; в) совсем не доверяю.

3) Собираетесь ли Вы участвовать в выборах президента РФ 2018 г:

а) собираюсь; б) пока не уверен; в) не собираюсь.

4) Собираетесь ли Вы участвовать в выборах Ил Дархана и Ил Тумен: а) собираюсь; б) пока не уверен; в) не собираюсь.

5) Какую роль играет политика в вашей жизни:

а) непосредственно влияет; б) отчасти затрагивает; в) не влияет.

6) «Политика – дело каждого», согласны ли Вы с этим утверждением:

а) да; б) частично; в) нет.

7) Какой политической партии Вы больше всего симпатизируете:

а) «Единая Россия»; б) «Справедливая Россия»; в) «КПРФ»; г) «ЛДПР»; д) другая партия; е) не симпатизирую.

8) В современной жизни политика играет роль:

а) определяющую; б) весомую; в) незначительную.

9) Кто из современных политиков выражает ваше общественное мнение (впишите самостоятельно).

В ходе опроса наблюдался ряд следующих закономерностей. Жители г. Якутска чаще всего отказывали в опросе. В улусах была проявлена более высокая степень заинтересованности к

участию в анкетировании. При заполнении анкеты респонденты нередко демонстрировали живой интерес к вопросам политики. Некоторое затруднение у опрашиваемых вызвало заполнение 8- и 9-го пункта анкеты.

Для интерпретации результатов опроса рассмотрим ответы на ряд вопросов – интерес к политике, доверие к власти и роль политики в жизни. Проанализируем ответы респондентов по критерию вертикального разделения власти: сначала на уровне республики; далее – на уровне улуса (района); в конце сопоставим улусные центры и села. Важно рассмотреть вопрос не только с административной, но и социальной точки зрения. Поэтому отдельно рассмотрим разделение ответов респондентов по категориям возраста (младшее поколение: от 18 до 35 лет; старшее поколение: от 35 лет и выше) и гендерного состава.

Базовая гипотеза на уровне сравнения по республике: интерес к политике будет падать от центра к окраинам, будет выявляться обратная связь интереса и доверия к власти у респондентов. Уровень влияния политики на жизнь будет мал в большинстве случаев, также будет коррелироваться по аналогии с интересом к политике.

По результатам опроса жителей г. Якутска можно констатировать, что 15 опрошенных интересуются политикой, доверяют власти 17 и признают роль политики в жизни 13 человек. Учитывая, что общее число респондентов по г. Якутску было 40, можно отметить невысокие показатели активного отношения к политике, т.к. значения не доходят и до 50%. Улусные центры представляют соотношение интереса к политике/доверия к власти/роли политики в жизни в числах: Сангар – 11/8/10; Жиганск – 9/13/10; Тикси – 6/11/6. Ответы в улусных центрах получились более сопоставимыми, т.к. в однородных единицах было опрошено по 20 чел. Сельские поселения выдают свою опросную корреляцию: на 10 опрошенных в каждом селе в Батамае – 4/7/4; Сиктяхе – 3/9/5. Результаты опроса можно увидеть на рис. 1 и 2.

В связи с ранее предложенными гипотезами, мы можем выдвинуть ряд концептуальных выводов:

1) интерес к политике, как и выдвинуто в гипотезе, варьируется от большего к меньшему интересу от центра до окраин. Город Якутск в

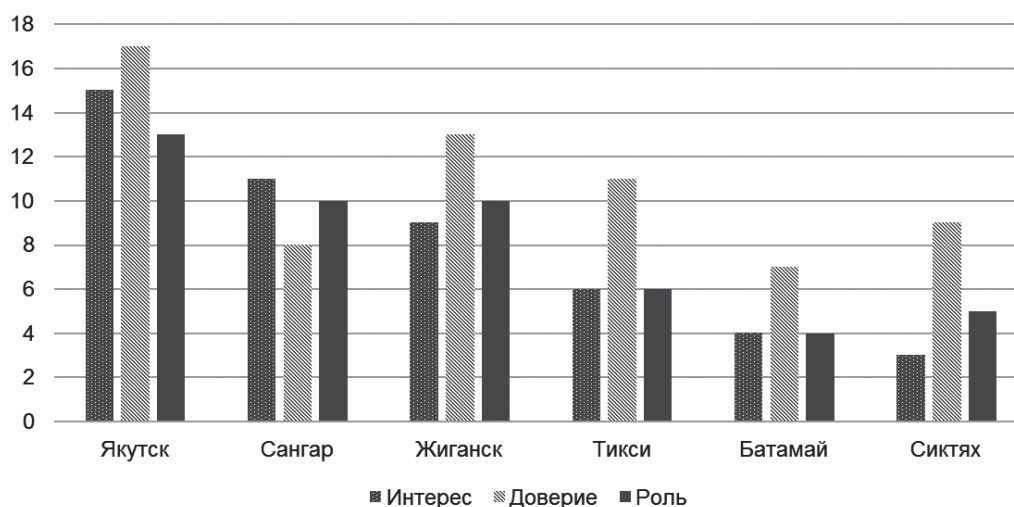

Рис. 1. Итоговые значения опроса населения по РС (Я)

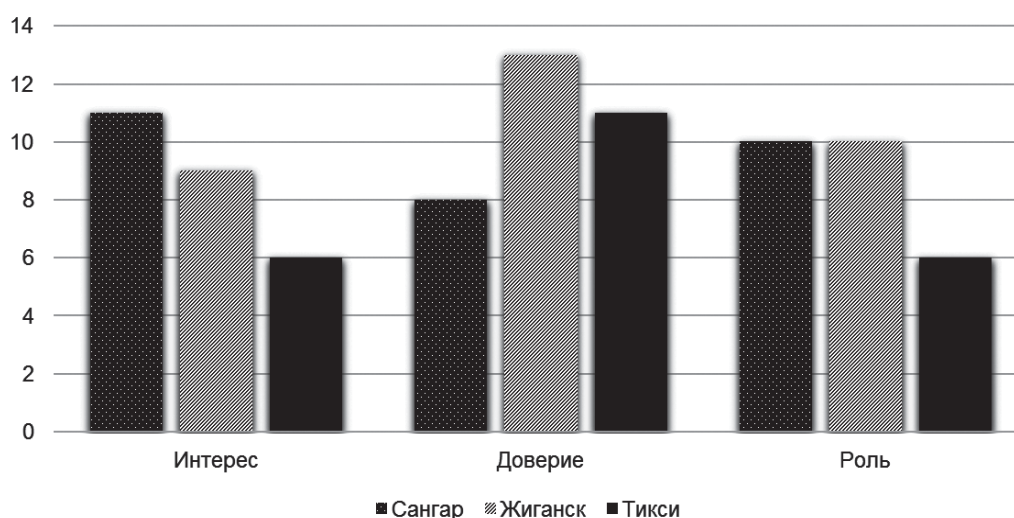

Рис. 2. Итоговые значения опроса населения в улусных центрах

этом плане выделяется вне концепции: базовый интерес горожан находится на уровне 37,5%, что меньше, чем в отдельных улусах. На примере Сангар – Жиганск – Тикси мы видим непосредственное доказательство нашей гипотезы: 55%–45–30%. Итоги опроса в селах дают тот же результат Батамай – Сиктях: 40–30%;

2) по вопросу о доверии к власти базовая гипотеза также подтвердилась. Но из этого ряда выбиваются результаты в пос. Жиганск, которые мы предлагаем условно назвать «Жиганским феноменом». Если Сангар и Тикси следуют базовой гипотезе обратной взаимосвязи

интереса и доверия (Сангар – 55/40, Тикси – 30/55), то в Жиганске эта обратная связь не выявлена – 45/65. Якутск в этой связи тоже выделяется – 37,5/42,5%. Возможно, это связано с рядом факторов развития Жиганского улуса, таких, как исторические, социально-экономические, политические. В любом случае «Жиганский феномен» требует отдельного исследования. Подтверждением гипотезы также служат данные опроса в селах: так, Батамай дает пропорцию 40/70%, а Сиктях – 30/90%;

3) при рассмотрении вопроса о роли политики в жизни базовая гипотеза не подтвердилась,

Таблица 1

Итоги опроса населения по поколениям по населенным пунктам

Младшая/старшая возрастная группа	Интерес (М/С)	Доверие (М/С)	Роль (М/С)
Якутск	6/9	8/9	5/8
Сангар	3/8	1/6	4/5
Жиганск	4/5	7/6	4/6
Тикси	3/3	4/7	3/3
Батамай	0/4	2/5	2/2
Сиктях	½	2/7	2/3

роль политики оценивали гораздо выше, чем свой интерес к ней. Характерно, что для г. Якутска это уровень 37,5/32,5%. Уровень влияния, по мнению респондентов, довольно высок в улусах: так и в Кобяйском, и Жиганском улусах это 50%, а для Тикси – 60%. В селах корреляция еще более интересная – влияние политики, как определяющее на жизнь, оценили в Батамае и Сиктяхе по 40 и 50%. Чем дальше мы продвигались от центра к периферии, тем ниже интерес к политике и в то же время выше оценка роли политики в жизни человека. На наш взгляд, это может быть объяснено повышением уровня зависимости человека от деятельности органов местного самоуправления, от их эффективности. Гражданин в суровых условиях ощущает свою более тесную взаимосвязь с местной администрацией.

Рассмотрим проблему с позиции оценки по возрастным группам. Здесь результаты можно рассматривать с двух сторон: анализ поколений в населенных пунктах и общая разница между возрастными группами. Общим для всех будет факт преобладания политической активности старшей возрастной группы, это общая тенденция для всех населенных пунктов. Результаты опроса отражены в табл. 1 и рис. 3. Стоит выделить некоторые закономерности. Так, в Жиганске можно заметить корреляцию большего доверия к власти у младшего поколения (7 к 6), но это можно объяснить случайными факторами. Чего нельзя сказать о Тикси: там соотношение интереса к политике и роли политики минимально и равно у обоих поколений (3 к 3). Вопрос становится еще более интересным, когда мы обращаемся к селам. Стоит отметить, что в процес-

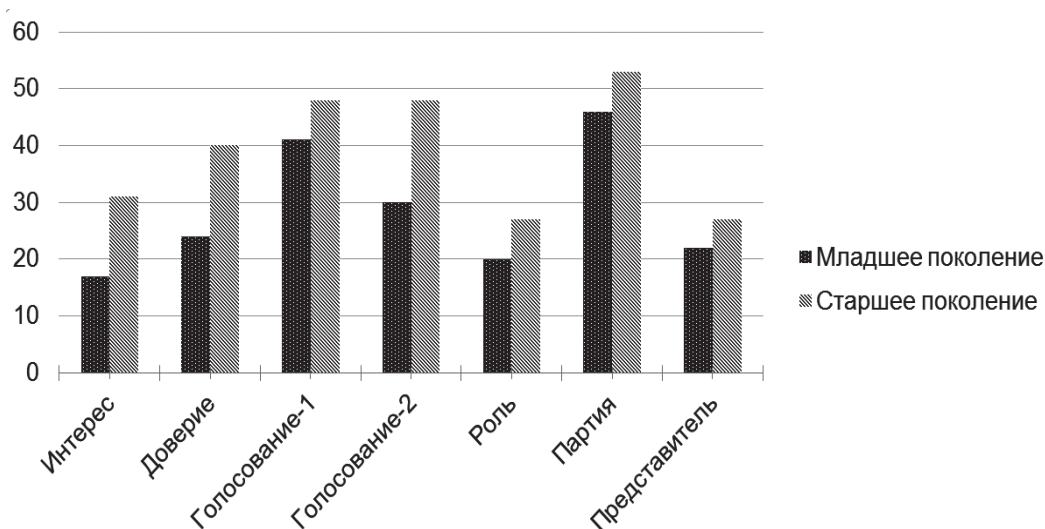

Рис. 3. Значения опроса населения по поколениям

Отношение к выборам жителей Приленья в гендерном разрезе

Мужчины/женщины	Интерес (М/Ж)	Доверие (М/Ж)	Роль (М/Ж)
Якутск	11/4	10/7	5/8
Сангар	9/2	4/3	7/2
Жиганск	6/3	7/6	3/7
Тикси	1/5	4/7	2/4
Батамай	2/2	3/4	1/3
Сиктях	1/2	3/6	3/2

се опроса в селах оказалось довольно трудно найти людей, подходящих под определение младшей возрастной группы. Но и те, кого удалось привлечь, проявили минимальный интерес к участию в анкетировании. Стоит отметить, что в Батамае интерес к политике не обозначил ни один из опрошенных. В Сиктяхе доверие к власти проявили два респондента младшего поколения по сравнению с семью – старшего.

В части оценки по возрастным группам анализ результатов опроса позволяет сделать следующие выводы:

1) подтверждается гипотеза о более высоких показателях по позициям у старшей возрастной группы;

2) в столице республики показатели обеих возрастных групп колеблются между 12,5 и 23%;

3) снова проявляет себя «Жиганский феномен», где достаточно высокую активность проявляет младшая возрастная группа (не опускается ниже 50%);

4) в селах и пос. Тикси показатели обеих возрастных групп достаточно низкие.

Результаты анализа опроса по гендерному признаку позволяют высказать следующие суждения. Поскольку количество опрошенных мужчин и женщин было равным, приведенные показатели являются сопоставимыми. При этом женщины выходят вперед по отдельным важным показателям. Так, в г. Якутске женщины отводят политике более значимую роль в своей жизни, чем мужчины (8 к 5). В Жиганске мы видим аналогичные результаты (7 к 3). В Тикси также интерес к политике преобладает у женщин (корреляция интереса к политике/роли по-

литики: 5/1 и 4/2). В Батамае и Сиктяхе мы видим примерное равенство ответов: в Батамае проявляется равно интерес к политике (2 к 2), в Сиктяхе интерес к политике проявляется больше у женщин, но лишь на один голос (2 к 1) (табл. 2). Результаты опроса отражены в табл. 2.

Исходя из данных табл. 2, можно сделать следующие предварительные выводы:

1) гендерная разница в большей степени проявляется в более крупных населенных пунктах и в меньшей степени – в селах;

2) женщины чаще проявляют доверие к власти, чем мужчины, при этом не проявляя большого интереса к политике и достаточно высоко оценивая ее роль в своей жизни. Таким образом, в нашем опросе именно женщины в большей степени выступают как возможные носители аполитичности, не сочетающейся с абсентизмом;

3) также отметим, что, подобно возрастным группам в пос. Тикси, обе гендерные группы демонстрируют низкие показатели политической активности, что свидетельствует о наличии общего кризиса доверия к власти.

Таким образом, в рамках настоящей статьи в отношении уровня политической активности граждан приленских районов выявлены следующие тенденции:

Интерес населения к политической жизни убывает прямо пропорционально от центра к периферии. При этом обособленно выглядят результаты опроса по г. Якутску, где интерес выражен в количестве 37,5%. Возможно, в этом соотношении проявляется особенность политической активности населения больших городов, в которых гражданин ощущает свою некоторую

отстраненность от политической жизни, проявляет партикуляризм политической культуры. Максимальным центром интереса становится не административная столица республики, а центр Кобяйского улуса пос. Сангар с 55%. Социальная активность населения может быть объяснена тем, что этот административный центр расположен ближе к столице республики, в то же время в поселке существуют достаточно развитая сеть рыболовецких хозяйств и объекты угледобывающей промышленности.

Такой критерий, как степень доверия к власти, дает обратную зависимость: увеличение от центра к периферии. Следует отметить, что максимальная степень доверия к власти прозвучала в малых населенных пунктах: Батамай и Сиктях. Из этого ряда выбиваются Якутск и Жиганск, где Якутск представлен средними результатами, а Жиганск проявляет особенность. То есть существует обратная пропорция между интересом к политике и степенью доверия к власти, при этом коэффициент увеличивается от центра к периферии. Так, Якутск дает цифры 37,5/42,5%, а Тикси – 30/55%.

Роль политики в жизни оценивалась респондентами по возрастающей: от центра к периферии. В своей статье мы попытались предположить причины увеличения оценки роли политики в жизни человека от центра к периферии. Однако из этого ряда выбиваются показатели пос. Тикси Булунского улуса. Предположительно, это может быть связано со снижением экономического и геополитического статуса Тикси, который в прошлом был опорным пунктом Северного морского пути. Начиная с 1990-х гг. поселок переживает серьезные социально-экономические и демографические проблемы: спад уровня жизни, свертывание хозяйственных объектов, миграция населения и пр.

Результаты опроса также показали, что аполитичность (вопросы, связанные с интересом к политике и ее ролью) связана не только с географическим местоположением человека, с пребыванием его в небольшом или крупном населенном пункте, но и с деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В отношении политической активности возрастных групп подтверждается гипотеза о более высоких показателях по позициям у стар-

шего поколения. В крупных муниципальных образованиях уровень интереса к политике, доверия к власти и оценки роли политики в жизни респондентов достаточно высокий у обеих возрастных групп, а в селах и пос. Тикси – более низкий. Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод: возраст респондентов играет определенную роль в их политической активности, но более значимыми в отношении активности человека являются социально-экономические факторы. В этот вывод вполне вписывается «Жиганский феномен», где молодежь довольно активна на фоне устойчивого социального развития.

В целом гендерный анализ проведенного опроса показал более высокую аполитичность женщин, не сочетающуюся с абсентеизмом. Можно предположить, что в нашем обществе сохраняются некоторые условия для разделения труда по гендерному принципу: высокая степень занятости в домашнем хозяйстве, психологические установки на большее доверие к власти и более низкая гражданская активность.

Также мы пришли к выводу о том, что необходимо проводить социологические исследования в одноуровневых муниципальных образованиях, поскольку показатели по г. Якутску в определенной степени отличаются от результатов, полученных в районных центрах и селах.

Литература

Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1969–1978.

Введение в политологию: словарь-справочник / сост. Г.Л. Купряшин, Т.П. Лебедева, Г.И. Марченко и др.; под ред. В.П. Пугачева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 264 с.

Зоркая Н. Интерес к политике как форма политического участия // Мониторинг. – 1999. – №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/interes-k-politike-kak-forma-politicheskogo-uchastiya> (дата обращения: 08.11.2017).

Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.

Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. – М.: Мысль, 2016. – 448 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических вы-

ражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Политологический словарь: учеб. пособие / Р.Г. Григорян, А.В. Гришин, Г.И. Демин и др.; под. ред. В.Ф. Халипова. – М.: Высш. шк., 1995. – 192 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / Изд-во «Аделант». – М., 2013. Режим доступа: <http://nashol.com/2014060277796/tolkovii-slovar-sovremennogo-russkogo-yazika-ushakov-d-n-2013.html> (дата обращения: 08.11.2017)

A.O. Novopriezzhiy

The Relation to the Political Power of the Residents in the Prilensky Districts (Based on the Expedition of the RGO “Floating University-2017”)

The article deals with the issue of political activity of citizens of the RS (Y), their interest in the political sphere of life. From the scientific point of view, such concepts as apolitism and absenteeism are interpreted. The unique features of these phenomena, the prerequisites for their formation and the need for its objective evaluation in the functioning of modern society are singled out. The course of preparation for questioning the population is described. The results of the survey data collection in Yakutsk, Kobyaisky (Sangar village, Batamay village), Zhigansky (Zhigansk village) and Bulunsky (Tiksi, Siktyakh) ulus areas are presented in the work of the “Floating University on the Lena River – 2017”. A basic hypothesis is proposed at the level of comparison in Yakutia, it is checked whether it corresponds to actual results. The question of the influence of the spatial factor (geographic location, living conditions) on the predisposition to the apolitical mood of society is investigated. The interdependence of the level of interest in politics and trust in power is analyzed, and regularities in the functioning of apolitism in the territory of the Republic (Sakha) of Yakutia are derived. A comprehensive analysis of the reasons underlying the specific attitude of the republic's citizens to politics as a whole is being conducted. The Appendix contains a sample of the questionnaire and indicative histograms with the results of the survey.

Keywords: political science, sociology, elections, electorate, apolitism, absenteeism, political culture, particularism, questioning, Yakutia.

К 200-летию К. Маркса

Е.М. Махаров

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.009

УДК 141.82

Востребованность марксистской методологии

Исполнилось 200 лет (5 мая 2018 г.) со дня рождения гениального мыслителя, учёного и революционера К. Маркса. С его именем связано возникновение нового учения – марксизма, этого великого духовного, интеллектуального явления, нового философского и экономического направления в истории естественных, общественных и гуманитарных наук.

Со времени возникновения марксизма прошло много времени. С точки зрения научного подхода в оценке марксизма как интеллектуального явления можно выделить два момента: во-первых, понимание особенностей времени и условий возникновения и его влияния на развитие общества; во-вторых, выяснение того, как в со-

временных условиях востребован марксизм; что осталось и что устарело в нём. Здесь важное значение имеет возможность использования самой марксистской методологии, в частности, в анализе современного состояния российского общества и перспектив его дальнейшего развития.

Возникновение марксизма в XIX в. обусловлено реальным историческим запросом времени, а именно необходимостью выявления противоречий новой формации и поиска путей решения фундаментальных социальных проблем, таких, как ликвидация эксплуатации, несправедливости, отчуждения человека. А также были и интеллектуальные источники в виде великих научных достижений и гуманистических идей.

В данной статье речь преимущественно идёт о втором моменте, т.е. о том, чтобы показать, по какой причине и как изменяется отношение к марксизму и какова востребованность его в исследовании проблем современной России и её будущности.

Ключевые слова: Маркс, марксизм, методология, неклассическая наука, востребованность, российское общество, гуманитарные науки.

Как известно, марксизм возник в Европе в XIX в. в условиях интенсивного развития капиталистической общественно-экономической формации. В тот период в общественных науках вся сущность, достоинства и противоречия новой формации явились главным объектом философского и научного изучения. Они получили отражение в таких трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Экономическо-философские рукописи 1844», «Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии», «К критике политической экономии», «Капитал», «Анти-Дюринг», «Критика Готской программы», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др. Именно скрупулёзное исследование развития капитализма в Англии, Франции и других европейских странах дало возможность К. Марксу выявить закономерности развития этой системы и по-новому взглянуть на сложное переплетение общественных отношений.

Период возникновения марксизма – это время становления неклассической науки в Европе. В конце XVIII–XIX вв. произошли великие научные открытия в области астрономии, физики, биологии и других наук. В свою очередь эти открытия выдвинули новые теоретические, философские вопросы в области познания сущности микромира, материи, вселенной, в теории познания и т.д. Также источником марксизма служили великие идеи и учения общественных наук, в частности, английской политэкономии, классической немецкой философии и французского социализма. Поэтому возникновение марксизма было вызвано реальным историческим запросом времени, а именно потребностью в выявлении противоречий новой форма-

ции и поиске путей решения фундаментальных социальных проблем, ликвидации эксплуатации, несправедливости, отчуждения человека от человека. А также были и интеллектуальные источники в лице великих научных достижений и гуманистических идей.

В данной статье хотелось бы остановиться на втором моменте, о котором сказано в начале, т.е. показать, по какой причине и как изменяется отношение к марксизму и какова востребованность его в исследовании проблем современной России и её будущности. Сегодня отношение к марксизму можно свести к следующему: во-первых, можно отметить, что труды К. Маркса и Ф. Энгельса на Западе и Востоке, как и раньше, активно изучают. К. Маркса и в наше время продолжают считать великим человеком. В 1999 г. «Би-би-си» провело интернет-опрос, где К. Маркс был назван величайшим мыслителем тысячелетия. Свидетельством тому является то, что в Библиотеке Конгресса (США) К. Марксу посвящено больше научных трудов, чем любому другому человеку. В США в числе рекомендуемых для изучения находится «Манифест Коммунистической партии», он даже занял 4-е место. Работа К. Маркса «Капитал» была включена в реестр духовного наследия ЮНЕСКО.

Труды К. Маркса привлекают деятелей науки, политиков и простых людей во многих отношениях. Если, например, в либеральной среде на Западе изучают К. Маркса, то у них, естественно, имеется свой интерес. Действительно, как свидетельствует история, влияние марксизма на капиталистические страны было огромное. Многие его положения учитывались в организации производственного процесса, при соз-

дании и улучшении условий труда на заводах и фабриках. Капиталист, как организатор производства, безусловно, заинтересован в повышении производительности труда рабочих, и для этого применяются различные стимулы материального и морального порядка. Капиталистическое производство не заинтересовано в забастовках, стачках и других акциях со стороны рабочих, ибо это ведёт к снижению прибавочной стоимости, прибыли предприятия, хотя, как показывает практика, это не всегда удаётся. Несмотря на все старания, в силу самой природы капиталистического производства, различные забастовки, протесты, экономические кризисы становятся его постоянным спутником.

Интерес к марксизму со стороны коммунистов, партий или отдельных стран левой, социалистической ориентации вполне понятен. В трудах К. Маркса вскрываются коренные причины эксплуатации человека различными партийными и властными структурами, компаниями и корпорациями. В них он указывает путь освобождения трудящихся от гнёта капитала, отчуждения человека от результатов своего труда, от его социальной сущности и человека от человека.

Что касается интереса к марксизму властных структур и либеральной части современной России, то вопрос неоднозначный. С одной стороны, после социальной революции в России в начале 1990-х гг. прошлого века Россия встала на путь капиталистического развития. Поэтому либеральной части российского общества К. Маркс не интересен. У неё своя ориентация, своя идеология, которая никак не совместима с марксизмом. Это тоже вполне понятно. С другой стороны, в России люди левой, социалистической, гуманистической ориентации остались приверженцами марксистского понимания общественного развития, и они последовательно отстаивают и ставят во главу угла интересы человека и пытаются на деле добиться государственной политики, ориентированной на человека. Это тоже вполне понятно. Такова на сегодня в общих чертах реальная раскладка в отношении учения К. Маркса. Каждый в марксизме ищет своё, между прочим, и находит. Именно в этом уникальность, гениальность К. Маркса.

В рамках вышеизложенного в более конкретном приложении имеется масса различных оценок, суждений, подходов. Недаром говорят, что

немногие теоретики в истории искажались так, как К. Маркс, но немногих так сильно почитали. О его месте в истории писали многие. Пожалуй, самой гениальной оценкой роли К. Маркса в истории человечества были слова его друга, соратника, одного из создателей марксизма Ф. Энгельса, написанные им по поводу кончины этого великого человека своему другу Фридриху Адольфу Зорге: «Человечество стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало» [Энгельс, 1964, с. 386].

История располагает многими примерами самой высокой и восторженной оценки учения марксизма. Некоторые из них можно привести. Начиная с конца XIX в. марксизм получил широкое признание не только в Европе, но и в России. Особо можно выделить деятельность теоретиков II Интернационала, таких, как К. Каутский, Р. Люксембург, Э. Бернштейн, А. Лабриола, П. Лафарг, Ф. Меринг и др. В этом отношении особо выделяются фигуры Г.В. Плеханова и В.И. Ленина. В Европе в XX в. появился так называемый «западный марксизм» или, как его иногда называют, «неомарксизм». Здесь можно отметить деятельность таких теоретиков, как Антонио Грамши, Дьёрдь Лукач, Карл Корш. В рамках «западного марксизма» заметную роль сыграла франкфуртская школа, в которой находились Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно, Герберт Маркузе, Эрих Фромм. Можно ещё отметить деятельность Л. Альтюссара в Италии и его последователей во Франции и мн. др. Главное в деятельности представителей «западного марксизма» состоит в том, что, опираясь на основополагающие положения марксизма, они стремились выработать новые подходы применительно к условиям Запада и с учётом конкретного исторического времени.

И раньше, и сегодня немало выдающихся представителей естественных наук на Западе относятся к марксизму с большой симпатией, например, великий физик А. Эйнштейн, хотя и не являвшийся марксистом, многие британские ведущие учёные, например, Дж. Бернал, а также выдающиеся французские физики Жолио-Кюри, Ирен Кюри, Фредерик Жолио-Кюри и мн. др.

Что касается научной, порой идеологизированной и политизированной критики марксизма, то она имеет давнюю историю. Буквально с

момента становления нового учения основоположникам приходилось вести борьбу с разными идейными течениями. В те времена так называемые «истинные коммунисты» и «истинные социалисты» Криге, Вейтлинг, Грюн и др., выдвигая свои идеи, не до конца понимали позицию буржуазных демократов, требовавших конституцию, свободу. Хотя они критиковали либеральную буржуазию, на самом деле стояли на позициях феодально-абсолютистского режима. К. Марксу приходилось постоянно полемизировать и доказывать неправоту мелкобуржуазных социалистов, таких, как Прудон, Пьер и др. Они, как идеологи мелких предпринимателей, ремесленников, выступили против революционных преобразований, против коммунистических идей. Прудонисты тогда выступили против крупной частной собственности, при этом сохраняя мелкую частную собственность, т.е. были не против самого принципа частной собственности. Прудон написал книгу «Философия нищеты», где изложил свои взгляды о равенстве, справедливости, о необходимости очистить товарное производство от злоупотребления, при этом не отрицал капитализм как систему. В ответ К. Маркс в 1847 г. написал книгу «Нищета философии», где показал утопический характер теоретических положений Прудона, расплывчатость, непоследовательность его подходов.

С религиозных, отчасти с буржуазных, позиций марксизм подвергал критике Н.А. Бердяев. «Можно удивляться роли, которую сейчас играет марксизм, – писал он, – марксистская доктрина создана сто лет тому назад. Она не соответствует современной социальной действительности и современной философской и научной мысли, во многих частях своих она совершенно устарела» [Бердяев, 1995, с. 334]. С его точки зрения устаревшими считаются такие положения марксизма, как понятие класса, классификация философских доктрин, понятие морали, интернационализм, теория революции. Все эти положения Н.А. Бердяевым рассматриваются только как абстрактные мысли, как просто ненужный схоластический реализм понятий тогда, когда социальная действительность сложна и многообразна.

Против основных положений марксовской теории общественного развития выступил один из крупных философов XX в. Карл Поппер. Он

прямо писал: «Я – противник марксизма» [Поппер, 1992, с. 475]. История не имеет смысла, и в ней нет закономерностей, а есть только отдельные события, ими занимается историческая наука. «На мой взгляд, – писал К. Поппер, – единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни... Действительно ли не существует всеобщей истории как реальной истории человечества? Скорее всего – нет» [Там же, с. 312]. С этих позиций подвергаются критике всякие претензии на знание «объективных законов» истории, возможность радикальных преобразований общества на «научной основе», подвергаются сомнению проблемы свободы и демократии, принцип историзма.

Приведем мнение, например, Герберта Уэллса, который относился к Марксу и марксизму резко отрицательно. По его мнению, коммунистам кажется, что некие, именуемые капиталистами, борются против счастья людей и всего человечества. Написанные Марксом труды Г. Уэллс сравнивает с обычной макулатурой, какой в изобилии в любом обществе. Складывается впечатление, что писатель не читал труды критикуемых авторов или же прочитал, но не понял, как в них раскрываются причины отсутствия в общественной жизни счастья, свободы и справедливости.

Обратимся к некоторым современным критикам. В наше время, в частности в России, стало некой модой или признаком «хорошего тона» по всякому поводу и без повода представлять марксизм в ином свете, не говоря даже о явном отрицании его в либеральной политике государства. В телепередачах некоторые либерально ангажированные журналисты порой отпускают неуместные шутки, иронизируют по поводу трудов основоположников марксизма и их теоретических положений. Как справедливо заметил В. Миронов, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, иногда современным критикам кажется, что К. Маркс плох не потому, что он нечто плохо написал, а потому, что написал какую-то вещь именно он. Если бы, говорил он, например, сегодня «Немецкую идеологию» К. Маркса и Ф. Энгельса издать под именами замечательных

философов-постмодернистов Делёза и Деррида, то она расходилась бы быстро и все восхищались бы этой новейшей философией.

Отношение к марксизму люди создают на основе различных источников: под влиянием литературы, телевизионной пропаганды, авторитетных суждений известных людей или психологического настроения микросреды существования человека. В одной из передач, которую ведёт М. Швыдкой, один из участников, академик РАН, на вопрос телеведущего об его отношении к К. Марксу, сказал, что его не читал, но относится к нему плохо. На той же передаче небезызвестный Н. Сванидзе считает К. Маркса виновным в революции 1917 г. в России и различных репрессиях в СССР. Трудно понять, как человек с таким логическим мышлением мог попасть в члены комиссии против фальсификации истории при Президенте РФ. Присутствовавший на передаче академик РАН, директор Института российской истории, довольно тонко поправил суждение Сванидзе, сказав, что если так рассуждать, то получается, что Мухаммед, основатель ислама, виноват в деяниях ИГИЛ в современном арабском мире, а Христос виноват в средневековом суде инквизиции.

Иногда вину Маркса усматривают в его идее о социализме в СССР, мол, он построен отчасти по Марксу. Имеет место и другая историческая путаница, когда считается, что если сегодня в России уже нет социализма (с этим трудно спорить, ибо это соответствует действительности), то в СССР социализма и раньше не было. Трудно оправдать такую логику – если чего-то сегодня нет, то это значит, что его и раньше не было. Ведь в жизни бывает так, что если раньше что-то было, то оно со временем исчезает и заменяется другим. Другой вопрос, то, что было в СССР, было ли настоящим социализмом как общественная система? Приведём по этому поводу подход одного из известных российских философов В.М. Межуева, который пишет: «“Реальный социализм” явно не состоялся. Он потерпел поражение во всех областях – экономической, политической, идеологической, в борьбе за мировое лидерство. Никто не верит в возможность его реставрации». Здесь уже вопрос упирается в понимание сути социализма, в то, что люди думают, что жили при социализме, или что объективно он имел место в истории?

«Я не оспариваю право людей, живших в Советском Союзе, называть то время социализмом. Но о степени социалистичности советского общества лучше судить всё же на основании не того, что оно думало о себе, а по более объективным показателям, исходя из понятия (или идеи) социализма» – пишет он. Или ещё: «разумеется, что-то от социализма существовало и в СССР. Недаром этот период в нашей истории многие оценивают как социально более справедливый, чем нынешний. Нельзя объяснить подобную оценку одними лишь идеологическими предпочтениями, она во многом продиктована вполне искренними чувствами, настроениями людей. И всё же негатив в практике “реального социализма” перевешивал позитив, заставляя судить о социализме явно с ложных позиций» [Межуев, 2007, с. 139].

Как бы ни хотели некоторые отрицать, отвергать социализм как систему, трудно не признавать колоссальные достижения Советского Союза в различных областях (не будем перечислять, в каких именно, это общеизвестные положения), огромное влияние примера Советского Союза на капиталистические страны в решении социальных проблем и, наконец, возникновение социалистических стран как на Западе, так и на Востоке. В.М. Межуев в своём утверждении, что в СССР «что-то от социализма существовало», приводит мысль о социализме как несостоятельной идее и, более того, он считает, что «негатив в практике “реального социализма” перевешивал позитив». Кроме того, автор совершенно не учитывает огромные успехи стран, идущих по социалистическому пути развития, таких, как Китай, Вьетнам, КНДР, Куба. В более широком историческом аспекте (если выйти за пределы сегодняшней локальной российской реальности) в этом нельзя не увидеть влияние великой российской революции 1917 г., возникновение Советского Союза и строительство социализма в отдельно взятой стране.

Всякое учение, независимо от того, к какой сфере оно относится, к природным или общественным процессам, если оно раскрывает фундаментальные законы, то в основной своей части остаётся истинным. А отдельные, более частные стороны явления всегда подвергаются дополнению, уточнению или, как устаревшие, отпадают. Марксизм как учение, открывшее за-

коны общественной жизни, в своей основе остаётся истинным. Об этом пишут многие, например, А. Фролов: «...об устарелости марксизма не может быть речи. Все выведенные этим учением законы капиталистического способа производства остаются в силе по сей день. Конечно, в XX в. возникли новые явления, которых во времена Маркса ещё не существовало. Но переход капитализма в стадию империализма – глобализма, рождая новые надстроечные... связи и закономерности, не отменяет базисных законов, как и в физике теория относительности не отменяет ньютоновской механики» [Фролов, 2018, с. 7]. В будущем, в случае появления нового фундаментального учения в других условиях исторической реальности, согласно научному принципу соответствия, каждый будет истинным именно в своей конкретной области, при этом, конечно, не отменяя истинность другого.

К. Маркс вместе со своим единомышленником и другом, исследуя развитие капитализма в странах Европы в XIX в., открыл внутренние механизмы действия этой системы, сформулировал важнейшие теоретические положения в философских, исторических и экономических науках. Если Ч. Дарвин открыл законы развития животного мира, то К. Маркс и Ф. Энгельс открыли законы развития человеческого общества. Тем самым в науке был совершён очередной настоящий коперниканский переворот. Открытие было настолько значимым, что оно вышло за рамки действия законов человеческого общества и перевернуло представление человека и общества на весь мир в целом.

Не пытаясь охватить все сколько-нибудь самые обсуждаемые теоретические положения, хотелось бы выделить некоторые из них. В марксистской теории одним из ключевых положений является вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания. А исходным в этом служит понимание сущности материального и идеального. Упомянутый нами Н.А. Бердяев по этому поводу писал: «Марксистская классификация философских доктрин, особенно развитая Энгельсом, на идеализм, признающий примат сознания над бытием, и материализм, признающий примат бытия над сознанием, совершенно не состоятельна» [Бердяев, 1995, с. 338]. В наше время имеются последователи такого подхода. Не вдаваясь в

длинное рассуждение о сути марксистского подхода в этом вопросе, можно заметить, что когда идея объявляется первичной, то, видимо, имеется в виду, что человек именно при помощи сознания что-то производит, живёт и действует. Это, конечно, так. Однако, когда речь идёт об историческом процессе и выясняется вопрос, на основе чего идёт развитие общества, то здесь примат материальной основы очевиден. Только создавая материальные блага, общество может развиваться, не говоря даже о том, что в условиях планеты Земля сознание есть продукт длительных материальных процессов. Отсюда вытекает положение об общественном бытии как определяющем общественное сознание. А в отдельных случаях, в решении конкретных вопросов или в протекании жизненных процессов и событий, роль и значение (можно сказать и примат) политических доктрин или научных положений неоспоримы.

Следующее теоретическое положение, которое вызывает немало споров, – это сущность формационного подхода. Как известно, основоположники марксизма историю человечества рассматривали как переход от одной стадии к другой, которые называли общественно-экономическими формациями. К. Маркс в работе «К критике политической экономии», написанной в 1858 г., в частности, в знаменитом её «Предисловии» писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [Маркс, 1959, с. 7]. Заодно можно отметить, что именно в этом «Предисловии» К. Маркс, говоря об определяющей роли общественного бытия, писал, что «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».

В процессе возникновения новых формаций появляются и новые классы, которые играют громадную роль в развитии общества. Смена формаций и возникновение новых классов с точки зрения общего исторического процесса означают поступательное движение, переход из одного качественного состояния в другое. Именно такой ход мыслей подвергается критике К. Поппером, который этот принцип назвал историцизмом. «Множество социально-фило-

софских учений, – пишет он, – придерживающихся подобных воззрений, я обозначил термином историцизм» [Поппер, 1992, с. 32]. Резко отрицательное отношение к такому принципу он выразил так: «Ведь историцизм – это и социальная, и политическая, и моральная (я бы даже сказал – аморальная) философия, и как таковой он имел очень большое влияние с самого начала нашей цивилизации» [Там же, с. 299].

Вообще отношение человека к тому или иному учению объясняется многими моментами. Прежде чем принять, как авторитетное, суждение какого-то деятеля, нужно понять, чем это вызвано, каковы были причины для этого. В нашем случае с К. Поппером можно заметить следующее. Он, излагая свою точку зрения, иногда подчёркивал, что это только его субъективное мнение и никак не до конца аргументированное научное суждение. Он, как представитель западного капиталистического мира (хотя он отрицал капитализм как систему в понимании К. Маркса), не мог согласиться с усилением влияния СССР на международной арене, с тем, что у него самый большой в мире объём вооружения.

Также К. Поппер был против системы тоталитаризма и считал это угрозой миру. Здесь явно политизированное, ангажированное суждение по социальным, политическим вопросам распространяется на марксизм. К тому же его научная специализация относится к естественным наукам. Сошлёмся на его признание. «Хотя основная сфера моих интересов, – писал К. Поппер, – лежит в области методологии физики (и, следовательно, связана с решением определённых технических проблем, которые имеют мало общего с вопросами, обсуждаемыми в этой книге), долгие годы меня интересовало во многих отношениях неудовлетворительное состояние общественных наук, и в особенности социальной философии. В этой связи немедленно возникает вопрос об их методах. Мой интерес к данной проблеме был в значительной степени усилен возникновением тоталитаризма и неспособностью общественных наук и социально-философских учений его осмыслить» [Там же, с. 30–31].

Теория формационного подхода перекликается с другой, сегодня активно разрабатываемой теорией цивилизационного подхода. Как известно, основоположники марксизма активно

использовали понятие цивилизации. Более того, при формировании научных представлений об общественном развитии в исследовании социальных процессов привлекались труды историков. Особенно высоко они ценили работу американского историка Л. Моргана «Древнее общество». Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной в 1884 г., вслед за Л. Морганом исследует эпохи дикости, варварства и цивилизации. Каждая эпоха имела низшую, среднюю и высшую ступени. В трудах разбираются родоплеменные отношения у американцев, германцев, итальянцев, кельтов. Также Ф. Энгельс рассматривает развитие семейных отношений у этих древних родов. Особое место занимает проблема возникновения государства.

К. Маркс и Ф. Энгельс под цивилизацией понимали эпоху, когда шло разделение труда, возникали государства, обострялись противоположности между городом и деревней, создавались классы. Это было время, когда появилась возможность производить больше, чем для собственного потребления, и обмен продуктами для общества становился жизненной необходимостью. И как пишет Ф. Энгельс, «цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всём прежнем обществе» [Энгельс, 1960, с. 173–174]. Однако впоследствии они тему цивилизации не стали специально разрабатывать.

Упомянув работу Ф. Энгельса в связи с проблемой цивилизации, следует отметить один, на наш взгляд, очень важный момент. Надо полагать, что именно исследование экономических отношений, особенно социальных и семейно-брачных отношений в древнем обществе, дало возможность более точно сформулировать их совместное открытие о материалистическом понимании истории. Оно сводится к следующему: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счёте производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предме-

тов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 25–26]. Здесь чётко выражена другая не менее важная сторона процесса производства – это производство самого человека, иными словами, процесс производства нельзя свести к меркантильным благам. В данном случае у меня нет возможности более подробно остановиться на этом, ранее в своих публикациях по проблемам человека и общества я пытался показать важность этого теоретического положения применительно к современным условиям.

В нашей отечественной науке в исследовании общественных процессов цивилизационный подход начал активно изучаться примерно с 1980-х гг. прошлого века. На первых порах некоторым его разработчикам казалось, что ими найдено чуть ли не новое слово в общественной науке, которое вполне заменяет старый формационный подход. Поэтому последний стал подвергаться всяческой критике, его считали устаревшим или обычным мыслительным конструктом. В какой-то мере и сегодня вопрос остаётся дискуссионным. С научной точки зрения более приемлемую позицию заняли те специалисты, которые склонны рассматривать формационный и цивилизационный подходы не как альтернативные в методологии исследования исторических процессов и событий, а как самостоятельные, в то же время как взаимопроникающие. Каждый из них представляет собой определённое видение исторического процесса. Естественно, каждый исторический подход имеет свои достоинства и недостатки, но если речь вести об их сущности (в данном случае речь идёт о рассматриваемых подходах), то они никак не противоречат друг другу.

Во взаимоотношениях указанных подходов можно заметить следующее: во-первых, различие их состоит в том, что цивилизационный подход даёт общую характеристику состояния общества, указывает на многообразие сфер общественной жизни и на характер взаимодействия системы общественных отношений. Профессор В.Ж. Келле выразил это так: «Цивилизация, на мой взгляд, есть способ существования человеческих сообществ, возникший на основе общественного разделения труда, роста производственных сил и численности населения. Она

представляет собой социокультурное образование, т.е. включает социальные и культурные аспекты жизни общества в их органическом единстве. Культура выступает формообразующим началом цивилизации, характеризующим её специфику, отличие от других цивилизаций» [Келле, 2009, с. 154]. Иногда авторы расширяют данное определение, «включив в него присущий разным цивилизациям природно-географический фактор» [Хвостова, 2018, с. 10].

Формационный подход указывает на определённый этап развития обществ с аналогичным способом производства и подчёркивает характерные черты в экономическом, социальном и культурном развитии. Формации друг от друга отличаются главным образом способом производства, и это даёт возможность понять их характер и определить, на каком уровне они находятся. При таком подходе значительно глубже раскрываются противоречия отдельных стадий развития общества и довольно чётко выявляются движущие силы прогресса и революционных преобразований. Цивилизационный подход в силу своей общности, широты охвата всех сторон развития общества до этих проблем не доходит. Иными словами, понятие цивилизации охватывает широкий спектр общественной жизни и даёт общую характеристику, а понятие формации отражает другой ракурс и, выявляя особенность способа производства, указывает основную причину перехода из одной формации в другую. В этом, на наш взгляд, состоит соответствие, совместимость, взаимодополняемость этих подходов.

Во-вторых, отталкиваясь от понимания Л. Моргана и Ф. Энгельса проблемы цивилизации, можно сказать, что в свете разделения человеческого общества на эпохи дикости, варварства и цивилизации, последняя, начавшись с эпохи разложения первобытного общества, продолжается по сей день. Подобно тому, как эпохи дикости и варварства имеют свои низшую, среднюю и высшую ступени, эпоха цивилизации тоже имеет свои ступени развития. В качестве таковых в рамках общечеловеческой цивилизации можно выделить общественно-экономические формации: рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую. Или можно выделить, как это делают в современных условиях, аграрно-индустриальную, индустри-

альную, постиндустриальную, технологическую, информационную, цифровую и т.п. цивилизации. В этом случае тоже не нарушается принцип соответствия или дополнительности в отношении формационных и цивилизационных подходов.

Коперникианский переворот, совершённый К. Марксом и Ф. Энгельсом в научном познании, стал возможным благодаря созданию новой диалектики и логики постижения истины. К. Маркс, кроме разработки проблем экономической теории, демократии, революции и других важных тем, намеревался написать специальный труд по диалектике. Об этом он сообщил своему другу Иосифу Дицгену следующее: «Когда я сброшу с себя экономическое бремя, я напишу “Диалектику”. Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля – правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы» [Маркс, Энгельс, 1964, с. 456]. Хотя ему это не удалось, но он оставил разработку основных положений новой диалектики. В.И. Ленин прямо отметил об этом: «Если Маркс не оставил “Логику” (с большой буквы), то он оставил логику “Капитала”... В “Капитале” применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма, взявшего всё ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперёд» [Ленин, 1969, с. 301].

Кроме того, К. Маркс прямо говорил об отличии своего метода от гегелевского, считая, что его метод является прямой противоположностью. Приведём его известное высказывание, где подчёркивается, что «для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного... у меня же, наоборот, идеальное есть ни что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [Маркс, Энгельс, 1960, с. 21]. Следовательно, К. Маркс, переработав гегелевскую диалектику и исследовав учения своих предшественников о методах различных наук, совершил научное открытие – создал новую диалектику – материалистическую диалектику и диалектическую логику, как новый способ постижения научной истины. В процессе этого на новой основе разработаны законы, принципы, категории и методы диалектики, например, такие, как методы абстрагирования,

восхождения от абстрактного к конкретному; категории диалектики, как форма и содержание, общее и единичное и т.д.; принципы диалектики, как историзм, единство логического и исторического и другие.

Материалистическая диалектика разработана на основе непосредственного исследования исторического процесса, повседневных жизненных реалий, социальных противоречий, человеческих судеб, международных отношений своего времени. Это не искусственная конструкция или просто фантазия, как иногда утверждают. Всякие суждения, идеи, мысли, мечты, всё, что связано с мыслительной деятельностью, возникают в ходе взаимодействия человека с окружающим миром, на практике, в общении, деятельности, на основе житейских процессов. Мы здесь не рассматриваем такое явление, как возникновение идеи из идеи, или как проблему относительной самостоятельности мыслительной, духовной сферы.

В процессе научного познания полученные в ходе деятельности знания, информация, представления, впечатления формулируются в виде законов, понятий, категорий, принципов и т.д. Они в свою очередь в процессе познания становятся неким инструментом исследования реальных процессов. Происходит как бы обратное влияние полученных мыслительных конструктов на жизнь. Ярким примером может служить анализ К. Марксом природы товара и товарно-денежных отношений при капитализме.

При помощи силы абстракции и выработанных реальных познавательных конструктов К. Маркс смог найти исходный пункт исследования капиталистической общественно-экономической формации в лице товара. Это дало возможность распутать сложное переплетение экономических отношений, т.к. товар является совокупностью, вернее, синтезом этих отношений, может быть не только их. Как об этом очень точно заметил В.И. Ленин: «У Маркса в “Капитале” сначала анализируется самое простое, обычное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношения буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой “клеточке” буржуазного общества) все противоречия (respective зародыш всех противоречий) современного общества» [Ленин,

1969, с. 318]. В понятиях «клеточка общества», «зародыш противоречия» Ленин выразил суть открытия Марксом основы буржуазного общества.

Выше нами приведены открытия К. Маркса, процитированы общеизвестные положения, чтобы показать их объективную основу, т.е. марксистские законы, понятия, принципы, категории и другие получены именно в ходе познавательной деятельности, как мыслительная рефлексия над реальностью, и не являются субъективными, искусственными образованиями. Среди некоторых специалистов в области эпистемологии, к сожалению, бытует мнение о наличии заранее заданных знаний и их независимом характере. Мы здесь не говорим о тех знаниях, которые уже выработаны и обладают неким самостоятельным бытием и оказываются основой для выработки других знаний. Данное обстоятельство действительно порождает впечатление о реальном объективном бытии знаний.

Об особенностях процесса познания К. Маркс писал следующее: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила своё идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» [Маркс, Энгельс, 1960, с. 21].

Обращение к марксизму, в связи с 200-летием со дня рождения К. Маркса, вызвано не столько необходимостью установить подлинный смысл его научных открытий и не столько необходимостью выявить, что устарело (это, безусловно, имеет место), сколько понять степень востребованности сегодня отдельных его теоретических положений для решения сложных проблем, в частности, современной России. О чём идёт речь? При всех позитивных изменениях в разных сферах общественной жизни в целом сегодня Россия переживает серьёзный кризис. В призыве Президента РФ В.В. Путина, сформулированном в очередном Послании Федеральному собранию (1 марта 2018 г.), поставлена задача обеспечения настоящего прорыва в соци-

ально-экономическом развитии страны в предстоящий отрезок его руководства. В 1930-е гг., в далёкое советское время в связи с определённой исторической ситуацией руководителем государства была поставлена задача ликвидировать отставание страны от развитых стран на ряд десятилетий, пробежать это расстояние за короткое время, «иначе нас сомнут». Как известно, это задача была выполнена. Спрашивается, не возникла ли сегодня в стране аналогичная ситуация?

На самом деле, общая ситуация и положение России в современном мире довольно сложные. Видимо, сегодня для призыва о необходимости прорыва имелись серьёзные основания. Если в прежних Посланиях Президента ставились обычные задачи, такие, как улучшение, совершенствование, подъём, развитие всех сфер общественной жизни, то в данный момент властные структуры начинают понимать всю серьёзность положения. Приведём некоторые данные. В стране темп роста ВВП крайне низкий, в 2017 г. он составил 1,5%, это при среднем темпе роста мировой экономики в 3,8. Доля зарплаты работника в созданном им продукте в России составляет 25–30%, а в государствах Европы – 55–60%. Отсюда у определённой части населения крайне низкий уровень жизни, в стране более 20 млн. нищих, чьи доходы ниже прожиточного минимума. Размер пенсии значительно ниже в странах с аналогичным уровнем производительности труда, т.е. чем во многих странах Европы. По рейтингу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за прошедшие 10 лет Россия занимает 130-е место. Довольно серьёзные последствия сложились в результате реформ в образовании и науке. Чего только стоит пресловутый ЕГЭ! Система образования нуждается в очередной реформе, но только в сторону создания более эффективной структуры, свободной от однозначно европейской ориентации. Низким уровнем финансирования, сокращением большого количества школ нанесён серьёзный ущерб делу воспитания и образования. Начиная с 2013 г. российская наука подверглась откровенно циничной реформе. Только сейчас, после того, как нанесён непоправимый ущерб, власти, осознав грубость, некомпетентность обращения с такой тонкой материей, как наука, начинают отступать от принятых шагов.

Одной из важных задач для развития экономики страны остаётся повышение уровня инвестиций. К 2017 г. предполагалось довести их до 25%, а к 2018 г. – до 28% от уровня ВВП. Сегодня они составляют не более 10% от ВВП. Одним из главных показателей развития промышленности является выпуск высокотехнологичной продукции, а он сегодня составляет только 9%. Можно было бы продолжить перечисление наших серьёзных отставаний и по другим показателям. Если к сказанному ещё добавить очень высокий уровень коррупции, преступления должностных лиц, примеры роста моральной и духовной деградации определённой части граждан, то картина станет ещё яснее.

Надо полагать, что всё это дало возможность поставить задачу обеспечения настоящего скачка, прорыва, ибо если этого мы не сделаем, то нас действительно сомнут. В чём причина того, что Россия оказалась в таком положении? В средствах массовой информации причины в основном сводят к внешним враждебным силам или к каким-то частным объективным внутренним проблемам. Только в научной литературе и в выступлениях специалистов на разных форумах можно заметить отдельные глубокие мысли о путях выхода из кризиса. Например, на VI Московском экономическом форуме многие выступавшие отметили отсутствие у страны даже стратегии экономического развития. Так, известный экономист Оксана Дмитриева говорила: «Моё выступление будет посвящено тому, что у страны нет не только стратегии, но и тактики. И даже нет чёткого анализа и диагностики, в каком состоянии находится сейчас экономика» [О чём говорят ..., 2018]. С такой оценкой основной причины нынешнего кризисного состояния России вполне можно согласиться. О. Дмитриева как экономист выделила только экономику, а если обратиться к другим сферам общественной жизни: социальной, духовной, политической, видимо, можно утверждать то же самое.

В период выборов Президента России у людей было велико ожидание перемен. Сделав свой выбор и услышав в Послании призыв к прорыву, который не вызвал возражений, люди вправе были получить ответ на вопрос, как обеспечить этот скачок, за счёт чего и что кардинально надо менять. Однако, к сожалению,

внятного ответа на эти вопросы не последовало. Видимо, такого плана у власти не имелось, хотели оставить всё как есть. После выборов прошли различные форумы на разных уровнях, конференции, круглые столы, а ясности по поводу того, что кардинально надо предпринять, не было и нет. Во внутренней политике проблемы 20-летней давности остаются, а на этих мероприятиях на вопрос, что нужно для прорыва, ответы крутятся только вокруг проблем инвестиций, повышения производительности труда, импортозамещения, торговли, банковской системы, долгосрочных проектов и т.д. Конечно, всё это надо сделать, однако такой подход желаемого прорыва не обеспечит, в лучшем случае на предстоящие пять – шесть лет сохранится нынешнее застойно-стабильное состояние общества. Ясно, что в Послании была поставлена не такая задача. К сожалению, задачи, которые поставлены Президентом, довольно привлекательные, но для нового – старого правительства нереализуемые.

Не претендуя на новое слово, можно было бы обратиться к марксистской методологии и попытаться дать ответ на свой же вопрос. Во «Введении» из экономических рукописей 1857–1858 гг. К. Маркс сформулировал своё понимание роли и диалектического взаимодействия отдельных моментов общественного производства. Как он писал: «Производство создаёт предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределённое согласно отдельным потребностям... Производство выступает, таким образом, исходным пунктом, потребление – конечным пунктом, распределение и обмен – серединой... Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, правильный силлогизм: производство составляет в нём всеобщность, распределение и обмен – особенность, а потребление – единичность, замыкающую собой целое» [Маркс, Энгельс, 1958, с. 715]. Здесь указаны основные звенья общественного процесса производства. Все они составляют диалектическое единство (по выражению К. Маркса, даже «целое») всеобщего, особенного и единичного. В этой системе потребление как конечный пункт выходит как бы за пределы экономики. Однако, как говорит

К. Маркс, потребление «оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь даёт начало всему процессу». Иными словами, производство чего-то всегда предполагает потребление предметов труда, орудий и средств производства.

При дальнейшем рассмотрении общественного процесса производства, в частности в «Предисловии» «К критике политической экономии», К. Марксом сформулировано следующее важное положение: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания» [Маркс, Энгельс, 1959, с. 6–7].

При выработке государственной политики по обеспечению настоящего прорыва, видимо, недостаточно постановки традиционных, постоянных задач в области инвестиции, банковского дела, производительности труда, торговли, строительства труб, мостов и т.д. Следуя марксистскому положению об экономическом базисе общества как фундаменте общественного развития, вероятно, следовало бы, как говорится, смотреть в корень, т.е. внести коррективы, вернее, пересмотреть некоторые нынешние подходы в понимании важнейших элементов общественного производства. Здесь, прежде всего, вопрос упирается в характер и действенность способа производства современной России. В результате непродуманных, исключительно политизированных либеральных реформ в области экономики допущено серьёзное отставание в понимании и управлении производственными отношениями. В последних камнем преткновения стала проблема форм собственности. Многие специалисты доказывают необходимость пересмотра либеральной модели, как уже провалившейся. Следуя научно обоснованным принципам, подвергая постоянной критике государственную форму собственности, власти у государства оставили только 23–25% собственности, тогда как в Китае, Европе в госу-

дарственной собственности находится 50 и более процентов собственности. Несмотря на это, сегодня складывается впечатление, что политика разгосударствления собственности будет иметь своё продолжение. «Хочу обозначить здесь, – подчеркнул в послании В.В. Путин, – принципиальную позицию. Доля государства в экономике должна постоянно снижаться». Такое теоретико-методологическое понимание ключевой проблемы экономического развития (не только экономического) вряд ли обеспечит заявленный прорыв. Эта ориентация на продолжение стагнации, если не на ухудшение положения дел в России.

Другие элементы общественного производства, такие, как распределение, обмен в условиях современной России, тоже требуют серьёзного экономического и управленческого анализа. Соотношение того, что мы сами производим, и того, что покупаем на мировом рынке, имеет и экономический и политический аспект. Вместо того, чтобы объём и структура импорта снизились, рост их стремительно набирает темп. В 2017 г. импорт вырос на 24%, а в 2018 г. тенденция сохранится. Например, рост закупок продовольствия составил 12,4%, рыбы – 24%, масла растительного – 16%, сахара – 33%. В сфере промышленности ситуация выглядит не лучше. Закрыты многие заводы, а то, что есть, используется не полностью. Постоянная ориентация на более дешёвую импортную продукцию ведёт к сужению исконных, традиционных форм хозяйствования, потере культуры и навыков производительной деятельности и, наконец, – к ограничению независимости и усилению сырьевой зависимости. То же самое можно сказать и в отношении обмена произведёнными товарами в обществе.

Потребление как конечный пункт общественного производства выступает важнейшим критерием эффективности государственной политики, общественного развития в целом. Уровень и структура потребления – показатели уровня благосостояния человека, того, насколько общество обеспечивает его материальными благами, – проясняют вопрос, имеет ли место эксплуатация человека человеком или её нет, а также каков уровень отчуждения человека или его нет. Таким образом, комплексное видение и целостный анализ всех звеньев общественного

производства, начиная с эффективного сочетания различных форм собственности, кончая проблемами производства человека, вполне могут дать основные ориентиры в государственной политике.

В свою очередь последняя зависит от определённых условий и факторов, таких, как состояние духовных, интеллектуальных структур общества. Культура, наука, разные виды интеллектуальной деятельности человека становятся важнейшими, и даже в таком ракурсе анализа, главными факторами успешной реализации государственной политики. Безусловно, к этим субъективным условиям добавляется наличие политической воли у власти, под которой понимаются адекватная оценка сложившейся ситуации, верное определение основных направлений деятельности, и воля, и решимость в реализации научно выверенных целей и задач.

В этой связи вся проблема экономических преобразований, социального, нравственного и духовно-культурного развития современного Российского государства выходит в плоскость кардинальных реформ политической структуры общества, включая переход к парламентской системе государственного управления, совершенствование партийности системы, изменение принципов формирования парламента страны и субъектов РФ и т.д. Но это предмет отдельного разговора.

Литература

Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.

Келле В.Ж. Надо ли отказываться от цивилизационного подхода? // Марксизм. Альтернативы XXI века. – М., 2009. – С. 151–158.

Ленин В.И. Сочинения. – 5-е изд. Т. 29. – М.: Политиздат, 1969. – 783 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 12. – М., 1958. – 879 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 13. – М., 1959. – 770 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 21. – М., 1960. – 745 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 23. – М., 1961. – 907 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 32. – М., 1964. – 804 с.

Маркс К. К критике политической экономии. – 2-е изд. / Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 13. – М., 1959. – 770 с.

Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. – М., 2007. – 172 с.

О чём говорят на Московском экономическом форуме? // Сов. Россия. – 2018. – 7 апр. С. 3–5.

Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992. – 528 с.

Фролов А. Катабасис, или Сошествие в золотой унитаз. К 200-летию К. Маркса // Сов. Россия. Отечественные записки. – 2018. – № 9. – С. 7–10.

Хвостова К.В. Современный исторический нарратив // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С. 7–10.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 21. – М., 1960. – 745 с.

Энгельс Ф. Фридриху Адольфу Зорге // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения – Т. 35. – М., 1964. – 516 с.

Е.М. Makharov

Marxist Methodology

It was 200 years since the birth of the brilliant philosopher, scientist and revolutionary K. Marx. His name associated with the emergence of a new doctrine - Marxism, this great spiritual, intellectual phenomenon, a new philosophical and economic trend in the history of the natural, social and human sciences.

Much time has passed since the rise of Marxism. Point of view of the scientific approach in the evaluation of Marxism as an intellectual phenomenon, two points can be distinguished: first, an understanding of the characteristics of the time and conditions of its emergence also its influence on the development of society; secondly, figuring out how Marxism is claimed in modern conditions; what is left and what is outdated in it. Here it is important to use the Marxist methodology itself, in particular, in the analysis of the current state of Russian society and the prospects for its further development.

In the rise of Marxism in XIX century was a real historical demand for time precisely in the need to identify the contradictions of the new formation and the search for ways to solve fundamental social problems, such as the elimination of exploitation, injustice, alienation of man. There were also intellectual sources in the form of great scientific achievements and humanistic ideas.

In this article, we are talking mainly about the second point, i.e. show for what reason and how the attitude towards Marxism changes and what is its relevance in the study of the problems of modern Russia and its future.

Keywords: Marx, Marxism, methodology, non-classical science, demand, Russian society, humanities.

Д.Н. Миронов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.010

УДК 340.12:141.82

«Юриспруденция» К. Маркса: к вопросу об основных разделах

Совокупность научных знаний К. Маркса по вопросам государства и права – это «Юриспруденция» К. Маркса. Разделы её – типология государства, классовая борьба и диктатура пролетариата, методология юриспруденции. Современная российская наука о государстве продолжает обращать внимание на функциональные возможности исторических способов производства. Значимы и положения второго раздела «Юриспруденции» К. Маркса, например, в области описания и объяснения происхождения (организации), развития и последствий «цветных» революций. Многие современные работы по проблемам государства и права связаны с методами диалектического материализма. В статье актуализированы некоторые обобщения К. Маркса. Известно, что развитые государства переживают последствия образования «глубокого государства». Между тем К. Марксом был обоснован тезис о необходимости превращения государства из органа, стоящего над обществом, «в орган, этому обществу всецело подчиненный». Современный век обозначился как век высоких технологий. В «Капитале» К. Маркса было использовано понятие «производительный организм» общества. Понятие учитывает технологический уровень общества и способно включать в свой состав и государственное управление. В статье подчеркнуты методологические возможности идеи К. Маркса о «современном государстве».

Ключевые слова: «Юриспруденция» К. Маркса, современное государство, тенденции развития современного государства, роль правового регулирования.

Идеи К. Маркса о государстве и праве в силу статуса учения советскими учеными-юристами изучались пристально, на их основе публиковались солидные издания [Мамут, 1979]. В постсоветское время масштабные исследования по работам К. Маркса были как бы отложены, хотя интерес к ним поддерживается. Авторы юридических исследований продолжают руководствоваться материалистической диалектикой. По проблемам российской государственности продуктивно используют положение методологии Маркса о «товаре». Так, профессор В.А. Черепанов, в работе, посвященной проблемам россий-

ской государственности, следуя методологии К. Маркса, раскрывает абстрактный уровень понятия «народ» и выдвигает положения, которые его конкретизируют на уровне федерации и на уровне субъектов федерации [Черепанов, 2018, с. 34].

В настоящей статье предпринимается попытка представить некоторые актуальные положения работ К. Маркса, сгруппировав их под общим наименованием «Юриспруденция» К. Маркса.

1. Если судить по опубликованным работам, то К. Маркс начал готовить статьи на юридическую тематику с 24 лет. В этом отношении вы-

деляется его статья «Заметки о новой прусской цензурной инструкции». В 26 лет Маркс завершил полемический труд «К критике гегелевской философии права». Используя свой историко-материалистический подход, К. Маркс раскрыл социальные пружины развития государства и права Франции в конце XVIII – начале XIX в. В этом отношении выделяются его труды «Классовая борьба во Франции» и «18 брюмера Луи Бонапарта». Можно заметить, что социология государства и права, представленная в названных и в иных трудах К. Маркса, и в наше время не потеряла актуальности. Методы изучения конкретных сторон развития государственно-правовых ситуаций, испробованные К. Марксом, подходят для анализа событий «цветных» революций современности. К. Маркс был первым, кто последовательно придерживался принципа, согласно которому любой законодательный акт, каждая правовая организация отражают господствующие в обществе материальные интересы социальных слоев и классов. В этом контексте был составлен «Манифест Коммунистической партии». В «Капитале» всесторонне раскрывается классовая принадлежность национального государства и национальной правовой системы.

В кратком обзоре отмечу и то, что К. Маркс был знаком с данными истории государства и права ряда стран. Это относится не только к истории государства и права Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, Соединенных Штатов Америки и других западных стран. К. Маркс касался и ряда вопросов истории Российского государства, например, в работе «Секретная дипломатия России (Руси)» (в советское время работа была опубликована в 1989 г.).

2. Можно ли говорить о «Юриспруденции» К. Маркса? Конечно, наследие классика в рамки какой-то одной отрасли знания невозможно уложить. Однако, допуская условность, есть возможность употребить означенный термин. Обозначение «юриспруденция» понимается как совокупность знаний в области государства и права. Под это понятие подводится не все наследие К. Маркса, что в рамках статьи невозможно проследить. Здесь выделены только отдельные положения из его работ. Отобраны известные моменты, которые имели и продолжают иметь теоретическое и практическое значение. Итак, о

каких разделах «юриспруденции» К. Маркса можно вести речь?

Первый раздел связан с наследием К. Маркса по вопросам типологии истории государства и права. Обосновав приоритетно-базовую роль производительных сил и производственных отношений (способа производства) в развитии общества, К. Маркс разработал учение о типах государства. Главное в этой теории – раскрытие классовой сущности исторических типов государства и права и установление «законов» их смены. Современная наука, касаясь проблем типологии государства, не ограничивается формационным подходом. Учитывая роль культурного фактора и отношений, связанных с субъективной стороной государственно-правовых процессов, формационное изучение типологии государства и права дополняется цивилизационным подходом. Формационный подход продолжает выступать методологией понимания роли производства и социальных отношений в развитии государства и права.

Формационный подход зарекомендовал себя в качестве научного метода, способного объяснить развитие новых (нарождающихся) производственных отношений, представляющих сближение (конвергенцию), смешение возможностей различных исторических форм собственности – частной, государственной и общественно-индивидуальной.

Второй раздел концепции связан с учением К. Маркса о революции и государстве диктатуры пролетариата. Общеизвестна установка К. Маркса – не ограничиваться осмысливанием действительности, а изменять ее («Тезисы о Фейербахе»). Принципиальное значение имеет тезис К. Маркса о том, что между капитализмом и социализмом лежит переходный период, а государство этого периода не может не быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата. К. Маркс был убежден, что пролетариат, в силу своего положения в общественном разделении труда, является наиболее революционным классом. По его мысли, пролетариат, используя силу оружия, может и должен взять власть в свои руки и установить собственную диктатуру.

Современным исследователям практика Советского Союза и стран народной демократии по вопросам социалистической революции и

строительства первой фазы коммунистического общества не представляется однозначной. Одни авторы оправдывают и принимают ее в качестве исторического факта. Другие же опыт этих стран оценивают не с положительной стороны. Понятно, однако от этого практика социалистического строительства, отраженная в деятельности СССР и стран народной демократии, в научном плане не перестает быть интересной.

Стоит заметить еще один момент. Диалектический метод в 1990-х гг., в связи с изменениями государственного строя и идеологии в постсоветской России, был подвергнут полуофициальному ostracismu наряду с курсом исторического материализма [Марченко, 2017, с. 18].

Закономерен вопрос: будет ли востребована практика СССР и других социалистических стран, направленная на создание основ коммунистической формации? Сохранятся ли страны, которые ориентированы на строительство социалистического строя, – КНР, Вьетнам, КНДР, Куба. Не исключается, что практика Советского Союза и стран народной демократии по проблемам социалистического преобразования может быть востребована странами, имеющими переходную экономику. Ведь многим народам и странам еще надо пройти индустриализацию, культурные преобразования и обрести достойный уровень самостоятельности, построить индустриальное общество с тем, чтобы оказаться в постиндустриальном развитии.

В качестве третьего раздела «Юриспруденции» К. Маркса следует выделять положения, которые в XXI в. усилят свое влияние на юридические исследования. Такой судьбы, скорее всего, дождутся диалектический и материалистический методы изучения государства и права, поскольку являются научно обоснованными, отвечают требованиям объективности и всесторонности, основаны на экономических и социальных предпосылках.

Маркс в работе «Критика Готской программы» писал о том, что когда-нибудь государственные функции будут заменены общественными. Но при этом он исходил из необходимости обеспечения естественного положения общества относительно государства. Маркс писал: «Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный».

Это было написано в 1875 г. Представляется, что слова К. Маркса с учетом исторического опыта XX столетия в современных условиях обретают живой смысл.

Ничто не говорит о том, что эти положения К. Маркса не должны были охватить и буржуазные государства, и государства, которые афишировали себя как народные. В конце XX – начале XXI в. обнаружилось, что развитые капиталистические страны страдают от состояния «глубокого государства». Суть состоит в том, что у этих стран наблюдается сужение круга правящего класса, что связывают с чрезмерным ростом бюрократии, бюрократизации и излишним усилением роли военизированных (милитаризованных) структур. Образование «союза» этих трех слоев, как полагают, искажает существо общих дел государства. Наблюдается подчинение государства интересам правящего истеблишмента. Демократизация государства, оказавшегося в состоянии «глубокого государства», является необходимостью современного западного капиталистического государства.

Идея К. Маркса о подчинении государства обществу актуальна и в отношении других государств, в т.ч. Азии, Африки и Латинской Америки. Развитие государств, возникших в постсоветском пространстве, в сторону реального внедрения начал «демократии участия» укладывается в рамки идеи К. Маркса. Что касается государства постсоветской России, то, как подчеркивают специалисты, здесь «современный политический процесс... характеризуется отсутствием конструктивного диалога между властью и обществом» [Курячая, 2018, с. 9]. В современном российском обществе происходят разнообразные изменения. Очень важной приметой времени становится гражданская активность, которая может оказаться важным каналом эволюции российского гражданского общества на качественно новый уровень развития.

Принято считать, что «Капитал» К. Маркса имеет собственный предмет исследования и в меньшей степени, чем другие исследования основателя научного коммунизма, опирается на обобщения идеологического характера. Как экономическое произведение, «Капитал» направлен на конструирование объективных экономических законов и на анализ их реальной роли в таких сферах, как производство, потре-

бление и распределение. Высказывания К. Маркса по вопросам государства и управления, включенные в текст «Капитала», являются базовыми. Можно привести одно из таких широко известных положений: «Всякая непосредственная или совместная работа в больших размерах требует большего и меньшего руководства, которое устанавливает гармонию индивидуальных действий и выполняет общие функции, вытекающие из движения совокупного производительного организма, поскольку оно отлично от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач дирижирует себя; оркестр нуждается в капельмейстере» [Маркс, Энгельс, т. 1, 1955, с. 424].

«Производительный организм» современного мира является принципиально иным. У него другой характер, другая структура и география иная. Он мало сопоставим с «производительным организмом» XIX в. Просто они представляют разные величины. Соответственно, по понятным причинам, многократно возросла и потребность в «капельмейстере». Управление стало частью процесса производительного организма. В этом управлении особая роль теперь отводится государственному регулированию и государству.

Думается, что несомненный интерес представляет идея К. Маркса о «современном государстве». Применительно к условиям третьей четверти XIX в. в «Критике Готской программы» К. Маркс писал, что современное государство меняется с каждой государственной границей. Такие сильные отличия между государствами наблюдались в условиях промышленного капитализма, а также зарождения и развития империализма. Конечно, в обстановке постиндустриального общества многие различия между государствами нивелируются. Однако развитие экономики к началу XXI в. не привело к устранению различий между государствами. Справедливо предположение о том, что сейчас различия между государствами стали еще более глубокими и устойчивыми. Современные государства стали крайне разнообразны в плане формационном. Они сильно отличаются друг от друга и с точки зрения цивилизации и культуры. Есть богатейшие государства, которые выделяются по сравнению с остальными государствами. Имеются различия между богатыми и бед-

ными государствами. Остаются существенными различия между развитыми и развивающимися странами. Наблюдаются различия между старыми буржуазными государствами и государствами, которые формировались на базе новых капиталистических отношений. Продолжают волновать различия между государствами, бывшими метрополиями, и государствами, возникшими на территориях бывших колоний. Современные различия между государствами связаны с состоянием их экономики, истории, уровнем технологии, науки и техники, преобладающим характером труда населения, с принятой системой управления, политическим режимом, традиционными ценностями общества и пр.

На фоне сильных различий между государствами К. Маркс подчеркивал, что термин «современное государство» является «фикцией». В то же время он отмечал продуктивную, научно позитивную сторону термина «современное государство». При этом К. Маркс выделял тот факт, что между государствами, которые отличаются друг от друга как национальные и территориальные образования, можно обнаружить общие признаки. В частности, он указывал, что большинство стран времени выхода «Готской программы» являлись государствами, существующими «на базе современного буржуазного общества». Следовательно, в данном случае выделяется типологическая принадлежность государств XIX столетия, а именно их буржуазная сущность.

В настоящее время в мире более 200 суверенных государств. Существуют около 400 субъектов федеративных государств. Функционируют и несколько непризнанных государств. Деятели, считавшие себя последователями К. Маркса, придерживались мнения, что государство является специализированным аппаратом, машиной, «дубиной» в руках экономически господствующего класса и служит для подавления одного класса другим. Государство XX–XXI вв. предстает как сложная организация. Недаром бытует мнение о том, что государство современного мира одновременно – и идея и факт, и абстракция и организация, оно не имеет конкретной реальности, его нельзя осязать, потрогать, но его присутствие постоянно (Ф. Ардан). У государства есть классовые, общие и всеобщие дела (Ю. Тихомиров). Авторы согласны с тем, что

государство XXI в. является социальной ценностью. Его возникновение на определенном этапе развития общества и его деятельность объективно обеспечивают общественный прогресс (В.Е. Чиркин).

Между государствами современного мира можно обнаружить не только общее типологическое сходство, о чем писал К. Маркс, но и некоторое сходство в таких областях, как их содержание, социальное предназначение, функции, регулятивные возможности и т.д. В той или иной мере современное государство осуществляет регулирование экономики, реализует социальную помощь, охрану прав потребителя, создает стабильное законодательство, обеспечивает конкуренцию, национальную идентичность и национальную безопасность. Понятно, что интенсивность реализации, в т.ч. отмеченных направлений деятельности современного государства, когда речь заходит о конкретном государстве, предстает различной.

Нельзя не учитывать и того, что государства современного мира в определенной мере (реально или формально) тяготеют к правам человека, к таким идеалам развития, как демократическое, правовое, социальное государство [Ясаи, 2016; Ханс-Адам II, 2012].

3. Долгие годы марксизм составлял методологическую базу отечественного изучения права. В 1990-х гг. прошлого столетия настало время пересмотра. Процесс развивался своеобразно, он досконально прослежен в нашей литературе (С.А. Авакьян, С.С. Алексеев, А.Л. Бачило, В.М. Сырых и др.). С учетом этого приведу некоторые положения из работ К. Маркса, которые, как мне кажется, будут и далее иметь методологическое значение.

Еще молодой К. Маркс придерживался позиции, согласно которой закон может соответствовать природе закона, но может и не соответствовать. Закон является действительным законом, если он имеет правовое содержание. Тогда можно говорить о правовом законе. А если закон выступает формой «произвола законодателя», то тут имеем дело с «пустой маской». Эти положения Маркса значимы, поскольку они связывались с другими его заключениями: законодательство следует воспринимать как естественный процесс, а законодателя – как естествоиспытателя. Закон должен ориентиро-

ваться на общий интерес, а не обслуживать частный интерес конкретного собственника. В современной России положение о правовом содержании закона, как представляется, имеет определенную актуальность. Она связана, с одной стороны, с необходимостью сочетания в правовом регулировании частных и публичных интересов, с другой – важно, чтобы законодательство было научно обоснованным видом деятельности, а каждый законопроект проходил общественную экспертизу.

Одно из общеизвестных положений К. Маркса гласит: «...Правовые отношения, также точно и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных отношениях». К. Маркс подчеркивал, что «право не может быть понято из самого себя». Эти общего характера положения он связывал и с конкретными выводами практического характера, указав, что идеи о праве и само право «... являются продуктом буржуазных производственных отношений собственности» [Маркс, Энгельс, 1952, с. 24].

Современная юриспруденция, желая преодолеть рамки подхода, согласно которому право относится исключительно к области надстройки, много внимания обращает на необходимость выяснения относительной самостоятельности права и правового регулирования. Это справедливо. Вместе с тем, конечно же, следует избегать новой односторонности в объяснении основ права. Нет сомнения в том, что плюрализм в изучении правовых явлений имеет свои преимущества. Однако материалистическое объяснение правовых отношений не может быть просто отвергнуто и забыто. Если оно и нуждается в корректировке, то в глубоко аргументированной. Приведенные выше положения К. Маркса, как и все другие объяснения, имеют много аспектов. Представляется, что их научное значение в исследовании, в частности, права зарубежных стран, не исчерпано. Они продолжают иметь методологическое значение и тогда, когда исследователь изучает развитие отечественного права – законодательство Российской империи, советское право, а также законодательство 1990-х гг. прошлого столетия и развитие российского права в условиях XXI в.

Хотелось бы подчеркнуть еще один момент. В произведениях К. Маркса можно найти такие его высказывания по вопросам права, в которых право предстает как особый вид общественной ценности. В этом отношении, на мой взгляд, весьма примечательным представляется то, что К. Маркс видел в праве значимую общественную силу и считал, что при помощи права общественное сознание превращается в общественную силу.

Любое общество, которое в своем развитии достигло некоторого уровня поляризации, с необходимостью порождает право. Существование и функционирование любого государства без права не обходится. В контексте сказанного большое значение имеет вывод К. Маркса о том, что при помощи права общественное сознание превращается в общественную силу.

Действительность такова, что современное государство, занявшее ведущее положение в обеспечении общественного прогресса, в решении своих целей и задач не может обходиться без развитой системы права и научно обоснованного правового регулирования. В этом же направлении действует то, что современное государство, как правило, обладает общественным «мандатом» [Тихомиров, 2015, с. 17].

В высказываниях К. Маркса, выражаясь современным языком, подчеркнута общая (общечеловеческая) роль права. Отмечено и положение (социально-политический статус) права в исторической перспективе. В таком же духе можно трактовать и другое заключение К. Маркса. Касаясь проблем уголовно-правового регулирования, он отмечал, что «со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием» [Маркс, Энгельс, 1957, с. 530]. Подход К. Маркса отразился в формировании в Советском государстве системы правового просвещения и воспитания, наиболее успешный этап реализации которой, пожалуй, приходится на 1960–1970-е гг. прошлого столетия. С удовлетворением можно отметить, что в этом деле постсоветская Россия не отходит от необходимости поддержания преемственности. В качестве доказательств соблюдения преемственности в данной области можно сослаться на федеральное

и региональное законодательство о бесплатной юридической помощи, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных организаций, в т.ч. Всероссийской общественной организации Ассоциации юристов России, по вопросам правового просвещения и правового воспитания.

Таким образом, из краткого обзора видно, что 200-летие со дня рождения К. Маркса является знаменательным событием и для современной юриспруденции, поскольку идеи основоположника научного коммунизма о месте и роли права в обществе и государстве в целом продолжают быть важными теоретически и значимыми – практически. Современная юриспруденция, отошедшая от монополистического истолкования проблем права и правового регулирования, не приемлет единомыслия, достигаемого за счет идеологической нетерпимости. Однако в ее рамках вполне уживаются различные методологии и методы, подходы и способы.

Литература и источники

Курячая М.М. Конституционно-правовые предпосылки институализации гражданской активности в современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 2. – С. 8–11.

Мамут Л.С. Карл Маркс как теоретик государства. – М.: Наука, 1979. – 264 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1952. – 321 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. – М., 1957. – 703 с.

Марченко М.Н. Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование): учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2017. – 368 с.

Тихомиров Ю.А. Государство: монография. – М.: Норма: ИНФРА - М, 2015. – 320 с.

Ханс-Адам II. Государство в третьем тысячелетии / пер. с англ. А.Б. Мухаметшин. – М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. – 320 с.

Черепанов В.А. Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2018. – 334 с.

Ясаи Энтони де. Государство / пер. с англ. Г. Покатович; под ред. Ю. Кузнецова. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. – 410 с.

D.N. Mironov

“The Jurisprudence” by K. Marx: About Basic Sections

The totality of Marx's scientific knowledge on the issues of state and law is “Marx's Jurisprudence”. Its sections are typology of the state, class struggle and dictatorship of the proletariat, methodology of jurisprudence. Modern Russian science of the state continues to pay attention to the functionality of historical methods of production. The provisions of the second section of “Marx's Jurisprudence” are also significant, for example, in the field of description and explanation of the origin (organization), development and consequences of “color revolutions”. Many modern works on the problems of state and law are connected with the methods of dialectical materialism. Some generalizations of K. Marx are actualized in the article. It is known that developed countries are experiencing the consequences of the formation of a “deep state”. Meanwhile, Marx was justified the thesis about the necessity of transformation of the state from an organ standing above society, “the organ of this society is entirely subordinate”. The modern age was designated as the age of high technologies. The concept of “productive organism” of society was used in K. Marx's “Capital”. The concept takes into account the technological level of society and is able to include in its composition and public administration. The article highlights the methodological possibilities of Marx's idea of “modern state”.

Keywords: K. Marx's “Jurisprudence”, modern state, tendencies of development of the modern state, the role of legal regulation.

В.В. Лепов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.011

УДК 141.82+313:17.021.4

Маркс и будущее человечества

Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего
Максим Горький

Карлик, вставший на плечи великана, видит дальше него.
Но нет в нём биения гигантского сердца
Генрих Гейне

В статье обосновывается актуальность отдельных положений марксизма в современных условиях, тогда как реализация его имеет свои национально-этнические особенности; в частности, исторически сложившаяся тяга россиян к холизму и космизму не позволила перенести это учение в чистом виде. Автором анализируется современное капиталистическое общество, отличающееся совершенно иной социально-классовой структурой, а также рядом новых целевых установок, обусловленных глобализацией, цифровой информатизацией и роботизацией. Обосновывается становление «свободы невыбора», когда интересы финансово-олигархических групп, военно-промышленных корпораций выдаются за насущные интересы всего общества и даже человечества в целом, и структуру отношений в обществе становится невозможно адекватно объяснить и описать с позиций классического марксизма и диалектико-материалистической методологии. Тем не менее автор связывает будущее человечества со становлением постнеклассической научной картины мира, нового технологического уклада, куда диалектика входит как составная часть более общей теории коэволюции природы и общества. Главное

© Лепов В.В., 2018

при этом – не допустить потерю гуманизма, сохранить духовность, культуру уже в новом (пост)человеческом обществе.

Ключевые слова: марксизм, диалектический материализм, прогресс, развитие, научная картина мира, неолиберализм, постдемократия, глобализация, цифровая экономика, коэволюция.

Гигантское сердце Карла Маркса своим бие-нием вдохновило его на создание в 1867 г. бессмертного шедевра «Капитал» [Маркс, 1867] – квинтэссенцию применения диалектико-материалистического подхода к анализу исторического процесса и критики политической экономики XIX в. На то время книга являлась изложением самой передовой, самой новой теории прибавочной стоимости, да и в настоящий момент многие её положения сохраняют свою актуальность [Лентьев, 1990, с. 99]. Однако в России был воспринят в основном вывод, сделанный Марксом в «Капитале», о неизбежности революционного перехода от капитализма к социализму. На нём основывались и дальнейшее учение Ленина о классовой борьбе и его решение «о судьбах капитализма в России» [Ленин, 1971, с. 25]. Но по сути, капитализма в России тогда ещё и не было, а в Европе он только появлялся.

К тому же в России этот подход не смог реализоваться должным образом из-за исторически сложившейся тяги россиян, основной их мыслящей прослойки, к *холизму*, а в дальнейшем и к *космизму*. Этот факт исторически легко прослеживается по деятельности великих русских философов, представителей науки и культуры (достаточно упомянуть Н.Ф. Фёдорова, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьёва, Н.А. Умова, Н.А. Морозова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, Н.К. Рериха, П.А. Флоренского, А.Л. Чижевского, Д.Л. Андреева, И.С. Глазунова). В этом, скорее всего, и заключается загадочная «тайна русской души», связанная с цельным языческим восприятием природы, даже преклонением перед ней [Бердяев, 1990, с. 5]. Более того, народы, издавна населявшие Русь, передали такое восприятие более поздним поколениям, и в настоящее время оно свойственно значительной части населения всей Европы и Сибири [Гачева, 2016, с. 226–227]. Поэтому европейский опыт не мог быть просто перенесён на страну с другой культурой и мировоззрением, с другим экономическим укладом.

С другой стороны, последние оценки сценариев развития капитализма и его адаптации к

культуре и традициям различных государств говорят о том, что данная формация не удовлетворяет простому описанию ни с позиций классиков марксизма-ленинизма, ни с помощью мир-системной перспективы [Валлерстайн, 2018]. Хотя она способна легко изменяться под действием политических и общественных движений, в частности, *социал-демократии*, противопоставляемой *неолиберальной гегемонии*, даже несмотря на то, что последняя пока сохраняет свои лидирующие позиции и в идеологии, и на нерегулируемых финансовых рынках в качестве корпоративного капитала [Крауч, 2016]. Эти изменения начались сразу же после эпохи Маркса, со второй мировой войны, приобретая в XXI в. гротескный характер гибридных войн [Панарин, 2017], но до сих пор не учитываются в политической программе ни одной из коммунистических или социалистических партий мира.

Неолиберализм лежит и в основе современной трансформированной демократии, т.н. *постдемократии* [Логинов, 2014], сформировавшейся под действием процессов глобализации и характеризующейся преобладанием своеобразной «свободы невыбора», когда согласованная деятельность финансовой верхушки, корпораций, правительств и политических партий сливается в особый вид *тоталитаризма*. Это весьма характерное явление свойственно сейчас всем развитым, а также развивающимся странам, подвергшимся преобразованию путём «демократизации» или «оранжевых революций», организованных олигархическими кланами. Однако при этом, согласно Краучу [Крауч, 2016, с. 270], внутри них началось формирование класса, не только накапливающего капитал, но и проявляющего открытую политическую активность, не свойственную олигархии как таковой. Возможно, вовлечение этого нового класса в общественные движения по контролю за деятельностью корпораций и правительств, а также в деятельность политических партий позволит создать новые формы демократии. Одно несомненно – процесс производства и накопления капитала в условиях постдемокра-

тии и неолиберализма требует тщательного общественного контроля, чтобы рынки работали во благо людей, а не использовались в корыстных целях, для получения сверхприбыли.

Тот процесс глобализации, который отличает современный этап капитализма, знаменует собой переход к рыночному государству, массовому производству и культуре преимущественно западного толка, к потребительскому восприятию действительности и вызывает кризис «*бездуховности*» современного общества. Интересы последнего направляются на обеспечение искусственно формируемых и завышенных «норм» в пользу узкого круга финансовой олигархии, апологетов неолиберализма, а по сути монополистов, инвестирующих и управляющих производством продукции. Так реализуется основная цель капиталистического общества – увеличение прибыли меньшинства путём обмана и эксплуатации основной части населения. Совершенствование производительных сил (человека) и средств производства (техники) является только вторичной целью капитализма, что коренным образом отличается от идеалов того же *социализма*, основная цель которого, по Марксу, – полное обеспечение и всестороннее гармоничное развитие каждого человека как личности, и только затем – реализация более совершенной системы производства как следствие свободного труда и инициативы.

В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на актуальность отдельных положений и принципиальную возможность реанимации теории Маркса в новых исторических, экономических и общественных условиях для того, чтобы обосновать новую цель человеческого общества как сохранение Природы, включая вид *Homo Sapiens* с присущей ему культурой, для разработки соответствующих форм управления и контроля.

Современное положение экономики и культуры осложняется тем, что в данное время основным направлением глобальной «*цифровой экономики*» становится так называемый *интернет вещей* (Internet of Things, IoT), который всё более активно входит в жизнь каждого гражданина, – ещё теснее, интимнее, чем в неё вошли смартфоны и интернет, что грозит, с одной стороны, всесторонним контролем за потреблением и полной потерей какой-либо свободы выбо-

ра, а с другой – многократным увеличением прибыли производителей нанoeлектроники, а в конечном счёте – триумфом либеральных верхов.

Последнее обстоятельство, при отсутствии в ближайшем будущем существенно значимых альтернатив, и будет диктовать направления развития, определять будущее человечества, оказавшегося вольно или невольно вовлечённым в процесс цифровой *дегуманизации*, тотального контроля за производством и потреблением на пути к *постгуманизму*. В такой ситуации основными задачами науки и философии становятся анализ развития, или прогресса общества, его рациональная оценка с точки зрения сохранения духовного, культурного и научного наследия и потенциала, а также выбор оптимального сценария будущего для обеспечения условий существования человечества.

В связи с этим требуется анализ самих понятий *прогресса* и *развития*. Андре Конт-Спонвиль, один из ведущих современных французских философов, вообще отрицает объективный, или абсолютный прогресс, поскольку любое изменение к лучшему является сравнительным и требует некоего норматива, следовательно, субъективно [Конт-Спонвиль, 2012а, с. 458]. Прогресс является неоспоримым разве что только в науке, которая вся основана на предыдущих доказательствах и достижениях. Прогресс в других областях жизни можно трактовать как применение достижений науки, это как раз то, что сейчас называют «инновациями». Но не всегда инновации идут обществу на пользу, изменяют его к лучшему, следовательно, не всякий прогресс полезен и является объективным фактором развития. Прогресс может быть «...лишь относительно определенных желаний, которые мы испытываем (достатка, справедливости, свободы и т. д.)»; «Прогресс – не провидение, а история и точка зрения на эту историю. И в этой истории мы обнаруживаем социальное обеспечение, век Просвещения, права человека...» [Конт-Спонвиль, 2012б].

Таким образом, контролируя желания, манипулируя потребностями человека, можно контролировать прогресс и развитие самого общества. В этом заключается суть современного «цифрового» этапа капиталистической экономики, либеральной гегемонии как таковой. Поэтому можно понять всех радикальных ретро-

градов, идеализирующих прошлое, однако возврата к нему быть уже не может. Поэтому искать решение проблем нужно именно на пути прогресса, не давая обществу деградировать.

С другой стороны, эпоха Маркса характеризуется триумфом *материализма*, утверждающего примат вещественного мира над миром идей и примат экономики над остальными сферами жизни. Однако материализм «не может отречься от первенства мышления или духа» [Конт-Спонвиль, 2012а, с. 439]. Здесь Конт-Спонвиль, сам материалист и атеист, разделяет понятия *примата*, как объективно более важного в данных обстоятельствах, и *первенства*, даже противопоставляя их. Если *примат* лежит в основе понимания вещей, является главным онтологическим фактором, то концепт *первенства* сугубо практичен и определяет «порядок ценностей и целей, стремящийся к наилучшему или наиболее высокому» [Там же, с. 440]. Здесь высшее объясняется низшим, но не сводится к нему. Жизнь объясняется особой организацией неживой, мёртвой материи, однако её высшей формой существования. Поэтому от примата материи (природы, экономики и т.д.) современный материализм восходит к первенству духа (сознания, культуры, политики), тем самым отличаясь от своей же вульгарной, примитивной версии.

Самое главное здесь то, что отсюда можно вывести идеальное целеполагание для человечества, как верную формулировку желаний в цифровую эпоху «несвободы». Хотя всё исходит из вещей, тела и бессознательного духа, однако с помощью желания, воли и усилия человек стремится к высшему идеалу, «максимальному увеличению доли сознания и свободы» [Там же, с. 441], поднимается «с земли на небо» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 25]. Понятно, что восходящая иерархия примата порождает соответствующую цепочку первенств. Вводя четыре порядка – научно-технический, юридически-политический, нравственный и этический, Андре Конт-Спонвиль строит следующую двунаправленную цепочку иерархий – восходящую и нисходящую, для индивидуума и группы соответственно [Конт-Спонвиль, 2012а, с. 442]:

- Для человека естественен примат тела и желания – это его сущность. Однако индивидуальная свобода достигается с помощью разума, а с помощью любви человек спасается (т.е. обрета-

ет бытие, смысл своего существования [см.: Спиноза, б/г]. Таким образом, для обретения смысла, морали человеку достаточно только желания и любви, а само знание, или истина, является вторичным.

- Однако следует помнить, что как лучше быть излишне честным, чем излишне вежливым, так и то, что никакие достижения на пути к высотам духа и морали не должны затруднять стремление человечества к правде и истине. С другой стороны, всегда существует опасность циничности разума, разделяющего ценность и истину, тогда как первая без второй становится субъективностью, а вторая без первой – отвлечённым рассуждением.

- В отношении государства и общества примат экономики порождает первенство политики, примат политики утверждает первенство нравственности, примат нравственности провозглашает первенство любви. Если проанализировать другие возможные варианты, то становится понятным, что всякое смешение либо противостоит, либо ведёт к тирании, что было замечено Блезом Паскалем.

Однако при анализе применимости данной научной концепции следует учитывать, что со времен Маркса произошли две научные революции, сменившие картину мира сначала на двойственность природы материи (частица и волна), а затем и на квантовую неопределённость, связанную с наблюдателем, практически заменив примат материальности приматом духа. При этом в последнем случае первенствует отнюдь не материя, конечно, но её восприятие, желание и воля исследователя. Таким образом, мир становится зависим от того, как его воспринимает человек, как различные теории последовательно углубляют его понимание, не отвергая предыдущие, а дополняя их. И здесь желание и воля вновь устремляются к духу, как первичной цели материи, и к материи, как первичной цели духа. Совершенствование как духа, так и материи, их взаимная коэволюция – вот конечная цель науки и философии в целом.

Диалектика, таким образом, не исчезла, а вошла как составная часть в более общую постнеклассическую научную картину мира, как и вопрос примата материи (материализм) и сознания (идеализм) перешёл в стадию совместной эволюции и духа, и материи во Вселенной.

Стремление звёзд к наработке всё более совершенной материи, которая затем снова исчезает в черных дырах, чтобы возродиться в виде высоко-энергетического излучения или новых Вселенных (из «белых» дыр), сходно со стремлением человека совершенствовать себя и природу, придавая им всё более изощренные формы, как в материальном, так и духовном плане, перерождаясь из поколения в поколение, передавая потомкам своё культурное наследие. Но законы иерархии и двунаправленности коэволюции – также лишь определенная стадия понимания совершенства Природы. Ни конца истории (согласно прогнозам Френсиса Фукуямы [Фукуяма, 2004]), ни конца науки (по мнению многих ведущих учёных XX в.) вовсе не предвидится. А учение Маркса, как первое из провозгласивших целью стремление к духу и высокой морали как следствие использования накопленных материальных богатств для строительства свободного от эксплуатации общества, останется бессмертным памятником человеческого духа эпохи диалектического материализма, не теряющим актуальности и применимым на любом этапе развития общества.

Литература

- Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – 529 с.
- Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. А.И. Фурсов. – 2-е изд., испр. – М.: УРСС: ЛЕНАРД, 2018. – 304 с.
- Гачева Анастасия. Русский космизм в идеях и лицах. – М., 2016. – 230 с. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/16-43-93604.pdf>.

Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012а. – 752 с.

Конт-Спонвиль А. Малый трактат о великих добродетелях, или Как пользоваться философией в повседневной жизни / пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012б. – 320 с.

Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества. / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 288 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.3. Развитие капитализма в России. – М.: Политиздат, 1971. – 791 с.

Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

Логинов А.В. Концепция постдемократии: перспективы развития // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение, 2014. – 10(132) – С. 121–128.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии (Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie). – Hamburg Verlag von Otto Meissner, 1867. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mlwerke.de/me/me23/me23_000.htm

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. – М.: Гос. политиздат, 1955. – С. 7–544.

Панарин И. Гибридная война. Теория и практика. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017. – 404 с.

Спиноза Б. Этика. – Ч. IV–V. – Б/г, б/и.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.

V.V. Lepov

Marx and the Future of Humanity

Without knowing the past, it is impossible to understand
the true meaning of the present and future goals.

Maksim Gorky

A dwarf standing on the shoulders of the giant sees further than him.

But it doesn't have a giant heartbeat.

Heinrich Heine

The article substantiates the relevance of certain provisions of Marxism in modern conditions, while its implementation has the specific national and ethnic characteristics; in particular, the historically developed thrust of Russians to holism and cosmism did not allow to transfer this doctrine in its pure form. The author analyzes the modern capitalist society, which is characterized by a completely different socio-class structure, as well as a number of new

---

targets due to The Globalization, The Digital Informatization and The Robotics. The article substantiates the "freedom of non-choice" formation, when the interests of financial and oligarchic groups, military-industrial corporations are given for the vital interests of society and even humanity as a whole, and the structure of relations in society becomes impossible to adequately explain and describe from the standpoint of classical Marxism and dialectical-materialistic methodology. Nevertheless, the author connects the future of mankind with the formation of post-non-classical scientific picture of the world, with a new technological way, where the dialectics becomes a part of the more General theory of co-evolution of nature and society. The main thing here is the prevention of the loss of humanism, and support the efforts to preserve the spirituality and culture in the new (post)human society.

Keywords: Marxism, dialectical-materialistic methodology, progress, development, scientific picture of the world, new liberalism, postdemocracy, globalization, digital economy, co-evolution.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.Д. Монастырев, Л.И. Румянцева

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.013

УДК 811.512.157'373.2(092)

М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ – основатель якутской ономастики

В статье рассматривается роль М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ в становлении и развитии ономастической науки в якутской филологии и его вклад как историка и краеведа в гуманитарное исследование Якутского края. Основные задачи топонимических исследований Багдарыын Сүлбэ заключаются в раскрытии древнейших процессов, связанных с освоением Севера, истории и этногенеза народов, населявших северный край в разные времена. При этом исследователь использует научно-популярный характер изложения материала, что делает доступными его труды широкому кругу читателей. Сравнительно-историческое изучение топонимов в контексте духовного и материального наследия народов, населявших территорию Якутии, позволяет автору воссоздать неизвестные до этого страницы взаимодействия и миграции этих народов. Собранные материалы привели исследователя к интересным наблюдениям, некоторые из них рассмотрены ниже.

В данной статье мы провели краткий обзор основных работ Багдарыын Сүлбэ, имеющих непосредственное отношение к топонимии Якутии.

Ключевые слова: ономастические исследования, топонимика, географические названия, топонимная лексика, историко-этнографические исследования, этногенез коренных народов, самобытный стиль изложения, сбор и каталогизация топонимического материала.

Михаил Спиридонович Иванов-Багдарыын Сүлбэ является признанным основателем нового направления в якутской филологии – ономастики. Он заложил прочную основу для систематического изучения и всемерного развития этой весьма значимой и имеющей широкий спектр применения отрасли науки. Его творческое наследие составляют 13 книг по топонимике, две – по антропонимике, сотни статей и заметок по ономастике, являющиеся бесценным вкладом в гуманитарное исследование края. Все эти книги и статьи написаны доступным для читателя языком и позволяют ему по-

грузиться в интереснейший мир истории древнего народа саха.

Географические названия – неувядаемые исторические памятники, пришедшие к нам из глубины веков. Если внимательно изучать названия местностей, то можно гипотетически предположить историческое время возникновения этого названия, этнос, присвоивший данное название, его язык и занятия, уровень его развития. Михаил Спиридонович, как увлеченный исследователь, в интересной, привлекательной форме подробно раскрывает многим поколениям читателей удивительные тайны названий

местностей, рассеянных по необъятной, огромной территории нашей Якутии.

По специальности Михаил Спиридонович – историк. Потому главной его задачей и целью изысканий по топонимике стали исследование этногенеза коренных народов Якутии, их миграции и путей перемещения, географии переселения, их занятий, а также попытка разрешить вопросы этнографии, воссоздать некоторые стороны жизни и быта предков и многие другие проблемы. Именно поэтому его работы непременно вызывают неподдельный интерес благодарной аудитории.

Хотя Михаил Спиридонович никогда не ставил перед собой задачу проведения специальных лингвистических исследований, он многими своими работами на якутском языке с особым самобытным стилем изложения материала сумел существенно обновить и обогатить литературный язык народа саха.

Его первая книга «Мэнэ ааттар», созданная на основе многолетнего собирания и каталогизации географических названий Якутии, вышла в свет в 1979 г. Работа сразу же привлекла внимание и живой интерес научной общественности и читательской аудитории. С этого времени стали непрерывно издаваться его последующие труды в области ономастики. Примечательно, что сочинения исследователя отличаются целостностью и единством, в частности, обращает на себя внимание центральное положение его исследований – желание связать жизненный уклад якутов с названиями местностей, постепенно отображая с разных новых сторон выявленную связь, причем каждая последующая работа по своему продолжала и развивала концепцию предыдущих работ. Так, к примеру, отношения с разными этническими группами (в книгах «Сири сиксигинэн» [Багдарыын, 1985а], «Топонимика Якутии» [Багдарыын, 1985б]), переселение, поиск путей следования (в книге «Дойду сурахтаах, алаас ааттаах» [Багдарыын, 1982]), обустройство на месте следования, строительство жилища, а также различные занятия, болезни, лекарственные растения («Аал уоту оттунан» [Багдарыын, 1999], «Саха-сир түннүгэ, көмүс илии» [Багдарыын, 2002]), создание семьи, отношение якутов к матери-прародительнице («Ыал ийэтинэн» [Багдарыын, 1994]), священные числа, верования якутов (в книгах «Үс,

сэттэ, тоҕус» [Багдарыын, 1998], «Сири-халлааны кыйа анааран» [Багдарыын, 2008]) детально проанализированы на богатом эмпирическом материале.

Не вдаваясь в подробный анализ содержания указанных работ, хотелось бы остановиться на некоторых интересных заключениях Михаила Спиридоновича, относящихся именно к якутской топонимике.

Частным проявлением одной из топонимических закономерностей в разных языках является функционирование слов анатомической лексики в составе топонимии и народной географической терминологии. Такие названия уходят корнями в древность, ибо древние люди ориентировались на местности с помощью частей тела. Эти метафорические названия подробно рассмотрены в работе «Мэнэ ааттар» [Багдарыын, 1979].

Кроме этого, заслуживает пристального внимания его анализ географических названий, относящихся к местностям, связанных с коневодством. Так, он убедительно показал широкое распространение названий местностей, связанных с **сэргэ**, подчеркнув неразрывную связь изначального предназначения **сэргэ** и древних верований якутов и особую роль культового отношения якутов к лошади как исконно скотоводческого народа. «Любые важные моменты, замечательные вехи истории нашего народа отпечатались на сэргэ, как отражение в воде», – пишет Михаил Спиридонович [Багдарыын, 1979, с.138].

Также вызывает интерес его сравнение ритуальных **сэргэ** богатых якутов в XVIII – начале XIX в. с тотемными столбами индейцев Северной Америки, устанавливаемыми для своих предков: «Поэтому, несмотря на отдаленность, не покидает ощущение их родственной общности, их верховное небесное божество напоминает не только высшего бога бурят и монголов, но совершенно тождественно нашему» [Там же, с. 138–139]. Эти любопытные наблюдения Михаила Спиридоновича в будущем могут стать пищей для размышления изучающим этногенез и историю якутского народа.

Автор, указывая на множественность топонимов, относящихся к коневодству среди скотоводческих топонимов в целом, сделал интересное замечание о преобладании лошадей в хозяйстве как основы богатства якутского народа ко

времени прихода в среднее течение р. Лена [Там же, с. 114–127].

Труды и изыскания Михаила Спиридоновича основаны на богатейшем языковом материале. Более чем за 50 лет он объехал почти все наслега улусов Якутии, собрал более 500 тыс. географических названий и более 50 тыс. якутских имен от более 2 тыс. информаторов. Результатом этой неустанной работы явилась единственная в Сибири и на Дальнем Востоке уникальная картотека по ономастике Якутии, составленная Багдарыын Сүлбэ.

«Изучение истории народа предпочтительно начинать с мест его исконного проживания, поэтому наш взгляд обращается на земли Северной Монголии, вокруг озера Байкал и верховья реки Лена», – писал он [Багдарыын, 1988]. Это справедливое замечание. Анализ содержания богатого материала географических наименований приводит его к выводу о том, что названия местностей на монгольском языке в основном распространены в Центральной Якутии. Об этом Багдарыын Сүлбэ подробно излагает в работе «Ис иһигэр киирдэххэ» [Там же].

«Наши предки на начальном этапе их прихода на Север встретились и вступили в прочные отношения с монголоязычными племенами **хоро, туматов, хатыгынов** и, вероятно, научили тюркоязычные группы обустривать свой быт в северных условиях», – приходит к интересному заключению исследователь в работе «Дойду сурахтаах, алаас ааттаах» [Багдарыын, 1982, с. 119–123]. Такой же вывод, основываясь на трудах Г.В. Ксенофонтова и Н.К. Антонова, он делает в работе «Мэнэ ааттар» [Багдарыын, 1979]. Эти выводы в целом сопоставимы с итоговыми выводами работы исследователя исторической лексики Н.К. Антонова [Антонов, 1971, с. 13].

В книге «Дойду сурахтаах, алаас ааттаах» [1982] Михаил Спиридонович связывает географические названия Якутии со сведениями о племени хоро – родоначальниках бурятского народа. Убедителен вывод в книге «Ис иһигэр киирдэххэ», сделанный на основе анализа богатого материала о том, что аффиксы **-дай, -тай**, широко распространенные в названиях местностей у бурят и монголов, не выглядят чужими в топонимической картине Якутии [Багдарыын, 1988, с. 89–100].

Тезис о том, что в древности народ саха был кочевым, откочевывал ровно четыре раза в год, также почерпнут из материалов обширной картотеки Багдарыын Сүлбэ.

В трудах «Сири сиксигинэн» [1985а], «Топонимика Якутии» [2004] он исследует языковые пласты разных этнических групп в топонимике Якутии. Из них особенно примечательны наблюдения о том, что «тунгусо-маньчжурский пласт был распространен во всех уголках Якутии, особенно в её западной части “Арҕаа сиксик”, являвшейся полностью эвенкийской, что даже, к примеру, в 17 веке земли Нюрбы, Сунтара были всецело страной эвенков» [Багдарыын, 1985а, с. 81–114]. Тем не менее немногочисленность географических терминов в эвенкийском языке, их распространенность в основном в гористой местности, а также преимущественное выявление терминов, обозначающих природу северной тайги, наводит читателя на размышления.

Его предположения о самодийском, юкагирском языках будут в дальнейшем полезны в изучении исторических взаимоотношений этносов при образовании географических названий [Там же, с. 109–116]. В книге «Ыал ийэтинэн» [1994], говоря о проявлении духа местности в женском облике, исследователь убедительно показал связь этих представлений с древнейшими верованиями якутов и при этом выявил многочисленные варианты наименований, основываясь на данных топонимике [Там же, с. 12–44].

В 2001 г. вышел в свет его труд «Улуустар ааттара», который был расценен общественностью как справочное издание большой значимости. В книге была сделана попытка установить происхождение названий улусов; по некоторым названиям даны детальные авторские разъяснения. Михаил Спиридонович был очень внимателен к оценкам и откликам читателей и в случае согласия с высказанным мнением имел обыкновение тотчас же отвечать в последующих работах. Свидетельством этого является его ответ на отзыв этимолога Г.В. Попова на его работу «Улуустар ааттара» [2001], в котором учёный высказал пожелание о публикации названий улусов, существовавших до революции и отдельно – после революции, с указанием их наименования, истории происхождения, времени и места нахождения. Багдарыын Сүлбэ, «воспол-

няя допущенный пробел», тотчас же опубликовал в газете «Ил Тумэн» соответствующие сведения по названиям 12 улусов, впоследствии он посвятил им отдельный раздел под названием «Улусы, существовавшие до революции и в первые годы Советской власти» в своей книге «Топонимика Якутии» [2004], вышедшей по специальному заказу главы республики.

Михаил Спиридонович в своих работах географические названия анализирует по тематическим группам в историко-этнографическом плане, что дает читателю возможность составить себе представление об истории расселения, освоения территории Северо-Востока Азии.

Во время работы в Институте истории, языка и литературы Михаил Спиридонович написал два крупных научных отчёта по топонимике, в которых исследовал географические названия с лингвистической точки зрения. Так, его внушительный труд – «Словарь местных географических терминов», ныне подготовлен к печати под названием «Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия» и включен в последний седьмой том «Избранных сочинений» Багдарына Сүлбэ, который с 2013 г. издаётся Якутским книжным издательством «Бичик». В словарь вошла лексика, наиболее часто употребляемая при образовании географических названий. Этой работой будет положено начало одного из направлений прикладной ономастики – ономастической лексикографии. Она окажет большую помощь в решении таких сложных вопросов, как составление разнотипных ономастических словарей, написание якутских и заимствованных географических названий (транслитерация, транскрипция) и их унификация. Во второй своей работе «Структурные типы – ареалы распространения топонимов Якутии» – автор на основе группировки географических названий по аффиксам показывает случаи их территориального распространения. На самом деле, в употреблении названий местностей многократно отмечается закон экономии в языке. В топонимике имеют место методы, основанные на эллиптизации, то есть постепенном усечении многокомпо-

нентных географических названий или, напротив, восстановлении усеченных названий с их первоначальной смысловой нагрузкой. Однако эту картину можно показать, основываясь только на широком языковом материале. В этом плане, безусловно, материал, собранный и описанный Багдарыном Сүлбэ, станет незаменимой и прочной базой для дальнейших исследований.

Исследования М.С. Иванова-Багдарына Сүлбэ заложили фундамент для совершенно нового направления в якутском языкознании – ономастики. Его работы, изданные во второй половине XX в., уже давно стали библиографической редкостью и недоступны современным читателям. В связи с этим очень радует тот факт, что в последнее время книжным издательством «Бичик» широко практикуется переиздание раритетных работ известных исследователей, в т.ч. семитомного собрания избранных трудов известного топонимиста Якутии Багдарына Сүлбэ.

Его работы одинаково востребованы как научным сообществом, так и самой широкой читающей аудиторией, настолько они глубоко содержательны, заставляют читателей размышлять; невозможно переоценить их значение для обеспечения сохранности памятников истории и культуры. Его по праву можно назвать основателем якутской ономастики, указавшим направления научной работы многим грядущим поколениям исследователей. В дальнейшей перспективе требуется масштабная работа по изучению якутской топонимии. Так, еще не в полной мере исследованы лексикологические, семасиологические, терминологические аспекты изучения собственных имён.

Основываясь на обширном материале Багдарына Сүлбэ, необходимо подготовить специалистов в области исследования собственных имён, в т.ч. топонимов, в плане составления этимологических, исторических, историко-этимологических, толково-энциклопедических, лингвострановедческих словарей. Настало время подумать о том, как ввести в научный оборот богатейший материал, своевременно собранный и сохранённый Багдарыном Сүлбэ при жизни старшего поколения.

Литература

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 174 с.

Багдарыын Сүлбэ. Мэнэ ааттар. – Дьокуускай: Бичик, 1979. – 287 с.

Багдарыын Сүлбэ. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. – Дьокуускай: Бичик, 1982. – 231 с.

Багдарыын Сүлбэ. Сири сиксигинэн. – Дьокуускай: Бичик, 1985а. – 190 с.

Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии. – Дьокуускай: Бичик, 1985б. – 143 с.

Багдарыын Сүлбэ. Ис иһигэр киирдэххэ. – Дьокуускай: Бичик, 1988. – 239 с.

Багдарыын Сүлбэ. Ыал ийэтинэн. – Дьокуускай: Бичик, 1994. – 240 с.

Багдарыын Сүлбэ. Үс, сэттэ, тоҕус. – Дьокуускай: Бичик, 1998. – 187 с.

Багдарыын Сүлбэ. Аал уоту оттунан. – Дьокуускай: Бичик, 1999. – 210 с.

Багдарыын Сүлбэ. Улуустар ааттара. – Дьокуускай: Бичик, 2001. – 144 с.

Багдарыын Сүлбэ. Саха сир түннүгэ, көмүс илии. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 175 с.

Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 192 с.

Багдарыын Сүлбэ. Сири-халлааны кыйа анааран. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 288 с.

V.D. Monastirev, L.I. Rumyantseva

M.S. Ivanov – Bagdaryyn Sulbe - the Founder of the Yakut Onomastic

The article discusses the role of M.S. Ivanov – Bagdaryyn Sulbe in the formation and development of onomastic science in Yakut philology and its contribution as a historian and local historian to a humanitarian study of the Yakut region. The main tasks of the toponymic research of Bagdaryyn Sulbe are to discover the most ancient processes associated with the development of the North, the history and ethnogenesis of different peoples who inhabited the northern edge at different times. In this case, the researcher uses the popular science character of the presentation of the material, which makes his works widely available to a wide circle of readers.

A comparative historical study of toponyms with various spiritual and material features of the past allows the author to recreate separate pages of the life of the ancestors of the peoples inhabiting the territory of Yakutia. The collected materials led the researcher to interesting observations, some of which are discussed below.

In this article, we have conducted a brief review of the main literature that is directly related to the toponymy of Yakutia.

Keywords: onomastic studies, toponymy, geographical names, toponymic vocabulary, historical and ethnographic research, ethnogenesis of indigenous peoples, original style of presentation, collection and codification of toponymic material.

Багдарыын Нь.С. уола, В.Г. Попов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.004

УДК 81'373.21(038)(571.56-17)

Материалы к топонимическому словарю Эвено-Бытантайского улуса

Статья посвящена составлению топонимического словаря Республики Саха на базе топонимической картотеки М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ, которая состоит из 450 тыс. карточек. Помимо этого будет использована обширная научная и научно-популярная литература по топонимике Якутии. Также в статье рассматривается вопрос об актуальности составления топонимического словаря в регионе на материале наименований местностей Эвено-Бытантайского улуса как объектов ономастической лексикографии. Описывается структурная ха-

© Багдарыын Нь.С. уола, Попов В.Г., 2018

рактеристика 57 пробных словарных статей топонимов к «Топонимическому словарю Эвено-Бытантайского улуса» на буквы А и Б. На основе сравнительно-сопоставительного метода даются этимологические справки о корневых основах, конечных морфемах тунгусо-маньчжурского, тюрко-монгольского происхождения. В качестве приложения приводится список формантов (аффиксов, суффиксов) с обозначением их основных значений. В результате составления словарных статей вырисовывается общая картина топонимической системы бассейна р. Бытантай как территории этнолингвистических контактов неродственных языков. Приводятся этнокультурная информация, связывающая якутов с саяно-алтайскими тюрками и монголоязычными племенами, а также предания о названиях местностей, которые раскрывают содержание географических названий, топонимизацию апеллятивной архаической лексики тюгэсирских эвенов.

Ключевые слова: топонимика, топонимия, якутский язык, эвенский язык, лексика, диалект.

Введение. Эвено-Бытантайский национальный улус находится на северо-востоке Республики Саха в бассейне р. Бытантай, левого притока р. Яна. Территория составляет 55,6 тыс. кв. км, численность населения – 2,9 тыс. чел., в основном преобладают эвены и якуты. Улус по административно-территориальному делению состоит из трех наслегов: Верхнебытантайского, Тюгэсирского и Нижнебытантайского.

Основными источниками для составления словаря стали топонимическая картотека М.С. Иванова-Багдарыын Сюлбэ (далее – картотека БС), основателя ономастических исследований в Республике Саха, полевые материалы, собранные Нь.С. Багдарыын уола в 2010 г. в трех наслегегах улуса.

В бассейне р. Бытантай, на первый взгляд, встречено много топонимов на якутском и эвенском языках. По сведениям информантов, «по реке Бытантай название долин, местностей, полей – на якутском языке, на западе – название речек и скал на эвенском языке». Это определяется географическими особенностями ведения хозяйства. Якуты, как исконные скотоводы, освоили территории, пригодные для разведения крупного рогатого и конного скота, долины рек с хорошим травостоем и сенокосными угодьями. Эвены занимались оленеводством, охотой, рыболовством на западных реках, в горной местности.

Актуальность выбранной темы определяется отсутствием опыта составления топонимического словаря по Республике Саха и наличием топонимической картотеки Багдарыын Сюлбэ [далее – картотека БС], состоящей, по приблизительным расчетам, из 450 тыс. карточек. Опубликованы научно-популярные книги, статьи, защищены диссертационные работы по

топонимии Республики Саха. В настоящее время ведется работа по составлению «Топонимического словаря Эвено-Бытантайского улуса» в рамках научно-исследовательской работы «Топонимика северо-востока Республики Саха». Топонимия Эвено-Бытантайского национального улуса выбрана в качестве объекта ономастической лексикографии по следующим причинам: во-первых, здесь собрано, зафиксировано и включено в электронный каталог большое количество топонимов; во-вторых, улус представляет собой пространство языковых контактов неродственных языков, в свое время в нем жили тюгэсирские эвены, язык у которых на данный момент считается малоизученным. Также вызывает научный интерес якутский пласт топонимов, что свидетельствует об освоении бассейна р. Бытантай скотоводами саха, на который наложились языковые особенности саккырырского подговора верхоянского говора.

Целью данной публикации является апробация словарных статей и представление топонимического пространства, как территории контактов неродственных языков. Язык эвенов данной территории относится к малоизученному диалекту – тюгэсирскому [Колесова, 2006]. В настоящее время на территории улуса практически не осталось носителей эвенского языка, что усложняет сбор топонимов эвенского происхождения. Сбор, фиксация и этноязыковое исследование топонимов края даст много ценных материалов по исчезающим языкам, в частности тюгэсирских эвенов. Сравнительные, сопоставительные исследования прояснят возможные этноязыковые процессы, контакты с другими диалектами, а также родственными и неродственными языками в истории тюгэсиров.

Структурная характеристика планируемого словаря. Данный словарь представляет собой первую попытку лексикографического описания в истории топонимического исследования республики. Он включает в себя якутские топонимы эвенского, монгольского, русского и неизвестного происхождения, отобранные путём сплошного сбора (всего в словарь планируется включить около 1000 топонимов) из картотеки и каталога топонимов Республики Саха. В данном словаре топоним выступает заглавным словом. В топонимии исследуемого улуса большинство якутских топонимов с тюрко-монгольскими параллелями. Около 140 топонимов имеют эвенское происхождение. Топонимов русского происхождения менее 10. Учтены языковые и речевые особенности информантов, привлечены сравнительно-сопоставительные материалы тунгусо-маньчжурских, монгольских, тюркских языков и исторические сведения, топонимные предания, способствовавшие образованию и функционированию топонимов.

«Топонимический словарь Эвено-Бытантайского улуса» будет состоять из введения; списка сокращений и основного корпуса (около 1000 единиц словарных статей); списка аффиксов, встречающихся в словарных статьях, для того, чтобы помочь правильно перевести и понять семантику топонимов; списка использованной литературы.

Порядок подачи топонимов алфавитный. Структура словарной статьи содержит:

- заглавное слово – топоним, приводящееся к абзаца полужирными прописными буквами;
- написание топонимов дано согласно фиксации в полевых материалах собирателей внесённых в картотеку топонимов. Функционирование географических названий в устах местных жителей считаем исконным. Сохранены диалектные особенности в пользу научно-исследовательской работы по диалектологии, исторической фонетики, морфологии якутского языка;
- вид географического объекта и привязка к административной территории – в данном случае наслегу;
- основу словарной статьи составляют подача значения лексем, участвующих в образовании топонима, в некоторых случаях – толкование лексического материала;

- по возможности у названий выделяются форманты (аффиксы, суффиксы), значения которых приводятся в конце основного корпуса словаря;

- значения лексем местами иллюстрируются цитатами, зафиксированными в картотеке Багдарыын Сютбэ, в полевых записях или иных краеведческих работах, что будет способствовать лучшему пониманию мотивации и функционирования топонимов;

- в конце словарной статьи после знака □ (квадрат) приводятся сравнительные материалы из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также, по возможности, этимологические справки.

Пробные словарные статьи

ААБЫЛААЧААН реч., пр. пр. р. Ньолоон, басс. р. Мэнкэрэ. Тюгэсирский н. *Аабылаачаан* < якут. *аабылаан* ‘пологое место, ложбина в лесу, заросшая кустарником’ + *-чаан*. Обычно бывает в отдалённых, необжитых местах.

□ т.-ма. *авлән* ‘поляна’, эвен. *а́влон* *Ск* ‘безлесное чистое место’ [ССТМЯ, I, с. 9].

ААБЫЛААЧААН ТАРЫҢА реч., исток реч. *Аабылаачаан* (см.), Тюгэсирский н. *Тарыҥа* < якут. *тарыҥ* ‘наледь, образованная водой, выступающей поверх льда в зимнее время’ + *-а*. Большинство северных горных рек в истоках имеют наледи, которые в летнее время служат дополнительным источником воды.

□ якут. *тарыҥ* М. Ряснен сравнивает с вост.-сиб. русск. *тарынь* ‘наледь, вода, разлитая поверх льда’ [Räsänen, 1969, с. 464]. Однако ср. др.-тюрк. *тош* ‘ледник в горах’ [ДТС, с. 578]. Здесь мы наблюдаем явление ротацизма. *тош > *тор + *-ыҥ* > *тарыҥ*. Ср. якут. *таан* ‘наледь, наплыв воды на льду’ [Пекарский, 2008, стб. 2549].

ААЛЛААХ р., л. пр. р. Бытантай, Тюгэсирский н. Якут. *аал* ‘плот; плавающее судно больших размеров’ + *-лаах*. По рассказам местных жителей, название связано с плотом, якобы находящимся на вершине горы *Уһуктаах*.

□ др.-тюрк. *sal* ‘плот из бурдюков’ [ДТС, с. 482].

ААЛЛААХ ААН сен. угод. в устье речки *Ааллаах* (см.), Тюгэсирский н. Якут. *аан* ‘в топонимии вход в какую-л. местность или выход из какой-л. местности’; ‘находящийся у входа, первый’.

□ ср. чув. *ана* ‘отверстие’, ‘проем’; монг. *ан* ‘щель’, ‘трещина’, ‘расщелина’ [Егоров, 1964, с. 27].

ААРТЫК ҮРҮЙЭ руч., Верхнебытантайский н. Якут. *аартык* ‘большая проезжая дорога, тракт’; ‘горный перевал’; диал. Мом. ‘нагорье’. Якут. *үрүйэ* ‘ручей’. *Аартык Үрүйэ – Эбээн-Бытантай улуһунтан Верхоянской куоратыгар табанан, атынан сылдыар аартыктара былыр* ‘Аартык Үрүйэ – дорога оленных, конских путников от Эвено-Бытантайского улуса до города Верхоянска в давние времена’ [Максимова, 1997, с. 60].

□ др.-тюрк. *art* ‘нагорье, гора; горный перевал’, тув. *арт* ‘перевал’ [ДТС, с. 35; 55; 69]; саяно-алт. *артыг* ‘пороги в реке; брод’ [Радлов, 1893, стб. 312]. *Үрүйэ* < якут. *үрэх* ‘речка’ (см. **Амтай Үрэбэ**) + *-ыйа*.

ААТА СУОХ реч., л. пр. р. Омоллой, Нижнебытантайский н. *Аата* < якут. *аат* ‘имя’ + *-а*. Якут. *суох* ‘нет’. Дословно: ‘имени нет’.

□ др.-тюрк. *at*, *āt* ‘имя’; *joq* ‘нет’ [ДТС, с. 64, 65, 272].

АБДЫЙ УРАҺАТА сен. угод. в местности Ис Сыһыы, Верхнебытантайский н. Якут. *Абдый* ‘мужское прозвище’, ‘название рода’ [Пеккарский, 2008, стб. 8]. *Ураһата* < якут. *ураһа* ‘старинное летнее жилище якутов в виде конического шалаша, ураса’ + *-а*.

□ *Абды* ср. с бур. антропонимом *Абди* < *аб(а)* + *-ди* [Митрошкина, 2008, с. 16]. Якут. *ураһа* < монг. *урц* ‘чум, вигвам, хижина; балаган’ [МОТ, с. 462], бур. *урса* ‘чум; шалаш’ [БРС, с. 725, 726]. Ср. туркм. *орача* ‘маленькая низкая юрта’ [ТурРС, с. 491].

АЙТАННЫЫР сен. угод., Нижнебытантайский н. *Айтанныыр* – антропоним < якут. *айтаннаа* – образ. гл. ‘ходить на широко поставленных ногах (о первых шагах малыша)’ + *-ыйыр*.

АЛЛАРААНҢЫ УЧАҢЫН приток реч. Хо-боол, Верхнебытантайский н. *Аллараангы* < якут. *аллараа* ‘нижний’ -нгы. *Учаһын* от эвен. *учаһьон* ‘приток реки’ [Колесова, 2006, с. 62].

□ *аллараа* ‘нижний’, ср. якут. *алын* < др.-тюрк. *ал* ‘низ, нижняя часть’, *алтын* ‘нижний; внизу, снизу’ [ДТС, с. 32, 40], возможно, якут. *алын* связано с саяно-алт. *алын* в том же значении [Попов, 2003, с. 73]. Эвен. *учаһьон* < *учасан* – ‘намотать; свить; скрутить’ [ССТМЯ, II, с. 296].

АЛТАН реч. Верхнебытантайский н. Якут. *алтан* ‘медь; медный’.

□ ср.: др.-тюрк. *altun* ‘золото’, существует мнение, что оно образовалось и от монг. *алтан* ‘золото’ [Попов, 2003, с. 72].

АЛТАХААН сен. угод., Нижнебытантайский н. Якут. диал. *Аб. алтахаан* ‘кукша’ [ДСЯЯ, с. 44].

АЛЫҺАРДААХ м., реч. Нижнебытантайский н. *АлыҺардаах* < як. *алыҺар* ‘окунь’.

□ якут., тюрк. *ала* ‘пёстрый’ + *Һар* (<монг. *Һар*, бур. *сар* ‘бык’, т.е. ‘пёстрый бык’ [Попов, 2003, с. 74].

АЛЫЫ в прошлом нп. на левом берегу р. Бытантай, Нижнебытантайский н. Якут. *алыы* ‘низменный луг; долина; широкое поле, поросшее тальником, березняком или ерником’; диал. Ск. ‘ровное поле’ [ДСЯЯ, с. 44].

□ ср.: др.-тюрк. *алан* ‘плоский, ровный (о местности)’ [ДСЯЯ, с. 33], при этом якут. *алыы* возводится к праформе * *алыб* [Попов, 2003, с. 75].

АМКЫН ХАЙА г., Тюгэсирский н. Эвен. *амкын* ‘холм, бугорок’ [Колосова, 2006, с. 14]. Якут. *хайа* ‘гора’. *Амкын диэн намыһах диэн. Намыһах буолан баран ынырык хайа... Ким да үөһэ да тахсыбат, аллара да түспэт – сылдыллыбат* ‘Амкын – она низкая. Низкая, но страшная гора. Никто не поднимается, и не спускается – непосещаемая’ [картотека БС].

□ эвен. *амкын*, *амкон* Ск ‘небольшая гора’, ‘бугор’ [ССТМЯ, I, с. 38]. Якут. *хайа* ср.: др.-тюрк. *хайа*, алт. *кайа* [ДТС, с. 406; Новикова, 1972, с. 22].

АМКЫНДЫА г., реч., пр. п. р. Дьабды, басс. р. Омоллой, Тюгэсирский н. *Амкындыа* < эвен. *амкын* ‘холм, бугорок’ + *-ндыа*. *Амкындыа – туспа турар улахан хайандыаа* ‘Амкындыа – отдельно стоящая большая гора’ [Максимова, 1997, с. 41].

АМПААРДААХ зим., Тюгэсирский н. *Ампаардаах* < якут. *ампаар* ‘амбар’ + *-лаах*. *Ампаардаах – бу өтөрдөөнгүгэ диэри совхоз сүөһүтэ турар хотонноох хас да дьылзээх, ампаардаах кыстык сир* ‘Ампаардаах – до недавнего времени зимник с коровником для скота совхоза, с несколькими домами, амбаром’ [Максимова, 1997, с. 61].

□ якут. *ампаар* < русск. *амбар*.

АМТАҢАЙ ҮРЭБЭ реч., Тюгэсирский н. *Амтаҕай* – антропоним. *Үрэбэ* < якут. *үрэх* ‘речка’ + *-а*.

□ п.-мо. *amta*, монг. *амт* 'вкус; привкус' [Тодаева, 1981, с. 112; МОТ, с. 35]. Ср. эвенк. *амта* (*амтан*) 1 'вкус'; 2 'чутье'; *амта-* 1 'чуять'; 2 'пробовать (на вкус)'; эвен. *амтъ* 1 'пробовать (на вкус)'; 2 'чуять'; 3 'ощущать' [ССТМЯ, т. I, с. 39]. Якут. *урэх* 'речка', ср. др.-тюрк. *арых* 'ручей, арык' [ДТС, с. 52].

АННЫЫЛААХ уч., Верхнебытантайский н. *Анныылаах* < якут. *анныы* 'пешня' + *-лаах*.

□ якут. *анныы* < др.-тюрк. *санч* 'колоть, вонзять, втыкать' + *-ыы* (аффикс имени действия) = *санчы > *санны > *ханны > *анныы* [Попов, 2003, с. 78].

АНТЫКЫНДЬА м., Тюгэсирский н. Эвен. *антыгындьа* 'ровная местность с лесом' [Никитин, 2012, с. 7].

□ эв. *антъу* 'южный склон горы, поросший лесом' [ССТМЯ, т. I, с. 44] + *-ндя*.

АНТЫКЫЧААН м., Тюгэсирский н. *Антыкычаан* < эвен. *антыкы* 'конец лесной зоны, начало обширной тундры' [Никитин, 2012, с. 1] + *-чаан*.

АНТЫПЫН м., Тюгэсирский н. *Антыпын* < *Антипин* – русская фамилия. «Старик якут Стручков Антып проживал (в этой местности)» [Никитин, 2012, с. 9].

АРАНАС м., Тюгэсирский н. Якут. *аранас* 'лабаз'; устар. 'могильный лабаз (на дереве)'.

□ Ср.: п.-мо. *арапуа*, калм. *аруу* 'балкон, веранда' монг., бур. *аранга* 'вышка, помост (для охоты на диких зверей)'; бур. также 'помост, на который клали трупы людей или животных' [Цинциус, 1984, с. 34].

АРБАН КҮӨЛӨ оз. в междуречье Хобоол и Кураанах, Верхнебытантайский н. Якут. антропоним *Арбан* от *арбай* 'быть растрепанным, взъерошенным, взлохмаченным (о волосах)' + *-н*. *Күөлэ* < якут. *күөл* 'озеро' + *-а*. *Арбан Күөлэ*, *Иһальчаан*, *Дьабада Күөлэ*. *Дьэ бу олохтоох Улуу кырдьаҕастар буолаллар. Бэйэлэрэ эмиэ ол таһыгар сыталлар* [*Арбан, Иһальчаан, Дьабада*] Это три местных знаменитых старика. Они вблизи с названными озерами покоятся' [карто-тека БС].

□ Ср. монг. *арвайх* 1. 'растопыриваться (напр., о пальцах)'; 2. 'взъерошиваться', бур. *арбаймаха* 'ерошить; взъерошить'; кирг. *арбай* 'иметь растопыренный* вид' [МОТ, с. 41; БРС,

с. 141; КирРС, с. 65]. Якут. *күөл* ср.: др.-тюрк. *köl* 'озеро' [ДТС, с. 313].

АРБАА ТААС м., Нижнебытантайский н. Якут. *арбаа* 'запад; западный'. Якут. *таас* 'камень; каменная гора'.

□ др.-тюрк. *arqa* 'спина', также ср. монг. *ар* 'задняя сторона' [ДТС, с. 53; МОТ, с. 40]. Як. *таас* ср.: др.-тюрк. *taš* 'камень' [ДТС, с. 539].

АРЫКТААХ м., Нижнебытантайский н. *Арыктаах* < якут. *арык* 'ветки в виде пучка, ведьмино помело (на сосне и лиственнице)'. *Арыктаах тииттээх* 'имеется) лиственница с арыком' [Максимова, 1997, с. 61]. По поверьям якутов, «если во все время своего замужества женщина не рождает детей, то из желания иметь потомство она прибегает к следующему средству: она отправляется одна в лес к *арык мас*, лиственнице, густо сросшейся кверху, что бывает редко. Под этим деревом стелят чисто белую кобылью шкуру с головой и лапами. На нее она ставит чорон с кумысом и затем, сидя на той же шкуре, говорит: "Дух моего места, дух моей растительности, у вас прошу я (дитяти). Дайте, спустите мне (дитятю) от духа вашей густо свившейся сверху лиственницы, (этого) устроенного дома, гнезда, обитаемого духом местности, духом цветущей растительности". И при этих словах льет кумыса в середину на основание дерева. Если дух дерева (*арык иччитэ*) дает (дитятю), то дерево станет скрипеть и на конскую шкуру падает червь, женщина берет его, проглатывает и от этого становится беременной. ... Дитя, зачавшееся таким образом, называется *арык обото*. ... На Бытантае люди, происшедшие из *арык обото*, считаются недолговечными; они живут всего лет до тридцати» [Худяков, 1969, с. 191–192]. Тувинские шаманы имели свое дерево, «у которого организовывали ритуал *хам ыаидыгыра* (освещение дерева-шамана), которое производится под лиственницей с перепутанным, неправильным расположением ветвей, образующих то, что у сибиряков называется вихоревым гнездом» [Кенин-Лопсан, 1987, с. 31].

□ п.-монг. *аруу*, монг., бур., калм. *араг* 'корзина' [Kaluzynski, 1961, с. 131].

АРЫЫ МАС реч., приток р. Чуоркаа, Верхнебытантайский н. Якут. *арыы* 'остров'. Якут.

*Так в Киргизско-русском словаре [1965].

мас ‘дерево; лес’. Арыы Мас – ыраас сиргэ ары-ыланан турар мастаах ‘Арыы Мас – открытая местность, имеющая лес-колок’ [картотека БС].

□ якут. арыы сопоставляется с тюрк. ары, арыб ‘густой лес в равнине’, ‘лес в долине реки’, ‘роща, чаща, заросли’; ‘остров на реке’ [Попов, 2003, с. 89]. Якут. мас сравнивается с ангиш ‘дерево’ в телеутском диалекте алтайского языка, тоф. неиш [Дмитриева, 1979, с. 140; Серебренников, Гаджиева, 1986 с. 70].

АРЫЫНДЬА реч., о., Тюгэсирский н. Ары-ындья < якут. арыы ‘остров’ + -ндья.

АТ ҮРЭБЭ реч., приток р. Тирэхтээх, Верхнебытантайский н. Якут. ат ‘конь; лошадь’. Үрэбэ см. Амтай Үрэбэ.

□ др.-тюрк. ат ‘лошадь; конь’ [ДТС, с. 65].

АТ БЫТАР реч., приток реч. Мандыйа, Нижнебытантайский н. Якут. ат ‘конь; лошадь’. Бытар < якут. ыыт- ‘отпускать, выпустить’ + -ар. Аты ыытан кэбиһэллэр, кыстаа диэн баран ‘местность, где отпускают коней на зимний подножный корм во время откочевки’ [картотека БС].

□ Ср. др.-тюрк. id- ‘посылать’ [ДТС, с. 217].

АТЫРДЬАХ сен. угод., Тюгэсирский н. Якут. атырдьах ‘вилы’; в топонимии ‘разветвление, раздвоение географического объекта’. Бу сир ходуһалара атырдьах салааларын курдук тарбанан сытар буоланнар итинник ааттаммытын олохтоохтор кэпсииллэр ‘местные сказывают о том, что сенокосные угодья в этой местности разветвлены, как вилы’ [Горохова, 2005, с. 10].

□ якут. атырдьах состоит из корня *ат ‘разделяться, раздваиваться’ + -р (аффикс отглагольных имен результата действия) + -дьах (уменьшительный аффикс) [Попов, 2003, с. 97]. Возможно, и от др.-тюрк. adir ‘развилина, отделение, ответвление’ [ДТС, с. 11] + -дьах.

АТЫЫР ДЬОРООНО сен. угод., Верхнебытантайский н. Якут. атыыр ‘жеребец’, в топонимии получает значение ‘большой’, ‘великий’, ‘исключительный’. Дьорооно < якут. дьороон ‘1. диал. Бул. Узкое длинное озеро; 2. диал. Верх. Узкое протяженное поле (луг) посреди леса или на его опушке. 3. диал. вил. районы. Пересыхающая речка; ложбина. 4. диал. Ср.-Кол. ‘Озерко; размытая водой низменность, заболоченная, неровная низина’ [Багдарыын, 1988, с. 151].

□ як. атыыр, ср. др.-тюрк. адбыр ‘жеребец’ [ДТС, с. 10]; якут. дьороон образовано от монг. jor- ‘строгать’ при помощи отглагольного аффикса -аан [Иванов, 2001, с. 28].

АЧЧЫК реч., Тюгэсирский н. Якут. аччык ‘голодный’.

□ якут. аччык ‘голодный’ – отглагольное имя от аас- ‘голодать’ [Попов, 2003, с. 100], сопоставимо с др.-тюрк. açliq, açliq, açsiq ‘голод’ [ДТС, с. 6].

БАРАХСАНДЬА реч., Тюгэсирский н. Якут. барахсан ‘бедный, несчастный; милый’ + -ндя.

□ соответствует старомонгольскому baraysan ‘пришедший к концу’ < bara- ‘кончиться’ [Рассадин, 1980, с. 86].

БАРЫЛЛЫАЛААХ оз., Тюгэсирский н. Барыллыа ~ боруллоу ‘крупная хищная птица, гнездящаяся около водоемов и питающаяся преимущественно рыбой, орлан-белохвост’ [ТСЯЯ, т. II, с. 400] + -лаах. Барыллыалаах барыллыа төрөөбүт сирэ ‘Барыллыалаах – это местность вывода птенцов орлана’ [картотека БС]. Амтыгар барыллыа уйалаах тиит баар. ‘Рядом с озером находится лиственница с гнездом барыллыа’ [Максимова, 1997, с. 62]. Среди северных якутов у каждого рода (наслега) был свой покровитель в образе какой-нибудь птицы – тотем. Например, покровителем байдынцев – ноготцев был беркут (барыллыа) [Горохов, 1961, с. 6]. Пережитки тотемизма были прослежены И.С. Гурвичем также у колымских якутов, в 1-м Кангаласском наслеге имеется род барыллыа (беркут) [Алексеев, 1975, с. 37].

□ якут. барыллыа ~ боруллоу считается монголизмом: мо. boruldaj ‘derGraue’, ‘Lerche’ < bora ‘grau’ [Räsänen, 1969, с. 81].

БАРЫЛЛЫАЛААХ ДЬОЛОНО г., при озере Барыллыалаах (см.), Тюгэсирский н. Дьолоно < якут. диал. дьолон ‘скала, отвесный камень, к которому чубуку (горный баран) прискакивает и находит убежище от преследователей (собаки, волка)’ [картотека БС] + -а. Дьолон служит местом засады во время охоты на чубуку.

□ якут. диал. дьолон < эвен. зол ‘камень’ [ССТМЯ, т. I, с. 263] + -н.

БИЛЛЭЭХ реч., Верхнебытантайский н. Биллээх < якут. бил ‘таймень’ + -лаах.

□ Ср.: алт. bel, хак. bīl, тув. bel ‘лосось’. В якутском языке «возможно, является заимствованием из тувинского языка» [Попов, 2003, с. 136].

БИЛЛЭЭХ оз., Тюгэсирский н. *Биллээх* – бу улахан күүл. Манна урут бил балык баар үһү. Билигин билэ суох дишлэр ‘Биллээх – большое озеро. Говорят, в давние времена, [в нем] водилась рыба таймень. В настоящее время тайменя нет’ [Максимова, 1997, с. 51].

БИРИИСТЭН пристань, м. Сэлээбир, Нижнебытантайский н. Якут. *бириистэн* ‘пристань’.

□ якут. *бириистэн* < русск. *пристань*.

БОЛБУКТАЛААХ м., Нижнебытантайский н. Якут. *болбукта* ‘кедровый стланик’.

□ якут. *болбукта* < тунг. *Болгикта* ‘кедровый стланик’ [ССТМЯ, I, с. 91].

БОЛБУКТАЛААХ ТУМУҤАҤА мыс в местности **Болбукталаах** (см.), Нижнебытантайский н. *Тумуҥаҥа* < якут. *тумус* ‘выступающая часть геогр. об.; мыс; лесистый выступ’ + *-ах* + *-а*. *Болбукта кырдьык баар аххан сирэ* ‘здесь густо растет кедровый стланик’ [Максимова, 1997, с. 62].

□ др.-тюрк. *tumšiq, tumšiq* ‘клюв’ [ДТС, с. 585].

БОРОҢОНДЬО реч., пр. р. Кэрискэ, Тюгэсирский н.

БОСХОНДЬОО ҮРЭБЭ реч., верховье басс. р. Бытантай, Верхнебытантайский н. *Босхондьоо* < якут. *босхо* ‘обособленный географический объект’, диал. Жиг. ‘вершины скалистых гор, гольцы’ [Багдарыын, 1988, с. 73] + *-ндя*. *Үрэбэ* см. **Амтаҕай Үрэбэ**.

□ ср.: др.-тюрк. *boš* ‘свободный; независимый, пользующийся свободой’ [ДТС, с. 113].

БОҢОҢОНДЬО реч., пр. р. Хобоол, Верхнебытантайский н. *Боҥоҥондьо* – *эмиз кун көрбөт өттүтүгэр турар хайалаах үрэх* ‘Боҥоҥондьо течет по теневой стороне гор’ [картотека БС].

□ эвен. *босау* ‘склон горы (северный)’ [ССТМЯ, I, с. 97] + *-ндя*.

БОҢОҢУНДЬА ААРТЫГА реч., пр. р. Ланха, Верхнебытантайский н. *Боҥоҥундьа* см. **Боҥоҥондьо**. *Аартыга* < *аартык* (см. **АартыкҮрүйэ**) + *-а*.

БОҢОХЧООН ~ БОҢУКЧААН реч., Верхнебытантайский н. *Боһукчаан* – *эбээнниһи күлүк өттүн, кун көрбөт өттүтүн ааттааһын* ‘Боһукчаан – эвенское слово. Обозначает теневую сторону, не солнечную сторону местности’ [картотека БС].

□ эвен. *босау* ‘склон горы (северный)’ [ССТМЯ, I, с. 97] + *-ндя*.

БОҢУРУК см. **БУҢУРУК**

БУРКААТ реч., пр. р. Тумара, Тюгэсирский н. *Буркаат* < эвен. *буркат* ‘кварц’ [Роббек, 2005, с. 65]. *Буркаат* – *наһаа манган таас* ‘Буркаат – очень белый камень’ [картотека БС].

БУҢУРУК реч., пр. р. Омолой, Тюгэсирский, Нижнебытантайский н. Якут. *буһурук* ‘ветер со снегом, выюга’.

□ якут. *буһурук* по материалам «Этимологического словаря тюркских языков» < тюрк. *bus-* ‘быть пасмурным’ + *-р+* *-к*, основа *бус-* принадлежит к старейшей части тюркской лексики, но сохранилась в немногих современных языках, также ср.: тур. *pusarik* ‘дождливая пасмурная погода’ [Севортян, 1978, с. 278].

БУУРКАТ м., Тюгэсирский н. См. **Буркаат**. *Бууркат* – *манган сама таастаах сир* ‘Бууркат – местность с белыми камнями’ [Никитин, 2012, с. 2].

БҮҮЧЭЭННЭЭХ реч., Верхнебытантайский н. *Бүүчээннээх* < якут. *бүүчээн* ‘кабарга’ + *-лаах*. Кабарга – это не только мясо; также «кабарговую струю (бүүчээн ыта) применяли против опухолей (видимо, и против рака) горла, пищевода и желудка» [Макаров, 1983, с. 46], например «смазывали и давали понемногу пить» [Григорьева, 1991, с. 28], «которую заготавливают в ноябре месяце» [Кондаков, 1993, с. 30].

□ ср. монг. *бич(ин)* ‘обезьяна’ [МОТ, с. 70]; бур. *мэшэн* ‘обезьяна’ [БРС, с. 313].

БЫЙЫТТААХ реч. Верхнебытантайский н., оз., Нижнебытантайский н. *Быйыттаах* < якут. *быйыт* ‘ленок’ + *-лаах*.

□ ср. тув. *мыйыт* ‘ленок’ [ТувРС, с. 305].

БЫРАХЧАНДА реч., пр. р. Сынча, Верхнебытантайский н. Эвен. *бирикчан* ‘ручей’; ‘распадок с ручьем’; ‘русло высохшего ручья, лощина’ [Роббек, 2005, с. 57] + *-нда*.

□ < т.-ма. *бира* ‘река’.

БЭЛДЭЛКЭЭН КҮӨЛЭ оз., Верхнебытантайский н. *Бэлдэнкээн* < эвен. *бэлдэн* ‘склонный к легкому возбуждению, «испугу»’ [Кейметинов, 1996, с. 18]. *Бэлдэнкээн, дьэ, бу эбээнниһи аат. Өмүрэх, соһумтах* ‘Бэлдэнкээн – эвенское имя. Означает: «от испуга возбуждающийся» (записано от информанта В.Н. Слепцова). *Күөлэ* см. **Арбан Күөлэ**. Озеро находится рядом с горой **Бэлдэлкээн Чобура** (см.).

□ < эвен. *бэльдэ* – ‘очнуться, опомниться; проснуться’ [ССТМЯ, I, с. 123] + *-л* + *каан*.

БЭЛДЭЛКЭЭН ЧОБУРА г., Верхнебытантайский н. *Бэлдэнкээн*, см. **Бэлдэнкээн Күөлэ**. *Чобура* < якут. *чобур* ‘одинокое стоящая гора; сопка, бугор.’ *Бэлдэнкээн Чобура* – *кыра таас чобур* ‘Бэлдэнкээн Чобура – маленькая каменная горка’ (информант В.Н. Слепцов).

□ ср. п.-мо. *šoqi* ‘теменные бугры’; монг. *цо-хио* ‘утес’ [Тодаева, 1981, с. 255; МОТ, с. 611].

БЭЛДЭНКЭЭН руч., Верхнебытантайский н. *Бэлдэнкээн*, см. **Бэлдэлкээн Күөлэ**.

БЭЛДЭНКЭЭН гора, Верхнебытантайский н. *Бэлдэнкээн*, см. **Бэлдэлкээн Чобура**. Имеется предание: «В давние времена жила старуха Бэлдээн страдающая эхолаимией. Сказывают, что она поднималась на горку и занималась выделкой меха. Рядом танцующие девочки при шалости напугали старуху. От испуга старуха споткнулась и упала с горы. Потому назвали эту горку Бэлдэнкээн. Могила старухи до сих пор сохранилась. Местность, где похоронили, называется Сайба» [Максимова, 1997, с. 35].

БЭЛДЭЭН ЭМЭЭХСИН гора, Верхнебытантайский н., см. **Бэлдэнкээн**. Эвен. *бэлдэн* ‘склонный к легкому возбуждению, «испугу»’ [Кейметинов, 1996, с. 18]. Тюгэсирские эвены рассказывают, что «гора названа по имени старухи Бэлдээн. По преданию старуха, привязав нож к длинной палке, сразила чубуку (горный баран). Потом, доставая добычу с крутых камней, споткнулась и разбилась [упав] с высокой горы» [Никитин, 2012, с. 10].

Аффиксы, встречающиеся в словарных статьях

-а, афф. принадлежности 3-го лица якутского языка;

-аан (-ээн, -оон, -өөн), отглагольный аффикс якутского языка;

-(а)х, афф. тюрк. яз. с уподобительно-уменьшительным значением [Севортян, 1974, с. 41];

-к; афф. имени тюрк. яз. в уподобительно-уменьшительном значении [Севортян, 1974, с. 510];

-каан; уменьшительный суффикс эвенского языка [РЭС, с. 718];

-л; отглагольный имяобразующий суффикс эвенского языка;

-лаах, аффикс обладания якутского языка;

-нда; мертвый суффикс в тунгусо-маньчжурских языках, встречающийся в географических названиях;

-ндя~ -нде (-ндьа) в эвенском языке «указывает на большой размер географического объекта или на большую величину предмета, по которому он назван, подчеркивая при этом важность, значительность объекта» [Новикова, 1972, с. 103];

-н, афф. якутского языка, образующий имена от результата действия;

-н, эвенский аффикс относительной (неорганической) принадлежности [Новикова, 1972, с. 105];

-ны, афф. якутского языка, образующий имена прилагательные, обозначающие признак по месту и по времени [ГСЯЛЯ, с. 163];

-р; афф. отглагольных имен результата действия [Попов, 2003, с. 97];

-чаан, в якутском языке придает именам ласкательно-уменьшительное значение, заимствован из эвенского и эвенкийского языков; более широкое употребление имеет в северных говорах якутского языка [ГСЯЛЯ, с. 112];

-ыйа, афф. якутского языка с уменьшительно-ласкательным значением;

-ыыр, афф. причастий якутского языка;

Заключение. По представленным пробным словарным статьям вырисовывается топонимическая система бассейна р. Бытантай с ее языковыми особенностями, как территория взаимодействия эвенского и якутского языков. Преобладание, например якутских названий по долине и по низовьям притоков р. Бытантай связано с культурой жизнедеятельности: разведением крупного рогатого и конного скота. А эвенские топонимы преобладают в верховьях рек и горных местностях, что связано с расселением эвенских родов для ведения исконных занятий – это оленеводство, охота, рыбалка.

С помощью сравнительно-сопоставительного метода составлены этимологические справки, при этом выявлены корневые основы (*антъу*, *ала* и др.), конечные морфемы (-ндя, -аан и др.) тунгусо-маньчжурского, тюрко-монгольского происхождения, характерные в топонимии Республики Саха. Более 10 лексических единиц имеют тунгусо-маньчжурские (в т.ч. непосредственно эвенские) параллели. Например: *аабылаачаан* = т.-ма. *авлѣн* ‘поляна’, эвен. *āвлон* *Ск* ‘безлесное чистое место’ [ССТМЯ, I, с. 9]; *амкын* = эвен. *амкѣн*, *амкон* *Ск* ‘небольшая гора’, ‘бугор’ [ССТМЯ, I, с. 38]; *боһоһондьо* = эвен.

босау 'склон горы (северный)' [ССТМЯ, I, с. 97] + -ндя. Преобладают тюрко-монгольские параллели, например: *Абдый* 'мужское прозвище', 'название рода' [Пекарский, 2008, стб. 8] = *Абды* ср. с бур. антропонимом *Абди* < *аб(а)* + -ди [Митрошкина, 2008, с. 16]; *буһурук* по материалам «Этимологического словаря тюркских языков» < тюрк. *bus-* 'быть пасмурным' + -р + -к, основа *бус-* принадлежит к старейшей части тюркской лексики, но сохранилась в немногих современных языках, также ср.: тур. *pusarik* 'дождливая пасмурная погода' [Севортян, 1978, с. 278]; *Быйыттаах* < якут. *быйыт* 'ленок' = тув. *мыйыт* 'ленок' [ТувРС, с. 305].

Некоторые словарные статьи, например, **Аранас**, **Арыктаах**, дают этнокультурную информацию связывающую якутов с саяно-алтайскими тюрками и монголоязычными племенами.

Топонимные предания раскрывают содержание географических названий, онимизацию апеллятивной архаической лексики и этнокультурную информацию тюгэсирских эвенов, например, предания о старухе *Бэлдээн* в двух вариантах, что связано с названием гор **Бэлдэнкээн** и **Бэлдээн**.

Литература

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 200 с.

Багдарыын Сүлбэ. Словарь местных географических терминов, 1988. [Рукопись] Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 305. 782 с.

БРС – Бурятско-русский словарь. – М., 1973. – 804 с.

Горохов К.И. Некоторые историко-этнографические сведения о прошлом нижнеиндигирских якутов // Материалы Первой научной конференции молодых специалистов. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 3–7.

Горохова О. Бытантай топонимнара. – Кустуур, 2005. – 14 с.

ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

Григорьева А.М. О народной медицине якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1991. – 72 с.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. – М., 1976. – 392 с.

Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 135–191.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – 355 с.

Иванов Нь.М. Монголизмы в топонимии Якутии. – Якутск, 2001. – 204 с.

КирРС – Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 974 с.

Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. – Мирный: ТОО «Мирнинская городская типография», 1996. – 186 с.

Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – 164 с.

Колесова М.Е. Тюгосирский диалект эвенского языка. – Якутск: Бичик, 2006. – 88 с.

Кондаков В.А. Добун халлаан быһыын сэгэтэн. – Якутск: КИФ «Ситим», 1993. – 68 с.

Макаров Д.С. Народная мудрость: знания и представления. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 120 с.

Максимова Ст. Д. Эбээн-Бытантай улууһун сохор сирдэрин ааттара. Дипломная работа [рукопись]. – Якутск, 1997. – 81 с. – Хранится в архиве автора статьи.

Митрошкина А.Г. Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря. – Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2008. – 384 с.

МОТ – Монгол-орос толь. – М., 1957. – 716 с.

Никитин Н. Түгэһиир көс эбээннэрин сирдэрин ааттара. – Баатабай Алыыта, 2012. – 11 с.

Новикова К.А. Лингвистический анализ топонимов северо-восточной Сибири // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1972. – С. 88–111.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – СПб.: Наука, 2008. Т. I. – 1280 стб.; Т. II. – 1218 стб.; Т. III. – 1350 стб.

Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка (Ч. 1: А – Дь). – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. I. – СПб., 1893. – 968 стб.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 116 с.

Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2005. – 356 с.

РЭС – Русско-эвенский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. – 778 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1978. – 350 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1986. – 304 с.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.; Т. II. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.

ТатРС – Татарско-русский словарь. – М., 1966. – 863 с.

Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. – М., 1981. – 276 с.

ТСЯЯ II – Толковый словарь якутского языка. Т. II. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.

ТувРС – Тувинско-русский словарь. – М., 1968. – 646 с.

ТурРС – Туркменско-русский словарь. – М., 1968. – 832 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского улуса. – Л.: Наука, 1969. – 440 с.

Цинциус В.И. Этимологии алтайских лексем с анлаутными глухими придыхательными смычными губно-губным *п' и заднеязычным *к' // Алтайские этимологии: сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1984. – С. 17–129.

Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. – Warsaw: Panstwowe wydawnictwo Naukowe, 1961. – 170 s.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkspachen. – Helsinki, 1969. – 533 s.

Сокращения

Административно-территориальные деления

Аб. – Абыйский улус

Бул. – Булунский улус

вил. – виллойские

Верх. – Верхоянский улус

Жиг. – Жиганский улус

Мом. – Момский улус

Ср.-Кол. – Среднеколымский улус

Языки, диалекты

алт. – алтайский

афф. – аффикс

бур. – бурятский

диал. – диалект

др.-тюрк. – древнетюркский

калм. – калмыцкий

кирг. – киргизский

монг. – монгольский

образ. гл. – образный глагол

п.-мо. – письменно-монгольский

русс. – русский

саяно-алт. – саяно-алтайские тюркские языки

ск – саккырырский говор западного наречия эвенского языка

суф. – суффикс

тат. – татарский

т.-ма. – тунгусо-манчжурский

тоф. – тофаларский

тув. – тувинский

тур. – турецкий

тюрк. – тюркское

хак. – хакасский

уйг. – уйгурский

эвен. – эвенский

эвенк. – эвенкийский

якут. – якутский

Прочие сокращения

басс. – бассейн

г. – гора

л. пр. р. – левый приток реки

м. – местность

нп. – населенный пункт

н. – наслег

о. – остров

об. – объект

оз. – озеро

пр. пр. р. – правый приток реки

р. – река

реч. – речка

руч. – ручей

сен. угод. – сенокосное угодье

устар. – устарелое слово

N.S. Bagdaryyn uola, V.G. Popov

Materials for a Toponymic Dictionary of Eveno-Bytantaysky Uls

On the basis of toponymic filing Ivanov M.S.-Bagdaryyn Sulbe there comes a time in lexicographical work of the toponymic dictionary of the Republic of Sakha. The collected material is presented in the database of about 450 thousand card files. Also noteworthy is the scientific and popular scientific literature on toponymy of Yakutia. This publication substantiates the compilation of the toponymic dictionary of the region and the choice of the Even-Bytantantay ulus as an object of onomastic lexicography. The paper presents the structural characteristics, trial dictionary entries of the

toponyms to the “Toponymic dictionary of the Eveno-Bytantaysky ulus” in the number of 57 articles on the letters A and B. Using the comparative method, given the etymological reference of the root basics of finite morphemes Manchu-Tungus, Turkic-Mongolian origin. As an application is given a list of formants (affixes, suffixes) with the designation of their main values. The formation of the toponymic system of the Bytantay river basin as the territory of ethno-linguistic contacts of unrelated languages emerges. The ethnic and cultural information linking Yakutia with the Sayano-Altai Turks and Mongolian tribes is given, also toponymie tradition which reveals the content of geographical names the appellative onymization archaic vocabulary rugasira evens.

Keywords: toponymy, Yakut language, Even Language, vocabulary, dialect.

Н. Ч. Серээдар

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.014

УДК 811.512.156'367.332.1

Базовые модели элементарных простых предложений и их парадигмы в тувинском языке

Статья посвящена характеризующим моделям и их парадигмам. В системе характеризующих моделей центральной является модель вписывания в класс $\{N_{\text{НОМ}} N_{\text{НОМ (cop)}}\}$. Ей системно противостоит модель, выражающая конкретный признак предмета или лица $\{N_{\text{НОМ}} A_{\text{(cop)}}\}$ со структурным вариантом $\{N_{\text{НОМ}} AN_{\text{НОМ (cop)}}\}$, которая не только выражает признак предмета или лица, но и выявляет вхождение объекта в родовое понятие, а также передает модально-стилистический оттенок. Модель ЭПП в тувинском языке имеют парадигматические варианты. Парадигматическое варьирование модели определяется синтаксическими категориями лица, числа, времени, модальности. В характеризующих предложениях, построенных по модели $\{N_{\text{НОМ}} N_{\text{НОМ (cop)}}\}$, настоящему конкретному времени соответствует связка-частица =дыр: в предложениях же, построенных по модели $\{N_{\text{НОМ}} A_{\text{(cop)}}\}$, связка-частица =дыр передает модальное значение ‘оказывается’. Для выражения прошедшего времени во всех характеризующих предложениях употребляются связки тур= и чор= в соответствующих формах. Они противопоставлены друг другу оттенками временных значений. В будущем времени появляется связка бол= в форме бол=ур. Во всех моделях характеристики связки тур= и чор= варьируются по семантике: в сказуемых ‘N чора=ан’, ‘A чора=ан’ всегда заключено значение отдаленности во времени; сказуемые ‘N тур=ган’, ‘A тур=ган’ передают нейтральное временное значение.

Ключевые слова: элементарное простое предложение, модель, план выражения, план содержания, пропозиция, парадигма, настоящее время, прошедшее время, будущее время.

Основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступно прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [Черемисина, 1997, с. 58]. Подобный под-

ход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за пестрым, поистине бесконечным множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [Черемисина, Скрибник, 1996, с. 47].

Под элементарным простым предложением вслед за М.И. Черемисиной мы понимаем языковую сущность, недоступную прямому наблюдению, поэтому его принято записывать в виде

формул. ЭПП отражает необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов». План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Что же касается плана содержания, то означаемым ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [Черемисина, 1997, с. 57].

Соответственно, мы будем представлять каждое предложение (единицу языка) его *моделью*, которую понимаем как двустороннюю сущность: план ее выражения есть структурная схема, план ее содержания – пропозиция.

Элементарное простое предложение – синтаксическая единица языка на уровне простого предложения. Одному предложению как единице языка может соответствовать бесконечное множество конкретных речевых построений. Элементарным мы называем простое предложение минимального состава, содержащее предикат и его актанты. Семантический предикат – это основной компонент семантической структуры предложения, обозначающий активный или стативный предикативный признак, являющийся реальной основой предложения и отнесенный либо к предмету, либо к ситуации [Арват, 1973].

Под актантом подразумевается обязательный компонент, без которого предложение не самодостаточно. **Актантом (актантами)** называются те – и только те – именные компоненты предложения, которые отвечают валентностям предиката и потому строго необходимы для адекватного описания пропозиций данного типа (независимо от контекста). Любая ситуация предполагает наличие ее участников (партиципантов). Под партиципантами ситуации подразумеваются субъект, адресат, объект, инструмент и т.д. Содержательной структурой мы называем смысловые отношения между актантами и предикатом. Именной предикат состоит из именного компонента, выраженного существительным (**символ N**) или прилагательным (**символ A**), и связки (**символ cop**).

Под базовой моделью понимаем такую модель, которая находится в исходной форме – в настоящем времени. Мы будем рассматривать следующие модели и их парадигмы:

$$\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\} / \{N_{Nom} A_{(cop)}\}$$

Первую структурную схему – $\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\}$ условно называем моделью со значением ‘включение в класс’ – это общая, инвариантная семантика, вторую – моделью со значением ‘качественной характеристики’, третью – $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$ – структурным вариантом модели $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$.

Семантика модели $\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\}$ – ‘включение в класс’. Предложения, построенные по этой структурной схеме, представлены значительным количеством семантических вариантов.

Семантические варианты модели ‘включение в класс’ $\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\}$:

- а) предложения со значением ‘включение в класс / классификация’,
- б) предложения со значением ‘качественная характеристика’,
- в) предложения со значением ‘оценочная характеристика’,
- г) предложения со значением ‘идентификация’.

В предложениях со значением классификации имена существительные, выступающие в качестве предиката, обозначают лицо по какому-то признаку (профессии, состоянию, родственным отношениям и т.п.) или приписывают признак другому объекту как род, вид. Например:

Угбам – башкы.

Угба=м=Ø

башкы=Ø

Сестра=POSS/1Sg=NOM учительница=NOM
Моя сестра – учительница.

Уш-Белдир – аржаан.

Уш-Белдир=Ø

аржаан=Ø

Уш-Белдир=NOM

источник=NOM

Уш-Белдир – источник.

В предложениях *Мээң фамилиям – Ондар* – ‘Моя фамилия – Ондар’, *Мээң чуртум – Тыва* – ‘Моя Родина – Тува’ и т.п. имя собственное получает значение ‘именуемая Тува’, ‘по фамилии Ондар’, т.е. выражает уже не предмет, а признак предмета.

Модель $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$ используется для выражения качеств, свойств предмета или лица. Например:

Кышкы хүн кыска болгай (Кудажы, ТК, 40).

Кышкы хүн=Ø

кыска

болгай

Зимний день=NOM короткий MODPTCL

Зимний день короткий, ведь.

Хеймерек анаада дидим, уштулаңнааш, чалчыргай (Сүрүң-оол, 1 т, 1991, 22).

Хеймерек=Ø анаада дидим
уштулаңнааш чалчыргай

Хеймерек=NOM на самом деле обычно
смелый юркий болтливый

Хеймерек, на самом деле, обычно смелый,
юркий, болтливый, любит показывать себя.

В предложениях со значением качественных характеристик объектов в качестве предиката выступают имена прилагательные, которые обозначают признак предмета или лица. Например:

Арга-арыг көк чайт (Сүрүң-оол, АА, 21).

Арга-арыг=Ø көк чайт

Горный лес=NOM - пойменный лес=NOM
синий PTCL

Лес ослепительно зеленый.

Хойлаар-оол арай шүшпөң кижиге (Кудажы, У, 1 т, 207).

Хойлаар-оол-Ø арай шүшпөң кижиге=Ø
Хойлаар-оол=NOM немножко медлительный человек=NOM

Хойлаар-оол немножко медлительный человек.

Выше уже было показано, что в тувинском языке существует модель $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$. Но наряду с ней мы считаем необходимым выделить схему $\{N_{Nom} AN_{Nom(cop)}\}$, как вариант модели $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$. Она широко используется для описания качественно-оценочной характеристики предметов и лиц. В предложениях этой структурной схемы основную информационную нагрузку несут прилагательные, предшествующие существительным типа *кижи*, *улус*, которые появляются в качестве заключительного компонента. Как отметил Д.А. Монгуш, их опущение может привести только к изменению модально-стилистической характеристики: переход от устно-разговорного к нейтральному [Монгуш, 1983, с. 17].

Каждая связка характеризуется собственной функционально-семантической спецификой: сфера употребления каждой из них ограничена типом конструкций. Особым средством выражения временных значений в тувинском и в других тюркских языках в некоторых типах предложений является использование частицы (энклитики) *-дыр*, восходящей к глаголу *тур=*, которая присоединяется к предикату, выраженному именем существительным. Связка *=дыр* передает значение настоящего конкретного вре-

мени только в предложениях, построенных по модели $\{N_{Nom} N_{Nom} (cop)\}$, а в предложениях, построенных по модели $\{N_{Nom} A (cop)\}$, связка-частица *=дыр* передает модальное значение 'оказывается'. Например:

Өлчеймаа далаш-тыр (Ойдан-оол).

Өлчеймаа=Ø далаш-тыр

Олчеймаа=NOM вспыльчивый=PTCL

Олчеймаа, оказывается, вспыльчивая.

Мен демги Калзан-оол ашактың оглу-дур мен (Донгак, ЭХ, 12).

Мен=Ø демги Калзан-оол=Ø ашак=тың
оглу=у=Ø-дур мен

Я=NOM тот Калзан-оол=NOM
старик=GEN сын=POSS/3Sg=PTCL 1Sg

Я – сын того старика Калзан-оола.

Значение настоящего времени этих предложений выражается нулевой связкой:

Оолак кежээ.

Оолак=Ø кежээ

Оолак=NOM работающий

Оолак работающий.

Авам – башкы.

Ава=м=Ø башкы=Ø

Мама=POSS/1Sg=NOM учительница=NOM
Мама учительница.

Рассмотрим особенности выражения значения времени в конкретных типах предложений. В предложениях со значением включения в класс используется особое средство выражения настоящего времени: частица-связка *-дыр*, которая присоединяется к именному предикату, являясь при этом его частью, а не отдельным словом. Авторы коллективной монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» называют *-дыр* аффиксом сказуемости: «Применительно к третьему лицу именного сказуемого в большинстве тюркских языков употребляется аффикс сказуемости *-дыр// -ды*, который этимологически восходит к глаголу турмак "стоять"» [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 78]. В «Грамматике тувинского языка» *дыр* оценивается как частица-связка с семантикой 'есть': «Эта связка образовалась от вспомогательного глагола *тур=* и подчинилась гармонии гласных» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 363].

Эта частица-связка выражает обычно настоящее конкретное время, совпадающее с моментом речи. Например:

Мен болза чингине ядыы арат-тыр мен (Са-
рыг-оол, АТ, 365).

Мен=Ø болза чингине
ядыы арат=Ø-тыр мен

Я=NOM что касается исконный
бедный арат=PTCL 1Sg

Я есть исконный бедный арат.

Бо чараш аңчыгаи диин-дир (Аракчаа, 45).

Бо чараш аңчыгаи=Ø диин=Ø-
дир

Этот красивый зверек=NOM
белка=PTCL

Вот этот красивый зверек – белка.

Связка представлена одним из четырех гла-
голов: *тур*= ‘стоять’, ‘быть’, *чор*= ‘лежать’,
‘быть’, *бол*= ‘быть’. Для выражения прошедше-
го времени – форма причастия прошедшего вре-
мени: *тур*=ган, *бол*=ган, *чора*=ан, отрицатель-
ная форма глагола – *тур*=ба=ан, *чор*=ба=ан,
бол=ба=ан. Форма недавнопрошедшего време-
ни глагола – *тур*=ду, *чор*=ду, форма причастия
будущего времени – *бол*=ур.

Прошедшее и будущее времена варьируются
во всех моделях характеристики одинаково:

- прошедшее время передается связками
тур= и *чор*= в формах на =ган и =ды: употре-
бление связок *тур*= и *чор*= в прошедшем време-
ни связано с категориально-лексическим напол-
нением подлежащего: если в позиции подлежа-
щего – имя лица, то прошедшее время передают
связки *тур*= и *чор*=, если это неличное суще-
ствительное – связка *тур*= . Например:

Кырган-ачам кызыл партизан чора=ан кижги
(Х.Ойдан-оол)

Кырган-ача=м-Ø кызыл партизан чора=ан
кижги=Ø

Дедушка=POSS/1Sg=NOM красный
партизан=NOM AUX: быть=PP/3Sg чело-
век=NOM

(Когда-то) мой дедушка был красным парти-
заном

Ол мастерскаяның мурнакчы ажылчыны
тур=ган (Тирчин, К, 82)

Ол=Ø мастерская=ның мурнакчы
ажылчын=ы=Ø *тур*=ган

Он=NOM мастерская=GEN передовой
рабочий=POSS/3Sg=NOM AUX=быть=PP/3Sg

Он был передовым рабочим этой мастерской.

Во всех моделях характеристики связки *тур*=
и *чор*= варьируются по семантике: в сказуемых

‘*Н чора*=ан’, ‘*А чора*=ан’ всегда заключено зна-
чение отдаленности во времени; сказуемые ‘*Н
тур*=ган’, ‘*А тур*=ган’ передают нейтральное
временное значение. Слова-подставки, входя-
щие в состав сказуемого, варьируют в плане
времени и наклонения. От места связки относи-
тельно слова типа *кижи* зависит модальный или
временной характер ее значения:

- перед словами типа *кижи* связки *тур*= и
чор= в формах на =ган и =ды передают чисто
прошедшее время. Например:

Долзаңның иези дээрге база чок дээн ядыы
уктуг чора=ан кижги болгай (Донгак, ЭХ, 76).

Долзаң=ның ие=зи=Ø дээрге база
Долзан=GEN мать=POSS=3Sg=NOM это
тоже

чок дээн ядыы ук=туг чора=ан кижги
болгай

нет бедный род=POSSV
AUX=быть=PP человек=NOM MODPTCL

Мать Долзан была ведь человеком из очень
бедного рода.

Бис=тер езулуг хөйүктерден эвээш санныг
чора=ан улус бис (Мендуме, ОШ, 13).

Бис=тер-Ø езу=луг хөйүк=тер=ден
Мы=PL=NOM настоящий хойук=PL=ABL
Эвээш сан=ныг чора=ан улус бис
Малый число=POSSV AUX=быть=PP
люди=NOM 1PL

Мы были людьми малочисленными, чем род
хойуков;

- после слов типа *кижи* связки *чор*=, *тур* = и
бол= в формах на =ган и =ды передают допол-
нительные модальные значения: *бол*= ‘значение
обнаружения’, а *чор*= ‘значение достоверности
факта’, *тур*= более ослабленное значение до-
стоверности факта, чем связка *чор*= . Например:

Аныяк кыдат эр дорт-даа, чаныш-сыныш
чок-даа хирелиг кижги бол=ган (Кудажы, ЧЧэ
(чэ) рус., 1 т, 234).

Аныяк кыдат эр=Ø
дорт-даа

Молодой китаец=NOM мужчина=NOM
прямой=PTCL

чаныш-сыныш чок-даа хире=лиг
кижи бол=ган

непреклонность нет=PTCL наверное
человек=NOM AUX=оказаться=PP/3Sg

Молодой китаец оказался прямым, непре-
клонным человеком

*Чассыг Кысыгбааевнаның иези – кырган ка-
дай бол=ду* (Сүрүң-оол, А-Т, 252)

Чассыг Кысыгбааевна=ның ие=зи=Ø
Чассыг Кысыгбааевна=GEN
мать=POSS/3Sg=NOM
кырган кадай=Ø бол=ду
пожилой женщина=NOM
AUX=оказаться=PASTVfin/3Sg

Мать Чассыг Кысыгбааевны оказалась пожи-
лой женщиной.

В этих двух моделях будущее время переда-
ется связкой *бол=* в форме на *=ар*:

Мен башкы бол=ур мен.
Мен=Ø башкы=Ø бол=ур мен
Я=NOM учитель=NOM AUX=быть=PF
1Sg

Я буду учителем.
Аян кежээ бол=ур.
Аян=Ø кежээ бол=ур
Аян=NOM работающий

AUX=быть=PF/3Sg
Аян будет работающим.

В формах на *=ган* и *=ды* связка *бол=* передает
дополнительное модальное значение ‘обнару-
жение’. Например:

Мээң хоначам кадарчы кижги бол=ду (Сүрүң-
оол, А-Т, 16).

Мэ-эң хонача-м=Ø кадарчы=Ø
кижи=Ø бол=ду
Я=GEN ночлежник=POSS/1Sg=NOM
пастух=NOM человек=NOM
быть=PASTVfin/3Sg

Мой ночлежник оказался пастухом.
Ол аът кырганзымаар, чавыс бол=ган (Мен-
думе, ОШ, 172).

Ол-Ø аът-Ø кырган=зымаар ча-
выс бол=ган

Тот конь=NOM немножко старый
низкий AUX=быть=PASTVfin/3Sg

Тот конь оказался немножко старым, низким.
Значение прошедшего времени передается
связками *тур=* и *чор=* в формах на *=ган* и *=ды*
во всех характеризующих предложениях. На-
пример:

*Ирбиштейниң адазы мээң школачы эжим
чора=ан* (Кенин-Лопсан, АБК, 192).

Ирбиштей=ниң ада=зы=Ø мэ=эң
Ирбиштей=GEN отец=POSS/3Sg=NOM
я=GEN
школачы эжи=м=Ø чора=ан

школьный друг=POSS/1Sg=NOM
AUX=быть=PP/3Sg

(Когда-то) Отец Ирбиштей был моим школь-
ным другом.

*Ол үеде кижилер чөпшүл, идепкейлиг
тур=ган* (Кудажы, ТК, 46).

Ол=Ø үе=де кижилер=Ø чөпшүл
идепкей=лиг тур=ган

Тот время=LOC человек=PL=NOM по-
слушный активность=POSSV
AUX=быть=PP/3Sg

В то время люди были послушными и актив-
ными.

Связки *тур=* и *чор=* передают определенные
оттенки временных значений: например, связка
чор= – временное значение отдаленного про-
шедшего, *тур=* – нейтральное временное значе-
ние, употребляется для обозначения и далекого,
и недавнего прошлого. Эти связки не всегда вза-
имозаменяемы. Связка *тур=* имеет гораздо бо-
лее свободное употребление, чем связка *чор=*.
Связка *чор=* всегда указывает на давнопрошед-
шее время. Связка *тур=* в большинстве случаев
употребляется без специальных уточнителей,
но нередко ее сопровождают детерминанты,
уточняющие недавнее или далекое прошлое.
Например:

Чоокта чаа ол башкы тур=ган.
Чоок=та чаа ол=Ø
башкы=Ø тур=ган

Недавно=LOC он=NOM
учитель=NOM AUX=быть=PP/3Sg

Недавно он был учителем.
Шаанда ол башкы тур=ган.

Шаан=да ол=Ø башкы=Ø
тур=ган

Старин=LOC он=NOM учитель=NOM
AUX=быть=PP/3Sg

В старину (давным-давно) он был учителем.
Бригадир кайгал, эрес-даа тур=ган (Тирчин,
К, 56).

Бригадир=Ø кайгал эрес-даа
тур=ган

Бригадир=NOM удалой бойкий=PTCL
AUX=быть=PP/3Sg

Бригадир был и удалым, и бойким.
*Галина Савина деп аныяк башкы орус дыл
башкызы тур=ган* (Танов, ХЧ, 100).

Галина Савина=Ø деп аны-
як башкы=Ø

Галина Савина=NOM называть молодой
учительница=NOM

Орус дыл=Ø башкы=зы=Ø тур=ган
Русский язык=NOM учитель=
POSS/3Sg=NOM AUX= быть=PP/3Sg

Молодая учительница по имени Галина Савина была учителем русского языка.

Со связкой *тур=* нам встретились следующие лексические уточнители: *чоокка чедир* 'до недавнего времени', *дүүн* 'вчера', *дүүшке чедир* 'до обеда', *моон мурнунда* 'раньше', *эрткен чылын* 'в прошлом году', *бурунгу хун* 'в позапрошлом году':

Оюнмаа дүүн чаа-ла каткы-хөглүг, сагыш-човаар чүве чок, амыр-шөлээн тур=ган болгай (Пюрбю, ДО, 56).

Оюнмаа=Ø дүүн чаа-ла каткы-хөг=лүг

Оюнмаа=NOM вчера только=PTCL
радость=POSSV

сагыш-човаар чүве чок амыр-шөлээн
тур=ган болгай

свободный беззаботный
AUX=быть=PP/3Sg MODPTCL

Оюнмаа только вчера была свободная, радостная, беззаботная.

Связку *чор=* сопровождают детерминанты, всегда указывающие на далекое прошлое:

Шаанда ол башкы чора=ан.

Шаан=да ол=Ø башкы=Ø чора=ан
Старин=LOC он=NOM учитель=NOM
AUX=быть=PP/3Sg

В старину он был учителем.

**Чоокта чаа ол башкы чораан* – так не говорят.

Замена *тур=* на *чор=* при детерминантах *чоокка чедир* 'до недавнего времени', *дүүн* 'вчера' и т.д. невозможна. Например:

Чоокка чедир Маңгыр чейзең биле Опай чалаңның аразында харылзаазы кылын-на тур=ган ам (Кудажы, 122).

Чоок=ка чедир Маңгыр=Ø
чейзең=Ø биле Опай=Ø

недавнего до Мангыр чей-
зен и Опай=NOM

чалаң=ның ара=зы=н=да
чалан=GEN между=POSS/3Sg=LOC

харылзаа=зы кылын-на
тур=ган ам

о т н о ш е н и е = P O S S / 3 S g = N O M
толстый=PTCL AUX=быть=PP/3Sg PTCL

До недавнего времени отношения чейзена Мангыра и Опая были очень хорошими.

Есть случаи, в которых связку *тур=* «сопровождают» нейтральные локализаторы, не указывающие на отдаленность во времени: *ынча-арда* 'тогда', *баштайгы хуннерде* 'в первые дни', *моон мурнунда* 'раньше', *ол үеде* 'в то время', *ол күзүн* 'в той осенью'. Например:

Хуралды даргалап олурган Дайбан Чамыян ынчан дыка-ла аныяк тур=ган (Мендуме, ОШ, 93).

Хурал=ды даргала=п олур=ган
Собрание=ACC собрание вести

Дайбан Чамыян=Ø ынчан дыка-ла
аныяк тур=ган

Дайбан Чамыян=NOM тогда очень
молодой AUX= быть=PP/3Sg

Дайбан Чамыян, который вел собрание, тогда был очень молодым.

Во всех этих предложениях речь идет о сравнительно недавнем, с точки зрения говорящего, прошлом.

Иногда связку *тур=* сопровождают темпоральные детерминанты, обозначающие далекое прошлое: *шаанда* 'в старину', *шаг-шаанда* 'в старину, давным-давно', *дайын үезинде* 'во время войны', *эрги шагда* 'в старину', *эргиде*. 'в старину', *1930 чылда* 'в 1930' году, *30 чылдарнын төнчүзүңге чедир* 'до конца 30-х годов':

Шаанда Галя башкы тур=ган.

Шаан=да Галя=Ø башкы=Ø
тур=ган

Раньше Галя=NOM учительница=NOM
AUX=быть=PP/3Sg

Раньше Галя была учительницей.

Если речь идет о событиях, выраженных абстрактными именами существительными, употребляются связки *тур=* и *бар=*. Например:

Блаңгыя политика айтыры кончуг нарын тур=ган (Кудажы, У, м, 176).

Блаңгыя политика=Ø айтыры=ы=Ø
Особенно политика=NOM

вопрос=POSS/3Sg=NOM
кончуг нарын тур=ган

очень сложный AUX=быть=PP/3Sg
Особенно вопрос политики был очень сложным.

Суурда-даа, бригадаларда-даа, хойжулар аалдарында-даа сырыңгы-думаа тайбың тур=ган (Чамыян, ЧХ, 36).

Суур=да-даа бригада=лар=да-даа
хойжу=лар=Ø

Село=LOC=PTCL   бригада=PI=LOC=PTCL
чабан=PI=NOM

аал=дар=ы=н=да-даа   сырыңгы-
думаа=Ø   тайбың   тур=ган
с т о я н к а = P O S S / 3 S g = L O C = P T C L
грипп=NOM=PTCL   мирный
AUX=быть=PP/3Sg

В деревне, и в чабанских стоянках, и в бригадах гриппа не было.

Есть случаи, когда значение отдаленности во времени поддерживается лексическими средствами: *шаанда* 'давным-давно, в старину', *бие-эде* 'в старину', *ол шагда* 'в старину', *1922 чыл үезинде* 'во время 1922'. Например:

Мен шаанда башкы чора=ан мен (Пюрбю, ДО, 69).

Мен=Ø шаанда башкы=Ø чора=ан мен
Я=NOM   давным-давно   учитель=NOM
AUX=быть=PP   1Sg

Я давным-давно был учителем.

1922 чыл үезинде аныяк чора=ан-дыр мен (Мендуме, ОШ, 122).

1922 чыл=Ø   үе=зи=н=де   аны-
як   чора=ан-дыр   мен

1922 год=NOM   время=POSS/3Sg=LOC
молодой   AUX=PP=PTCL   1Sg

В 1922 году я, оказывается, был молодым.

Тыва кижии шаг-шаандан чаңгыс аттыг чора=ан (Чамаян, КЧ, 11).

Тыва кижии=Ø   шаг-шаан=дан
Тувинец=NOM   человек=NOM   давнее
время=ABL

чаңгыс   ат=тыг   чора=ан

один   имя=POSSV   AUX=быть=PP/3Sg

Тувинец с давних времен имел одно имя.

Значение временной отдаленности подчеркивается и лексическим значением подлежащего в словах, которые называют объект оценки: *бурунгуларывыс* 'наши предки', *өгбелеривис* 'наши предки'. Например:

Бистиң өгбелеривис кончуг кезжэ чора=ан=нар.

Бис=тиң   өгбе=лер=ивис=Ø   кончуг   кез-
жэ   чора=ан=нар

Мы=GEN   предок=PL=POSS/1PL=NOM
очень трудолюбивый   AUX=быть=PP=PL/3Sg

Наши предки были очень трудолюбивыми.

Бистиң бурунгуларывыс ындыг чарт угаан-ныг чора=аннар-дыр (Кудажы, ТК, 214).

Бис=тиң бурунгу=лар=ывыс=Ø   ындыг

Мы=GEN   предок=PL=POSS/1PL=NOM   та-
кой

чарт   угаан=ныг   чора=ан=нар-дыр
трезвый   ум=POSSV   AUX=PP=PL=PTCL

Наши предки были, оказывается, с таким трезвым умом.

В конструкциях со связкой *чор=* часто употребляются архаизмы, в частности, монголизмы, привязывающие ситуацию к определенным историческим эпохам: *чалча* 'батрак', *сайгырыкчы* 'высший чиновник после дузалакчы', *чейзен* 'чейзен', *арат* 'арат', а также слова-историзмы, заимствованные из русского языка: *кызыл партизан* 'красный партизан', *кулак* 'кулак':

Мен база-ла ооң чалчазы чора=ан мен (Сүрүн-оол, 2 т, 1974, 177).

Мен=Ø   база-ла   оо=ң   чалча=зы=Ø
чора=ан   мен

Я=NOM   тоже=PTCL   он=GEN

батрак=POSS/3Sg=NOM   AUX=PP   1Sg

Я тоже был его батраком.

Шалык Ензак дээрге, О-Шынаа сумузунуң сайгырыкчызы чора=ан (Тока, 5 т, 436).

Шалык Ензак=Ø   дээрге   О-Шынаа
суму=зу=нун

Шалыка Ензак=NOM   что касается
О-Шынаа=NOM   сумон=POSS/3Sg=GEN

сайгырыкчы=зы=Ø   чора=ан

сайгырыкчи=POSS/3Sg=NOM (председатель
сельсовета)   быть=PP/3Sg

Что касается Шалыка Ензака, то он был сайгырыкчи (председатель сельсовета) сумона О-Шынаа.

Значение будущего времени выражается связкой *бол=* в форме будущего времени на =ар:

Мен башкы бол=ур мен.

Мен=Ø   башкы=Ø   бол=ур   мен

Я учитель   AUX=быть=PF   1Sg

Я буду учителем.

Ол угбай мээң авам Төпүштейниң төрели бол=ур (Танов, ХЧ, 68).

Ол   угбай=Ø   мээ=эң   ава=м=Ø

Та тетя=NOM   я=GEN   мать=POSS/1Sg=NOM

Төпүштей=ниң төрел=и=Ø   бол=ур

Топуштей=GEN   родственник=POSS/3Sg
g=NOM   AUX=быть=PF/1Sg

Та тетя будет родственницей моей матери Топуштей.

Тулчуушкун кадыг-дошкун бол=ур (Танова, АДТ, 144).

Тулчуушкун=Ø кадыг-дошкун бол=ур
Сражение=NOM жестокий
AUX=быть=PF/1Sg

Сражение будет жестоким.

Связка *дыр* передает значение настоящего конкретного времени только в предложениях, построенных по модели $\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\}$, а в предложениях, построенных по модели $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$, связка-частица *-дыр* передает модальное значение 'оказывается'. Для выражения прошедшего времени во всех характеризующих предложениях употребляются связки *тур=* и *чор=* в формах на *=ган* и *=ды*. Они противопоставлены друг другу оттенками временных значений: связка *чор=* обозначает только далекое событие, а употребление связки *тур=* не ограничено во временном значении. Будущее время передается во всех характеризующих предложениях связкой *бол=* в форме на *=ар*.

Модальное значение в каждом языке передается по-своему. Под модальностью мы понимаем отношение говорящего к содержанию высказываемого. В тувинском языке модальное значение передается вспомогательными глаголами *бол=* и *чор=* в прошедшем времени и частицами.

С помощью *бол=* и *чор=* передается модальное значение. Эти связки различаются по семантике. Связка *бол=* с модальным значением употребляется во всех характеризующих предложениях. А связка *чор=* модальное значение передает только в том случае, когда занимает конечную позицию после слов типа *кижи* в структурно-семантическом варианте $\{N_{Nom} AN_{Nom(cop)}\}$.

Связка *бол=* в формах на *=ган* и *=ды* передает значение выявления неожиданности 'оказалось':

Ол болза биче сургуулдарның ажыл-агый эргелекчизи бол=ган (Саган-оол, КС, 32).

Ол=Ø болза биче сургуул=дар=ның
Он=NOM это начальный
учащийся=PL=GEN

ажыл-агый=Ø эргелекчи=зи=Ø бол=ган
хозяйство=NOM заведующий=POSS/3Sg=
NOM AUX=оказаться=PP/3Sg

Он оказался заведующим хозяйственной частью в школе.

Аңчы кавыыргаар хире эвес, хоочун кижии бол=ган (Кудажы, У, 1 т, 8).

Анчы=Ø кавыырга=ар хире эвес
Охотник=NOM излишнюю торопли-
вость проявлять=PF видимо не

хоочун кижии=Ø бол=ган
опытный человек=NOM
AUX=оказаться=PP/3Sg

Охотник оказался опытным человеком, который не проявляет излишней торопливости.

Связка *бол=* в форме на *-ды* к предыдущему значению добавляет дополнительную семантику 'говорящий является очевидцем события': 'оказалось', 'как выяснилось, как я увидел'. Например:

(Мен ону улгады берген кижии боор деп бода-ан мен), ындыг эвес, мырыңай аныак кыс бол=ду (Сүрүң-оол, А-Т, 148).

Мен= ону улгад=ы
бер=ген кижии
Я=NOM она=ACC взростеть=CV
AUX=PP человек=NOM
бо=ор деп бода=ан мен
думать=PrP думать= PP 1Sg
ындыг эвес мырыңай аныак кыс=Ø
бол=ду

такой не совсем молодой девушка=NOM
оказаться=PASTfin/3Sg

(Я про нее подумал, что она взрослая женщина), а на самом деле (она) оказалась совсем молодой девушкой.

Ол аалдың бир шыырак ээзи бежен хире харлыг херээжен бол=ду (Танов, ХЧ, 22).

Ол аал=дың бир шыырак ээ=зи=Ø
Тот= аал=GEN один зажиточный
хозяин=POSS/3Sg=NOM

бежен хире
пятьдесят примерно
хар=лыг херээжен=Ø бол=ду
лет=POSSV женщина=NOM

оказаться=PASTfin/3Sg

Одна из зажиточных хозяек той юрты оказалась (как я увидел) примерно пятидесятилетней женщиной.

Кызыл-оол эмчи болду (Сарыг-оол, 56).
Кызыл-оол=Ø эмчи=Ø бол=ду
Кызыл-оол=NOM врач=NOM

оказаться=PASTfin/3Sg

Кызыл-оол оказался (как я выяснил) врачом.

Конструкция *бол=байн канчаар*: *бол=* в форме отрицательного деепричастия на *=байн* в сочетании с вопросительным местоимением *канчаар* 'что делать' передает подчеркнутое утвердительное значение 'конечно же бывает' во всех характеризующих предложениях. Например:

Шыырак аңчы сагынгыр болбайн канчаар (Сүрүң-оол, А-Т, 257).

Шыырак аңчы=Ø сагынгыр
бол=байн канчаар

Сильный охотник=NOM сообрази-
тельный быть=NEG=CV конечно же

Сильный охотник, конечно же, бывает сооб-
разительным.

Связка *чор=* в прошедшем времени в конеч-
ной позиции передает значение очевидности ‘я
это видел’, ‘как выяснилось’ в структурно-се-
мантическом варианте {N_{Nom} AN_{Nom} (cop)}. Связ-
ка *чор=* в форме на =ган, как показатель модаль-
ного и временного значения, поддерживается
следующими дополнительными лексическими
средствами:

в первой части сложных предложений значе-
ние очевидности может выражаться эксплицит-
но: *көргөн мен* – я видел:

(*Бай Езутуну мен көргөн мен*), *ол мага-боду*
семис болгаш көксүмээр арынныг, маажым
чаңныг ашак чора=ан (Мөңгүн У., 12).

Бай Езуту=ну мен көр=ген мен
Богатый Езуту=ACC я=NOM видеть=PP
1Sg

ол=Ø мага-бод=у семис
болгаш көк=сүмээр арын=ныг
он=NOM тело=POSS/3Sg=NOM тол-
стый и син=еват=ый лицо=POSSV
маажым чаң=ныг ашак=Ø
чора=ан

медлительный характер=POSSV
старик=NOM AUX=быть=PP/3Sg

(Я видел богача Езуту,) он был медлитель-
ным толстым стариком со светлым лицом.

(*Буян-Бадыргыны кудагы дүшкен черге көргөн*
мен), *ол кылаң кара кезегелиг, аксымаар арын-*
шырайлыг, карактары хоюг-хоюг болгаш орту-
мак дурт-сынныг кижичора=ан (Мөңгүн У., 12).

Буян-Бадыргы=ны куда=зы дүш=кен
Буян-Бадыргы=ACC свадьба=

POSS/3Sg=NOM состояться=PP
чер=ге көр=ген мен

место=DAT видеть=PP 1Sg
ол=Ø кылаң кара кезеге=лиг

ак=сымаар арын-шырай=лыг
он черный коса=POSSV

бледн=оват=ый лицо=POSSV
карак=тар=ы хоюг-хоюг бол-

гаш ортумак

глаз=PL=POSS/3Sg=NOM нежный и
средний

дурт-сын=ныг кижичора=ан
рост=POSSV человек=NOM быть=PP/3Sg

(Я видел Буян-Бадыргы на том месте, где
была его), он был человеком среднего роста, с
черными косами, с бледноватым лицом, с неж-
ными глазами (это точно; я видел);

2) информация о том, что видел субъект, мо-
жет имплицитно содержаться (в самом слове
чора=ан заключено значение ‘я видел’):

Чарык-Хам кадай чок ашак чора=ан (Сүрүң-
оол, А-Т, 125).

Чарык-Хам=Ø кадай чок ашак=Ø чора=ан
Чарык-Хам=NOM жена=NOM нет
старик=NOM AUX=быть=PP/3Sg

Чарык-Хам был неженатым стариком (я видел).

Ол көк чирбештиг, чалгынналып үнгүлей
бергилээн эрин салдыг, кадыр хавактыг ашак
чора=ан (Эргеп, Т-УК, 24).

Ол=Ø көк чирбеш=тиг
чалгыннал=ып үнгүлей бергилээн

Он=NOM седой челка=POSSV вверх
как крылья торчащими

эрин сал=дыг кадыр хавак=тыг
ашак=Ø чора=ан

губы=NOM усы=POSSV крутой
лоб=POSSV старик=NOM AUX=быть=PP/3Sg

Он старик, с торчащими вверх, как крылья,
усами, крутолобый (я видел).

Связка *чор=*, как показатель модального зна-
чения достоверности, употребляется и в тех
случаях, когда речь идет о качественной харак-
теризации не лиц. Например:

Пөш, чижеглен бодаарга, чүс хире харлыг
ыяш чора=ан (Кудажы, ТК, 192).

Пөш=Ø чижегле=п бода=ар=га чүс
Кедр=NOM приблизительно

думать=PrP=DAT сто
хире хар=лыг ыяш=Ø

чора=ан
примерно лет=POSSV дерево=NOM

AUX=PP/3Sg

Кедр, если приблизительно подумать, был
примерно столетнее дерево (как я увидел).

Дырбактыг, араатан хирезинде, бөрүге
мырыңай дөмейлешипес, элдеп аажы-чаңныг
амытан чора=ан (Кудажы, ТК, 130).

Дырбактыг=Ø араатан=Ø хирезинде
бөрү=ге мырыңай

Рысь=NOM хищник=NOM несмотря
волк=DAT совсем

домейле=ш=пес элдеп аажы-
чаң=ныг амытан=Ø чора=ан

походить=REC=NEGPpP странный характер
=POSSV существо=NOM AUX=PP/3Sg

Несмотря на то, что рысь - хищное живот-
ное, она не похожа на волка, со странным харак-
тером существо (я это видел).

Тыва кайы-хире чаартынып тур?
Таныттынмас-ла боор? Ах, чараш-ла чурт
чора=ан! (Чамыян, ЧХ, 46).

Тыва=Ø кайы-хире чаартынып тур
Таныттынмас-ла боор

Ах чараш-ла чурт=Ø чора=ан

Как развивается Тува? Не узнать, наверное?
– Ах, красивая же страна! (я видел).

Адыг-мажаалайны канчап аңнаар боор,
акый. Ана аттыг дезиг амытан чор=ба=ды=ва.
Чадажып калдым (Мендуме, ОШ, 106).

Адыг-мажаалай=ны канча=п аңна=ар
бо=ор акы=й

Медведь=ACC как охотиться=PrP
PTCL брат

Ана аттыг дезиг амытан=Ø
чор=ба=ды=ва

Очень трудно уловимые животное=NOM
Чадаж=ып кал=ды=м

Как можно охотиться на медведя, брат. (Они)
очень трудно уловимые животные.

Нам встретились в сочетании со связками в
составе сказуемого такие частицы: *болгай*
‘ведь’, *ышкажыл* ‘же’, *ышкажыгай*, *ышкажык*
‘ведь’, *болбазыкпа* ‘ведь’, *ийин* ‘ведь’, *ийик чоп*
‘ведь’, *дыр* ‘оказывается’, *хире* ‘видимо’, *ыш-
каш* ‘кажется’, *боор* ‘наверное’ и т.д.

По семантике вышеназванные частицы груп-
пируются таким образом:

1. Частицы, выражающие модально-экспрес-
сивное усиление высказывания: *болгай* ‘ведь’,
ышкажыгай, *ышкажык* ‘ведь’, *ышкажыл* ‘же’,
болбазыкпа ‘ведь’, *ийик чоп* ‘ведь’, *дыр* ‘же’,
чүве ‘точно знаю’.

2. Частицы, выражающие сомнение, неуве-
ренность, кажимость: *хире* ‘видимо’, *ышкаш*
‘кажется’, *боор* ‘наверное’.

3. Частицы, выражающие значение выявления:
дыр в сочетании с прилагательными: *орлан-дыр*,
далаиш-тыр ‘оказывается, бойкий’, ‘оказывается,
вспыльчивый’; *дыр* в сочетании со словами типа

кижи ‘человек’: *кижи-дир*, *улус-тур*, *чүве-дир*;
эр-дир, *кыс-тыр*, *уруг-дур* и т.д. ‘оказывается’.

Рассмотрим первую группу частиц, выража-
ющих модально-экспрессивное усиление вы-
сказывания. По частоте употребления частица
болгай ‘ведь’ занимает первое место. Она отно-
сительно нейтральная, передает два значения:

1) напоминание адресату о достоверном фак-
те, известном обоим собеседникам:

2) *Сен база уруг-дарыглыг кижиг болгай сен*
(Намчылак, ДК, 112).

Сен=Ø база уруг-дарыг=лыг кижиг=Ø
болгай сен

Ты тоже дети=POSSV человек=NOM
MODPTCL 2Sg

Ты, ведь, тоже человек, имеющий детей.

3) *Сүмеден кылып көрөм харын, арга-
сүмелиг-ле кижиг болгай сен* (Тока, 5 т, 441)

Сүме=ден кыл=ып көр=ем харын
Совет=ABL делать=CV AUX=PrP

MODPTCL

арга-сүме=лиг-ле кижиг=Ø болгай
сен

опыт=POSSV человек=NOM MODPTCL
2Sg

Дай какой-нибудь совет, ты, ведь, человек
опытный.

В предложениях вместо *болгай* в этом же зна-
чении можно употребить частицу *ышкажыгай*.
Например:

Сен кончуг алгыжы кижиг болгай сен (Сарыг-
оол, 3 т, 145) = *ышкажыгай сен*.

Сен=Ø кончуг алгыжы кижиг=Ø
болгай сен

Ты=NOM очень крикливый
человек=NOM MODPTCL 2Sg

Ты, ведь, очень крикливый человек.

*Силер бистен ыракта бай болгай
силер=ышкажыгай силер.*

Си=лер=Ø бис=тен ырак=та
бай болгай силер

Вы=PL=NOM мы=ABL далекий=LOC
богатый MODPTCL 2PL

Вы, ведь, намного богаче нас.

*Ачай, мээң харым чээрби беш
болгай=ышкажыгай.*

Ачай=Ø мэ=эң хар=ым=Ø чээрби
беш болгай

Отец я=GEN лет=POSS/1Sg=NOM
двадцать пять MODPTCL

Отец, мне, ведь, двадцать пять.

Сен тудугжу кижиг болгай сен = ышкажыгай сен

Сен=Ø тудугжу=Ø кижиг=Ø болгай сен
Ты строитель=NOM человек=NOM
MODPTCL 2Sg

Ты, ведь, строитель.

4) модально-экспрессивное усиление высказывания:

Соскар база човаар сеткилдиг, кээргээр чүректиг кижиг-ле болгай (Кудажы, У, а, 73).

Соскар=Ø база човаар сеткил=диг
Соскар=NOM тоже душа=POSSV добрый
кээргээр чүрек=тиг кижиг=Ø-ле болгай
жалеть сердце=POSSV человек=
NOM=PTCL ведь MODPTCL

Соскар тоже человек добрый, ведь.

Долзаң угаанныг кижиг болгай (Донгак, ЭХ, 27).

Долзаң=Ø угаан=ныг кижиг=Ø болгай
Долзан=NOM умный человек=NOM
MODPTCL

Долзан, ведь, умный человек.

В этих предложениях тоже можно заменить *болгай* на *ышкажыгай*:

Өргежик – угбамның оглу болгай (Тирчин, К, 180).

Өргежик угба=м=ның огл=у болгай
Өргежик=NOM сестра=POSS/1Sg=GEN
сын=POSS/3Sg=NOM MODPTCL

Өргежик, ведь, сын моей сестры.

Адресату речи известно, что *Өргежик* – племянник говорящего; если же вместо *болгай* употребить *ышкажыгай*, то здесь явно видно, что в предложении будет содержаться утверждение, что это информация была у адресата. Например:

Өргежик - угбамның оглу ышкажыгай.

Өргежик=Ø угба=м=ның огл=у=Ø
ышкажыгай

Өргежик=NOM сестра=POSS/1Sg=GEN
сын=POSS/3Sg=NOM MODPTCL

Өргежик – мой племянник, ведь (ты же знаешь).

-ла болгай 'ведь':

Мээң мында кол хүлээлгем кадарчы-ла болгай (Сарыг-оол).

Мээң мында кол хүлээлге=м=Ø
кадарчы=Ø-ла болгай

Я=GEN здесь главная
обязанность=POSS/1Sg=NOM пастух=NOM=
PTCL MODPTCL

Здесь моя главная обязанность – пастух, ведь.

Д.А. Монгуш писал, что частицы *ышкажыгай* и *ышкажык* употребляются тогда, когда говорящий знает, что совершение действия или наличие факта известно слушающему, поэтому последнему можно напомнить об этом [Монгуш, 1989, 32]. Например:

Ол оолдуң малы ак ышкажыгай (Кудажы, ТК, 62).

Ол оол=дуң мал=ы=Ø ак ышкажыгай
Тот парень=GEN животное=POSS/3Sg=NOM
белый MODPTCL

Конь у того парня белый, ведь.

Аваң черле хөктүг ышкажыгай (Ойдан-оол, ЧС, 12).

Ава=ң=Ø черле хөктүг ышкажыгай
Мама=POSS/2Sg=NOM, ведь, странная MODPTCL

Твоя мама, ведь, странная.

Калбак-Көктүгнүң тудугжулары кегжигир Дүвет-оолду ол хевээр чазап каар шевер ышкажык (Донгак, СЧ, 180).

Калбак-Көктүг=нүң тудугжу=лар=ы=Ø
кегжигир

Калбак-Коктуг=GEN строитель=PL=POSS/3Sg=NOM длинный

Дүвет-оол=ду ол хевээр чазап
каар шевер ышкажык

Дүвет-оол=ACC точно-в-точно
выстрелить=CV AUX искусный MODPTCL

Строители Калбак-Коктуга настолько искусные, ведь, что фигуру длинного Дүвет-оола выстреляют точно-в-точно.

В этих предложениях, если вместо *ышкажыгай* поставить *болгай*, то смысл немножко изменится. Частица *ышкажыл* 'же' включает в себе модальный оттенок возражения. Например:

Солдат дөмей-ле кижиг ышкажыл (Сүрүң-оол, 2 т, 1992, 7).

Солдат=Ø дөмей-ле кижиг=Ø
ышкажыл

Солдат=NOM тоже=PTCL человек=NOM
MODPTCL

Солдат же тоже человек.

Хек-оолдуң кадыгы шымбай ышкажыл (Кенин-Лопсан, АЧ, 81).

Хек-оол=дуң кады=ы шымбай
ышкажыл

Хек-оол=GEN здоровье=POSS/3Sg=NOM
довольно неплохое MODPTCL

Здоровье Хек-оола довольно неплохое же.

Частица *болбазыкпа* ‘ведь’ по семантике близка частице *болгай*. Они взаимозаменяемы. Например:

Минчимаа багай эвес кижиг болбазыкпа (Сүрүн-оол, А-Т, 239) = *болгай*.

Минчимаа=Ø багай эвес
кижиг=Ø болбазыкпа

Минчимаа=NOM плохой не
человек=NOM MODPTCL

Минчимаа ведь неплохой человек.

Чылбак төлөптүг ирей болбаспе (Тирчин, К, 96).

Чылбак=Ø төлөп=тиг ирей=Ø
болбаспе

Чылбак=NOM благовоспитанный
старик=NOM MODPTCL

Чылбак – благовоспитанный, ведь, старик.

Частица *чүве* передает модальное значение достоверности факта ‘это точно, я знаю’. Например:

Кадайым сээңии ышкаш, малчын кижиг кызы чүве (Чамыян, КЧ, 81).

Кадай=ым=Ø сээ=ңии ышкаш
Жена=NOM ты=GEN как

будто
малчын=Ø кижиг=Ø кыз=ы=Ø чүве
чабан=NOM человек=NOM

дочь=POSS/3Sg= NOM MODPTCL

Моя жена, как и твоя, дочь чабана (это точно).

Ие торели черле эриг баарлыг чүве (Сарыг-оол, АТ).

Ие=Ø торел=и=Ø черле эриг баар=лыг
чүве

Мать=NOM родственник=POSS/3Sg во-
обще добрый печень=POSSV MODPT-
CL

Родственники по матери вообще добрые (это точно).

Отрицательное деепричастие на *-байн* от глагола *бол* ‘быть’, ‘становиться’ с местоименным глаголом *канчаар* или модальной частицей *аан* или же без них может употребляться в качестве модального компонента, благодаря которому передается значение уверенности говорящего в осуществимости, возможности выражаемого сказуемым действия или сообщения. Например:

Бо кижиг-даа тергийн аңчы кижиг болбайн канчаар (Саган-оол).

Бо кижиг=Ø-даа тергийн

Это человек=NOM=PTCL превосходный
аңчы=Ø кижиг=Ø бол=байн кан-
чаар

охотник=NOM человек=NOM

быть=NEG=CV конечно же
Это человек, конечно же, – превосходный охотник.

Мал база кижилер ышкаш янзы-бүрү аажы-чаңныг болбайн (Саган-оол).

Мал=Ø база кижиг=лер=Ø ышкаш

Животное=NOM тоже человек=PL=NOM
как

янзы-бүрү аажы-чаң=ныг бол=байн
разный характер=POSSV=иметь NEGCV

конечно

Домашние животные тоже, как и люди, имеют, конечно, разные характеры.

Че, бо кайыын чалгаа болур деп (Танова).

Че бо=Ø кайыын чалгаа бол=ур деп

Ну этот=NOM откуда вряд ли ленивый
AUX=быть=PF

Ну, этот (щенок) вряд ли будет ленивым.

Иногда в конце предложения встречаются слова с обобщенным лексическим значением, придающие тоже значение достоверности факта: с одной стороны, слова типа *кижиг* ‘человек’, *улус* ‘люди’, *уруг* ‘девушка’, а с другой стороны, слова типа *чер* ‘земля’, *чурт* ‘страна’, *оран* ‘страна, место’. Подобные слова придают значение уверенности говорящего в том, что он говорит. Например:

Соскар – мөге кижиг (Кудажы, 1 т, 348).

Соскар=Ø мөге кижиг=Ø

Соскар=NOM борец=NOM человек=NOM

Соскар – борец.

чер ‘земля’:

Бо суурнуң үстүнде доңмас кара суг бар чер (Тамба, YY, 22).

Бо суур=нуң үстү=н=де доң=мас

Этот село=GEN вверху=POSS/3Sg=LOC
мерзнуть=PP

кара суг=Ø бар чер=Ø

родник=NOM вода=NOM есть
местность=NOM

Вверху этого села есть родник.

Ко второй группе относятся частицы, выражающие сомнение, кажимость: *хире* ‘видимо’, *ышкаш* ‘кажется’, *боор* ‘наверное, кажется’, *ый-наан* ‘наверное’ и т.д.:

Аң болза элик азы тооргу хире (Сүрүң-оол, А-Т, 63).

Аң=Ø болза элик=Ø азы тооргу=Ø хире

Зверь=NOM это косуля=NOM или кабарга=NOM MODPTCL

Этот зверь, видимо, или косуля или кабарга.

Ирбиш ышкаш кашпагай аң ховар боор (Тирчин, К, 196).

Ирбиш=Ø ышкаш кашпагай аң=Ø ховар боор

Барс=NOM как ловкий зверь=NOM мало MODPTCL

Зверей, похожих на барса, наверное, мало

Мен бодап көөрүмге, Чудурукпай дарганың чугаазы огулуг-даа ышкаш (Кудажы, У, м, 125).

Мен бода=п көөр=үм=ге Чудурукпай=Ø дарга=нын

Я=NOM думать=CV AUX=PrP=DAT Чудурукпай=NOM председатель=GEN

чугаа=зы=Ø огулуг-даа ышкаш речь=POSS/3Sg=NOM конкретный= PTCL MODPTCL

Мне думается, что речь председателя Чудурукпая, кажется, конкретное.

Улуг улустуң чугаазы чөп-ле ыйнаан (Танова, ИСХ, 63).

Улуг улус=туң чугаа=зы=Ø чөп-ле ыйнаан

Взрослый люди=GEN слово=POSS/3Sg=NOM справедливый =PTCL MODPTCL

Слова взрослых людей, наверное, справедливы.

3. Третья группа – частицы, выражающие значение выявления. Эта группа делится на две разновидности:

1) частица =дыр в сочетании с существительными типа *кижи* ‘человек’: *кижи-дир*, *улус-тур*, *чүве-дир*, *уруг-дур*, *оол-дур*, *эр-дир*, *ашак-тыр* и т.д. ‘оказывается’. Например:

Билдине берген) Доң-Кат сураc кижидир (Сүрүң-оол, НО, 150).

(Билдине берген) Доң-Кат=Ø сураc кижидир

(Все ясно) Дон-Кат=NOM внебрачный человек MODPTCL

(Все ясно), Дон-Кат, оказывается, внебрачный ребенок.

Хоочун малчын кырган-авай ус-шевер кижидир (Бады-Мөңге, КЧМ, 3).

Хоочун малчын=Ø кырган-авай=Ø ус-шевер кижидир

Опытная чабан=NOM бабушка=NOM искусный человек MODPTCL

Опытная бабушка-чабан, оказывается, искусный человек.

Аңчылар база эки улус-тур ийин мооңар (Улуг-Хем 78, 47).

Аңчы=лар=Ø база эки улус=Ø-тур ийин мооңар

Охотник=PL=NOM тоже хороший люди=PTCL MODPTCL

Охотники, оказывается, тоже хорошие люди.

2) Реже частица *дыр* сочетается с прилагательными и передает значение ‘оказывается’. Характеризующие предложения противопоставлены локально-бытийным предложениям по типам варьирования. В этих предложениях связка *тур=* и *чор=* в формах на =ган и =ды используется для прошедшего времени, связка *бол=* в форме на =ар – для будущего. Основными компонентами этих предложений являются подлежащее и сказуемое.

Таким образом, рассмотрены характеризующие предложения со значением включения предмета в класс, род $\{N_{Nom} N_{Nom(cop)}\}$, со значением качественной характеристики предмета, лица $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$ и вариант $\{N_{Nom} AN_{Nom(cop)}\}$. Предложения со значением классификации – самый употребляемый, распространенный тип предложений. В этих предложениях подлежащее – единичный объект, а сказуемое – всегда понятие, объем которого не ограничен, которое вообще не соотносится с объектами само по себе, а лишь приписывает признак другому объекту. В предложениях со значением качественной характеристики предмета, лица в качестве предикатов «предметного типа» выступают прилагательные, обозначающие цвет, форму. В качестве объекта (или субъекта) выступают существительные, обозначающие предметы, лицо. Основной семантический тип предикатов – это качественные прилагательные, в которых отсутствует сема ‘хорошо/плохо’. Наряду с моделью $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$ выделили схему $\{N_{Nom} AN_{Nom(cop)}\}$, как вариант модели $\{N_{Nom} A_{(cop)}\}$. Она широко используется для описания качественно-оценочной характеристики предметов и лиц. В предложениях этой структурной схемы основную информационную нагрузку несут

прилагательные, предшествующие существительным типа *кижи*, *улус*, которые появляются в качестве заключительного компонента.

Связка представлена одним из четырех глаголов: *тур*= 'стоять', 'быть', *чор*= 'лежать', 'быть', *бол*= 'быть'. Для выражения прошедшего времени – форма причастия прошедшего времени: *тур*=*ган*, *бол*=*ган*, *чора*=*ан*, отрицательная форма глагола – *тур*=*ба*=*ан*, *чор*=*ба*=*ан*, *бол*=*ба*=*ан*. Форма недавнопрошедшего времени глагола – *тур*=*ду*, *чор*=*ду*, форма причастия будущего времени – *бол*=*ур*.

Литература

Арват Н.Н. Об изучении семантических функций членов предложения // Проблемы теории членов предложения. – Кишинев, 1973. – С. 3–10.

Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. – М., 1986. – 284 с.

Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961. – 471 с.

Монгуш Д.А. О служебных функциях слов *кижи*, *улус*, *чүве* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 12–35.

Монгуш Д.А. О сказуемых тувинского языка, выражающих модальное значение достоверности // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 19–35.

Черемисина М. И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 4. – С. 56–61.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 4. – С. 46–57.

Сокращения

Аракчаа – Аракчаа Куулар, Кажар сын. – Кызыл, 1958.

Бады-Мөңгө, КЧМ – Елена Бады-Мөңгө. Көдээге чурттаксаар мен. – Кызыл, 1990.

Донгак, ЭХ – Эдуард Донгак. Эрги хонаштар. – Кызыл, 1983.

Донгак, СЧ – Эдуард Донгак. Сыын чады. – Кызыл, 1986.

Кенин-Лопсан, АБК – Монгуш Кенин-Лопсан. Азаның бичези кончуг. – Кызыл, 1989.

Кенин-Лопсан, АЧ – Монгуш Кенин-Лопсан. – Кызыл, 1992.

Кудажы, УХ, мт – Кызыл-Эник Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем, мөңгүн том. – Кызыл, 1989.

Кудажы, УХ, ат – Кызыл-Эник Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем, алдын том. – Кызыл, 1992.

Кудажы, ЧЧ, 1т – Кызыл-Эник Кудажы. Чогаалдар чыындызы. 1т. – Кызыл, 1995.

Кудажы, ТК – Кызыл-Эник Кудажы. Танды кежии. – Кызыл, 1984.

Мендуме, ОШ – Михаил Мендуме. Орус-Шөлү. – Кызыл, 1984.

Мөңгүн У. – Мөңгүн ужук. – Кызыл, 1992.

Намчылак, ДК – Окан-оол Намчылак. Дайын кескиндизи. – Кызыл, 1991.

Ойдан-оол Х. – Ховенмей Ойдан-оол. Кызыл хаяа: тоожулар, чечен чугаалар. – Кызыл, 1974.

Ойдан-оол, ЧС – Ойдан-оол Хөвөнмей. Чайык сонда. – Кызыл, 1978.

Саган-оол, КС – Олег Саган-оол. Кежиктиг Сылдыс. – Кызыл, 1965.

Саган-оол – Виктор Саган-оол. Кызыл дузаламчы. Кызыл, 1975.

Сарыг-оол, АТ – Степан Сарыг-оол. Аңгыроолдуң тоожузу. Чогаалдар чыындызы. 1 т. – Кызыл, 1988.

Сүрүң-оол, АД – Салим Сүрүң-оол. Авазынга даңгырак. Чогаалдар чыындызы. 2 т. – Кызыл, 1974.

Сүрүң-оол, 1 т, 1991 – Салим Сүрүң-оол. Чогаалдар чыындызы. 1 т. – Кызыл, 1991.

Сүрүң-оол, 2 т, 1974 – Салим Сүрүң-оол. Чогаалдар чыындызы. 2 т. – Кызыл, 1974.

Сүрүң-оол, А-Т – Салим Сүрүң-оол. Ак-Төш. – Кызыл, 1984.

Сүрүң-оол, НО – Салим Сүрүң-оол. Ногаан ортук. – Кызыл, 1986.

Сүрүң-оол, 2 т, 1992 – Салим Сүрүң-оол. Чогаалдар чыындызы. 2 т.: Тоожулар, шиилер. – Кызыл, 1992.

Танов, ХЧ – Танов Монгуш. Черниц хайыралы: шүлүктөр. – Кызыл, 1976.

Танова, АДТ – Е.Танова. Акым дугайында тоожу. – Кызыл, 1976.

Танова. ИСХ – Е.Танова. Иениң салым-хуузу. – Кызыл, 1991.

Тамба, УҮ – Тамба Салчак. Үелерниц үскүлежииники: тоожу, чечен чугаалар. – Кызыл, 1984.

Тирчин, К – Моторк Тирчин. Күдээлер. – Кызыл, 1992.

Тока, 5 т – Салчак Тока. Чогаалдар чыындызы: 5 т. – Кызыл, 1976.

Улуг-Хем 78 – Улуг-Хем, 78. – Кызыл, 1991.

Пюрбю, ДО – Сергей Пюрбю. Делгемнерже орук: тоожулар. – Кызыл, 1961.

Чамыяң, ЧХ – Кок-оол Чамыяң. Часкы хөөннер. – Кызыл, 1984.

Чамыяң, КЧ – Кок-оол Чамыян. Кыштагда чырык. – Кызыл, 1977.

Эргеп, Т-УК – Монгуш Эргеп. Танды-Уулаһың кижилери. – Кызыл, 1991.

Условные обозначения

1, 2, 3 – лицо

ABL – исходный падеж

ACC – винительный падеж

AUX – вспомогательный глагол

DAT – дательный падеж

GEN – родительный падеж

NOM – именительный падеж

PL PI – множественное число

POSS – посессивность

POSSV – форма обладания

PTCL – частица

MOD – модальная

PP – причастие прошедшего времени

PF – причастие будущего времени

PASS – страдательный залог

Sg – единственное число

N.Ch. Sereedar

Basic Models of Elementary Simple Sentences and Their Paradigms in Tuvan Language

The article is devoted to the characterizing models and their paradigms. In the system of characterizing models, the central one is the class fitting model (NNOM NNOM (COP)). It is systematically opposed by a model that expresses a specific feature of an object or person {NNOM a (SOR)} with a structural variant {NNOM ANNOM (SOR)}, which not only expresses the feature of an object or person, but also reveals the occurrence of an object in the generic concept, and also conveys a modal-stylistic shade. The EPP model in the Tuvan language has paradigmatic variants. Paradigmatic variation of the model is determined by syntactic categories of face, number, time, modality. In characterizing sentences, built on the model of {NNOM NNOM (SOR)}, this specific time corresponds to the bunch-particle =dyr: proposals, built on the model of {NNOM A (SOR)}, the conjunction particle =dyr conveys the modal meaning of 'is'. To express the past tense in all characterizing sentences are used links tur= and chor= in appropriate forms. They are opposed to each other by shades of time values. In the future tense appears links bol= in the form bol=ur. In all models the characterization of the links tur= and chor= vary on the semantics: predicates 'N chor=an', 'A chor=an', always concluded the value of remoteness in time; the predicate 'N tur=gan', 'A tur=gan' transfer neutral time value.

Keywords: elementary simple sentence, the model, the plan of expression, plan of content, a proposition, a paradigm, present tense, past tense, future tense.

Н.В. Покатилова

DOI: 10.25693/LGI2218-1644.2018.04.012

УДК 398.2:(821.512.157+061-057.4)

Возвращение к истокам: фольклорно-мифологическая парадигма в литературном и научном творчестве П.А. Ойунского

В статье обосновывается необходимость комплексного подхода к изучению литературного и научного творчества П.А. Ойунского как определенной творческой целостности. Отношение к устной традиции, по-разному и в различных контекстах акцентируемое в творчестве П.А. Ойунского, между тем как нельзя лучше выявляет его цельность как личности в этом вопросе. По текстам П.А. Ойунского, как литературным, так и научным, предпринята попытка последовательной реконструкции того, как формировалось творческое преломление им устной культуры народа. Скрытая логика повествовательных возможностей в его текстах позволяет сделать предположение о том, что в этом вопросе П.А. Ойунский пошел дальше своего предшественника – поэта А.Е. Кулаковского. Новизна творческого переосмысления П.А. Ойунским устной традиции народа нашла выражение в прецеденте создания инвариантного текста олонхо о Нюргун Боотуре, в воссоздании в стихотворной («Красный Шаман») и прозаической («Великий Кудангса») формах мифологической основы этой традиции. Общая тенденция освоения фольклорного материала обусловлена включенностью этого процесса в творческую биографию П.А. Ойунского на всех этапах ее формирования, эволюцией автора в последовательном движении от стилистической организации поэтического языка фольклора к мифу, к воссозданию в литературном тексте его нарративной структуры и мифологической семантики.

Ключевые слова: устная традиция, устная и письменная культура, творчество, миф, фольклор, поэтический язык, поэтическая функция.

В современной гуманитарной науке назрела необходимость целостного, когнитивного подхода к осмыслению творческой личности П.А. Ойунского и его наследия как в плане разработки новейших методологических подходов в определении места и роли этой незаурядной личности в интеллектуальной традиции XX в., так и в плане преемственности с ней на современном этапе развития гуманитарной науки.

К проблеме творческого начала в наследии П.А. Ойунского. В какой бы сфере не работал П.А. Ойунский (от государственного деятеля до директора издательства и основателя научно-исследовательского Института), определяющим всегда оставалось понимание им истоков и закономерностей функционирования культуры народа. Однако к целостному осмыслению этой культуры и ее творческому воспроизведе-

нию в словесном искусстве П.А. Ойунский приходит не сразу, а через всю свою биографию вначале поэта, а затем писателя. На всех этапах жизненного пути не прекращалось его литературное творчество, что позволяет рассматривать его как основную *творческую* ипостась Ойунского-художника. Сущностной основой этой деятельности были всегда, с одной стороны, знание традиции как «своей», так и «чужой», с другой – владение традицией, умение слагать строки, и поэтический дар, который восходит к эпическому сказительству, однако реализуется в литературном сочинительстве. Это двуединство «знания» и сказительского, по сути, «умения» предопределило в конечном счете воплощение им подлинно поэтического начала в своем творчестве.

Поэтический дар был определяющим в П.А. Ойунском не столько как одна из форм реализации его личностного потенциала, сколько как способ осмысления современной ему действительности в творческом ключе. В основе этого процесса – масштаб и многогранность личности П.А. Ойунского. Понятие творческого начала в биографии писателя со временем начинает приобретать более широкий смысл. В последние годы его жизни расширяется само представление о творческом начале, в известной мере оно трансформируется в цели и задачи научной деятельности. Наука, а гуманитарная наука в особенности, представляется ему особым видом творчества. Именно эта идея в промежуток между 1935 и 1937 гг. легла в основу концепции создаваемого им Института. Параллельно с этим в его литературном творчестве реализуются совершенно новые повествовательные возможности, связанные с творческим переосмыслением «устного типа культуры» [Покатилова, 2015, с. 102].

Отношение к устной традиции: цельность позиции П.А. Ойунского в этом вопросе. Цельность творческой личности П.А. Ойунского в наибольшей степени проявляется в его *отношении к устной традиции* народа. Это отношение П.А. Ойунский пронес через всю творческую биографию поэта и писателя, разносторонность государственного деятеля и впоследствии широту ученого-лингвиста, фольклориста, директора-организатора научного Института. Речь в данном случае идет не столько о

влиянии и значении родного фольклора в современных ему условиях, даже не о фольклоризме писателя, как таковом, сколько об *особом типе творческого преломления* народной традиции. Суть его заключается в использовании и воспроизведении автором закономерностей построения и системной основы устной традиции в литературной и научной рефлексии. Исследовательский ракурс в этой связи обусловлен выявлением логики повествовательных возможностей, скрытых в текстах самого Платона Ойунского.

Ранний период творчества, несмотря на отдаленность тематики от фольклора, определяется широтой апробации стилистических средств и аллитерационных созвучий устного происхождения, но при этом речь скорее может идти о прямом заимствовании языка фольклора в ранних произведениях. Ярким примером этого является текст «Таатта оҕото Дьаралыктыяа Былатыан» (1917), где репрезентация авторского «я» сходна с тем, как дается имя собственное эпического героя в стилистике олонхо.

Поворотным представляется 1925 год – время выхода «Красного Шамана», споры о котором не утихали вплоть до конца 1930-х гг. На смену одической направленности творчества и революционным песням 1920-х гг. приходит амбивалентность смысла при том совершенстве поэтической техники, которое восходит к устной традиции, точнее, к поэтическому языку этой традиции как данности и целостности, отточенной веками сказительским мастерством.

Кризис 1926–1928 гг., пережитый П.А. Ойунским, привел к обоснованию им собственного поэтического пути, к рождению поэта, имеющего уже свою, индивидуальную, биографию. Для поэзии рубежа конца 1920-х и начала 1930-х гг. характерно становление медитативных форм, формирование того скрытого лирического начала, в котором все очевиднее проявляются балансирование героя на грани двух крайних состояний – разрушительного и созидательного, усиление метафоричности и символизация языка поэзии, обращение к разным по принципу речевой организации родовым образованиям литературы, например, к драме как роду литературы и как жанру.

Этот же этап творческой эволюции Ойунского-поэта на рубеже конца 1920-х и самого на-

чала 1930-х гг. знаменуется тем, что в споре-отталкивании от современных ему молодых поэтов обосновывается кардинально иное понимание поэтического слова, его творческой основы, восходящей в конечном счете к специфике и порождающему механизму поэтического языка устной традиции. Именно к этому периоду относится работа П.А. Ойунского над написанием и изданием отдельных песен олонхо о Нюргун Боотуре (1929–1931 гг.). В этом случае поворотным вновь становится обращение к устной традиции народа, к наиболее развитой части этой традиции – к эпосу олонхо. Характерной чертой этого интенсивного периода творчества П.А. Ойунского становится двуплановость выражения как в собственно художественных текстах, так и в нехудожественных – научных и публицистических статьях и выступлениях. Именно поэтому данный, достаточно сложный период характеризуется появлением ряда работ теоретического плана («Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание», 1927; «О теории якутского стихосложения», 1928), в которых степень опоры на устную традицию приобретает принципиальный характер не только в качестве точки отталкивания, но и в качестве предвосхищения последующего творчества самого П.А. Ойунского.

В эпоху смены парадигм на рубеже 1920-х и 1930-х гг. происходит кардинальная перестройка сознания поэта, связанная с тем, что революционный ниспровергатель устоев прошлого становится на защиту фольклора и эпической традиции олонхо. При этом сам он получает обвинения в мистицизме, символизме и даже в формализованности поэтического языка, восходящего, в свою очередь, к защищаемой им традиции.

Об эволюции от фольклора к мифу. Обращение П.А. Ойунского к фольклору сразу в двух произведениях – «Красный Шаман» (1925) и «Великий Кудангса» (1929) – символически означает его переход от фольклора к мифу. Намечавшаяся к концу 1920-х гг. эволюция авторского самосознания от фольклора, в его преимущественно стилистической орнаментальности, к мифу впервые в его семантической и одновременно нарративной (сюжетной) составляющей становится определяющей для последующего, неоднозначного решения проблемы фольклорного, точнее, фольклорно-мифологического, начала в литературном творчестве.

В этом вопросе П.А. Ойунский продолжил то, что было начато А.Е. Кулаковским, однако в сложившихся условиях пошел дальше своего предшественника. Преемственность с Кулаковским сказалась в выборе героя – сакральной фигуры шамана, но в повествовательном плане решается не только и не столько в плоскости фольклора, сколько в области наиболее архаичной, скрытой мифологической семантики, как основы «мировоззрения древнего якута», отложившейся в олонхо [Ойунский, 1962, с. 194]. Результатом этого явилось создание П.А. Ойунским своеобразного текста-«мифа», в повествовательной структуре которого, с одной стороны, используются фрагменты архаичных мифов традиции, с другой – находит выражение ценностно-иерархическая амбивалентность самого мифа. В целом это движение от «Красного Шамана» к «Великому Кудангсе» следует обозначить как эволюцию от вербально-магической стороны фольклорного слова к семантической неоднозначности мифа, как части ритуальной основы культуры. Творческим завоеванием П.А. Ойунского стало воплощение в литературном тексте мифа как нарратива. Впервые были воссозданы собственно повествовательные аспекты мифологической модели, литературный текст впервые в якутской культуре предстает как результат определенного процесса мифотворчества в области авторского повествования.

На рубеже 1920–1930-х гг. П.А. Ойунский работает над созданием своего олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Текст олонхо предварялся двумя стихотворными вступлениями, каждое из которых представляет собой самостоятельный текст. С одной стороны, наличие двух вступлений отсылает к «Фаусту» Гете (пролог на небесах и театральный пролог), с другой – в первом из них есть соотнесенность с пушкинским поэтическим вступлением к «Евгению Онегину» (1829). Такого рода отсылки не случайны для Ойунского-поэта. В основе двух вступлений – отчетливая продуманность автором своего поэтического замысла и его реализации. В первом случае – это описание творческого процесса создания олонхо. Здесь представлены формульно выраженная характеристика автора-создателя с указанием его имени и места рождения, как фактов индивидуальной биографии поэта, полное формульное имя эпического

героя и, наконец, акцентирован фактор, предопределивший «деланность» олонхо (*олорон/суруйбут/ Оноһуллубут олонхо – «сев/ Написал/ Сделанное олонхо»*). Тем самым подчеркивается принадлежность созданного текста к письменной, а не к устной традиции. Во втором случае перед читателем предстает картина исполнения олонхо сказителем, увиденная со стороны (*Олонхолоон оһонньор барахсан*). В тексте появляется позиция «стороннего наблюдателя», его взгляд на происходящее «извне». Такое отношение к традиции в целом, закрепленное поэтически, восходит к отдельным произведениям А.Е. Кулаковского («Певец» и «Наступление лета»), где впервые появляется фигура Певца, носителя устной традиции. Однако Ойунский-поэт не ограничивается «сторонним» взглядом, для него важнее через «отстраненную» фигуру сказителя увидеть текст, объективированность эпического повествования в нем.

Для Ойунского 1935–1937 гг. оказываются наиболее насыщенными и многоплановыми по развернутости творческих поисков. В литературном отношении Ойунский-прозаик перерастает на этом этапе Ойунского-поэта. Так называемая «историческая» проза якутского писателя («Александр Македонский», «Соломон Мудрый») на самом деле представляет собой апробацию повествовательных возможностей прозы вообще, не ограниченной, по сравнению с поэзией и драмой, своими объемами и рамками, но имеющей особые законы построения и выражения авторской позиции. Обратившись к прозе так таковой, Ойунский-поэт как всегда обнаруживает неисчерпаемость ее возможностей. В этом плане его прозаическое произведение со стихотворными (по типу песенных) вставками «Удалец молодой – Дорогунов Николай» (1936) свидетельствует о том, что на этом этапе творческой эволюции произошли кардинальные изменения в поэтике самого П.А. Ойунского. Это произведение навеяно, с одной стороны, автохтонной фольклорной стилистикой и формульным языком, но, с другой – в нем обнаруживаются элементы заимствованной сюжетной тематики, восходящей к «своей» (устные рассказы об удалом разбойнике) и «чужой» литературе, в т.ч. к традиции, возможно, древнерусской повести и русских фольклорных песен о «Горе-Злочастии», хотя при этом очевидна одновременная

ориентация автора (и вполне осознанно – читателя) на традицию смешения эпической рецитации и пения, знакомую по якутскому олонхо.

Общая тенденция к прозе, наметившаяся у писателя в 1929–1931 гг., отличается в относительно позднем творчестве 1935–1937 гг. тем, что важными для автора становятся принципы творческого преломления любого материала, в равной степени как фольклорного, так и заимствованного из другой литературы. Индивидуальный же способ трансформации оказывается всецело зависимым от уровня авторского самосознания на данном этапе творческого становления.

Для творческого пути П.А. Ойунского это произведение по-своему утверждает цикличность возвращения к своим истокам на новом витке литературного развития. Переключка эпитетов в названиях *«Таатта оһото»* и *«Дойду оһото»* и имени собственном (*«Дьаралыктыһа Былатыан»* и *«Дорогуунап Ньукулай»*) – не что иное, как возвращение к фольклорно-мифологическим истокам традиции, одновременно отталкивание от них, и то возвращение мифа, выявляемое «в самом приеме повторения и благодаря ему», о котором писали многие исследователи поэтики мифа (К. Леви-Строс [Леви-Строс, 1985, с. 206], Е.М. Мелетинский и др. [Мелетинский, 1995, с. 277–278]). Применительно к творчеству П.А. Ойунского, эти два произведения означают циклическое начало и конец поэтического пути, символизирующего возвращение к мифу в нарративной плоскости: с позиций осознания условности поэтического языка. В первом случае это было создание *Имени* поэта в стилистике устного эпического повествования, во втором – создание *Текста*, значимого уже для новой повествовательной литературы, а между ними располагается вся «судьба поэта» в созданных им нарративах. Поэт, с одной стороны, «установитель имен» в мифологическом смысле, выражающий их в звуках, в творении словом, с другой – создатель текста, «основного мифа» в его обязательной нарративной последовательности. При этом в специфике творчества происходит обратное воздействие: автор создает текст, но только текст делает его Поэтом.

Общая тенденция к прозе, наметившаяся у писателя в 1929–1931 гг., отличается в относи-

тельно позднем творчестве 1935–1937 гг. тем, что важными для автора становятся принципы творческого преломления любого материала, в равной степени как фольклорного, так и заимствованного из другой литературы. Индивидуальный же способ трансформации оказывается всецело зависимым от уровня авторского самосознания на данном этапе творческого становления.

Обращение к прозе сопровождается интенсивностью и глубиной переводов А.С. Пушкина, что следует рассматривать не столько как результат подготовки к столетней годовщине смерти поэта, сколько как новое осмысление жизненного пути «родоначальника новой русской литературы» [Ойунский, 1962, с. 71]. Показательно, что обращение А.С. Пушкина к прозе и к истории, совпавшее с 1830-ми гг., также не было понято его современниками, продолжавшими видеть в нем только поэта 1920-х гг., что не раз было отмечено отечественными пушкинистами (Ю.Г. Оксман [Оксман, 1984], Г.А. Гуковский и др.), пережившими, кстати, репрессии. Через 100 лет аналогичная ситуация повторилась по отношению к творчеству якутского поэта. В этой связи следует отметить всего лишь один фактор в творческом пути якутского писателя. Речь идет о пушкинском влиянии, следы которого, по всей видимости, обнаруживаются и в характере лирической интонации, появившейся в поэзии Ойунского в 1936–1937 гг. (стихотворения «Ожидание», «На могиле матери»), и в прозе, и в своеобразии перевода им пушкинских текстов, и в особом характере историзма Ойунского-писателя, типологически соотносимого с творчеством А.С. Пушкина 1830-х гг.

К понятию «литературности» в наследии П.А. Ойунского. Определяя специфику литературы, Р.О. Якобсон ввел понятие «литературности», обусловленной поэтической функцией создаваемых текстов [Якобсон, 1987, с. 81]. Категория «литературности», помимо поэтического начала, означает еще направленность создаваемых текстов друг на друга, установку в них на «сообщение, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [Якобсон, 1975, с. 202]. Эта сущностная черта литературной деятельности нашла отчетливое выражение и в творчестве П.А. Ойунского.

В наследии якутского писателя, наряду с литературными произведениями, может быть выделена целая сфера авторских высказываний в виде научных работ («Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание», 1927; «О теории якутского стихосложения», 1928), различного рода публицистических выступлений («О якутском языке и литературе», 1936; «О значении столетнего юбилея смерти Пушкина и наши задачи», 1937 и др.), в т.ч. по поводу смерти «первого поэта» – А.Е. Кулаковского («*Бырастыы*» – «Прощай!!!»), опыта критического осмысления других авторов («Несколько слов об Абагинском»), в т.ч. острополемического («Спекулянты от литературы»), откликов на перевод (1930), а также различных, далеко неоднозначных, оценок «Красного Шамана» и др. С течением времени в литературном сознании формируется то, что похоже на эпическую среду в устной традиции, но, разумеется, не сводится к ней, представляя собой полемическую среду литературных отношений.

Споры о путях развития якутского литературного стиха, начавшиеся у молодых поэтов с полемики с А.Е. Кулаковским, вернее, с одной из его последних работ («Правила якутского стихосложения», 1925), по существу, заострили внимание на наследии прошлого, включая поэзию самого Кулаковского и его опыт аллитерационного стиха, и в результате привели к постановке вопроса о неактуальности в новых условиях устной фольклорной традиции. Про-«рапповский» настрой некоторых молодых поэтов (С.Р. Элляй, В.Г. Чиряев и др.) в ряде критических выступлений (В. Чиряев «Олонхо не улучшит жизнь», С. Элляй «Что мы воспеваем?») в свою очередь вызвал ответную полемическую реакцию П.А. Ойунского, но реакцию, преимущественно творческого, литературного, плана. В этом контексте следует рассматривать появление литературных эпиграмм («Песня о похоронах Ойунского», 1929), пародийных имитаций «чужой» стиливой манеры («Песня Кюндэ», «Подражание (Чабыргах)», 1930), а также создание четвертой и последующих песен олонхо о Нюргун Боотуре (1932).

Все это в целом дает представление об авторской рецепции «своего» и «чужого» творчества, но имеет при этом и более широкое значение. С именем П.А. Ойунского связано становление

особой совокупности текстов, воссоздающих процесс творческого общения и формирующих литературную среду, а сами тексты поэта приобретают в данном контексте значение «литературного факта» в том его понимании, которое восходит к работам Ю.Н. Тынянова [Тынянов, 1977, с. 257, 269, 270].

Поэтический язык П.А. Ойунского, начиная с конца 1920-х и 1930-х гг., причем не только в поэзии, но и в области драмы и прозы, авторефлексивен в том плане, что каждое поэтическое произведение, независимо от его объема и установки на «литературность», является целостным высказыванием, в основе которого – творческое, поэтическое, начало. В случае, когда речь идет о творческом преломлении поэтического языка устной традиции, целостность языка произведения уподобляется всей совокупности этой традиции, ее поэтическому языку в целом, а не отдельным его уровням, фигурам речи или иным частичным сегментам. Об этом свидетельствует все то, что было создано П.А. Ойунским в рассматриваемый промежуток времени.

От литературы к гуманитарной науке: концептуальность авторского видения. Одним из лучших проектов Ойунского-организатора следует признать созданный им Институт языка и культуры при СНК ЯАССР, те идеи, которые легли в его основание. То, что было сделано ИЯиК в последующие десятилетия, в 1940–1950-е гг. – это лучшее продолжение П.А. Ойунского после его трагической гибели. Во главу угла в этом концептуальном продолжении был поставлен вопрос об отношении к устной традиции – к памятникам устной культуры народа и не только якутского, но и всех народов Северо-Востока Сибири (народов Севера, русских старожилов, что входило в задачи Северной экспедиции ИЯиК). В первые же годы в институте целенаправленно создается сеть корреспондентов и начинается работа по научному собирательству фольклора. Одним из первых проектов ИЯиК становится организация экспедиции по вилюйской группе районов. В подготовке экспедиции принимали участие все сотрудники института. Одним из последних устных распоряжений П.А. Ойунского перед арестом было, как можно скорее отправить в экспедицию А.А. Саввина и С.И. Боло [П.А. Ойун-

ский ..., 2003, с. 52, 146]. Действительно, оба собирателя, несмотря на невероятно сложные условия, смогли собрать уникальный материал комплексного характера по ритуальной и вербальной культуре народа саха, по взаимодействию разных культурных традиций в этом регионе.

В научных проектах Института языка и культуры нашли логическое завершение идеи П.А. Ойунского о качественно новом, научном уровне фольклорного и этнографического собирательства; о создании фонда записей олонхо по всем эпическим районам Якутии; о важности мифологической основы фольклора; о необходимости системного изучения языка и письменности, отсюда и название одного из ведущих отделов ИЯиК; о понятии поэтического языка национальной традиции; о первоочередности изучения древней истории в комплексе устных и письменных источников («письмена древности»); о мифологической основе культуры; о ее типологическом единстве в рамках мировой цивилизации; наконец, идеи о культуре народа и культуре в широком понимании. Все они нашли воплощение в первоначальной концепции Института и в структурировании его внутренних подразделений (секторов). Следствием этого явилось введение понятий «язык» и «культура», в широком понимании, – в название Института.

Писательство как род занятий и многогранная деятельность П.А. Ойунского, в т.ч. по созданию института, позволили ему сплотить вокруг себя ядро интеллектуальной традиции того времени, где одним из основных вопросов становится проблема творческого преломления, осмысления и отношения к устной культуре народа.

Как всегда, две формы творчества – литература и наука – становятся определяющими для П.А. Ойунского, что еще раз свидетельствует о невероятной цельности его творческой личности. П.А. Ойунский продолжил то, что не успел в литературе А.Е. Кулаковский, а в науке – блестяще осуществил Г.В. Ксенофонов. П.А. Ойунский как организатор науки одним из первых понял значение личности Г.В. Ксенофонтова, пригласив его в качестве одного из первых сотрудников.

Общая тенденция творческого становления П.А. Ойунского и преломления в этом становлении устной традиции народа может быть обозна-

чена как эволюция *от фольклора к мифу* в их литературном воплощении, а собственная эволюция творчества – как многоплановое движение от эпоса и эпических форм к лирическому началу авторского самовыражения. П.А. Ойунский был тем писателем, для которого в первую очередь были характерны специфические эпические формы, но волею судьбы он стал олицетворением трагизма индивидуальной биографии поэта в России, что, кстати, нашло выражение в лирическом начале, характерном для ряда его стихотворений 1930-х гг., в переводах последних лет из А.С. Пушкина [Покатилова, 1998] и в экспериментальном характере его поздней прозы.

Отсюда и та творческая многоплановость Ойунского-писателя, которая сродни пушкинскому началу в русской и мировой литературе, то, что в интерпретации Ф.М. Достоевского в знаменитой речи о поэте звучало как Пушкин – это «наше все». Если А.Е. Кулаковский еще задолго до создания своих первых литературных текстов (в 1896–1897 гг.) проецировал на себя и на свое будущее творчество пушкинский опыт создания литературы, то П.А. Ойунский – один из немногих, кому удалось осуществить творческую разноплановость пушкинского типа. Не случайно в самые тревожные годы конца 1936-го и начала 1937-го, по свидетельству очевидцев [Статьи..., 1969, с. 174–175], у П.А. Ойунского появляются раздумья о горестной судьбе певца, о его символическом одиночестве, восходящем к мифологическому одиночеству эпического героя (Эр Соботох) [Мелетинский, 1998, с. 365–371], а в творчестве (литературном и публицистическом) намечается устойчивый, полный символических смыслов, интерес к творчеству, жизни и даже к смерти А.С. Пушкина.

Литература

Леви-Строс К. Структурная антропология. Гл. XI: Структура мифов. – М.: Вост. лит., 1985. – 536 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – 2-е изд., репринтное. – М.: Вост. лит., 1995. – 407 с.

Мелетинский Е.М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Мелетинский Е.М. Избр. статьи. Воспоминания. – М.: РГГУ, 1998. – С. 360–381.

Ойунский П.А. Сочинения: в 7 т. 1958–1962. Т. 7. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – На якут. яз.

Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А.С. «Капитанская дочка». – 1-е изд. / подгот. Ю.Г. Оксман. – Л.: Наука, 1984. – С. 45–199.

П.А. Ойунский – директор научно-исследовательского Института языка и культуры при НК ЯАССР (1935–1937 гг.): сб. документов. – Якутск: Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2003. – 166 с.

Покатилова Н.В. Переводы П.А. Ойунского из А.С. Пушкина // П.А. Ойунский: взгляд через годы: сб. науч. ст. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 150–153.

Покатилова Н.В. Литературное творчество П.А. Ойунского в контексте смены парадигм XX века // П.А. Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель: матер. регион. науч.-практ. конф. с рос. и междунар. участием. – Якутск, 2015. – С. 99–104.

Статьи и воспоминания о П.А. Ойунском (1893–1968) / ред. Г.Г. Окорочков. – Якутск: Кн. изд-во, 1969. – 230 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / сокр. пер. И.А. Мельчука // Структурализм «за» и «против»: сб. ст. – М.: Прогресс, 1975. – 467 с.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 462 с.

N.V. Pokatilova

Return to the Origins: Folk-Mythological Paradigm in the Literary and Scientific Works of P.A. Oyunsky

The article substantiates the need for an integrated approach to the study of the literary and scientific creativity of P. Oyunsky as a certain creative integrity. The attitude of the oral traditions, in different ways and in different contexts focused in the work of P.A. Oyunsky, meanwhile, could not be better reveals his integrity as individuals in this matter. According to the texts of Oyunsky, both literary and scientific, an attempt was made to consistently reconstruct how the creative refraction of the oral culture of the people was formed. Hidden logic of narrative possibilities in texts Oyunsky allows us to make an assumption that in this matter he went further than his predecessor, the poet A.E. Kulakovskiy. Novelty creative interpretation of P.A. Oyunsky oral traditions of the people found expression in the precedent of creating invariatio text Olonkho about Nurgun Bootur, recreating in verse ("Red Shaman") and prose ("the Great Kudangsa") forms the mythological basis of this tradition. The General trend of development of folklore material is due to the inclusion of this process in the creative biography of P. Oyunsky at all stages of its formation, the evolution of the author in a consistent movement from the stylistic organization of the poetic language of folklore to the myth, to the reconstruction in the literary text of its narrative structure and mythological semantics.

Keywords: oral tradition, oral and written culture, creativity, myth, folklore, poetic language, poetic function.

B.E. Васильев

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.04.015

УДК 256:81'373.46

Термины шаманизма, не вошедшие в «Толковый словарь якутского языка» (к проблеме мифо-религиозных и семантико-этимологических параллелей)

В статье вниманию читателей предлагаются полузабытые слова из лексики шаманизма народа саха. Эти термины, вводимые нами в научный оборот, важны в том смысле, что могут внести некоторую ясность в вопросы о времени возникновения шаманов и их культовых практик. Известно, что архаичные символы лежат в основе многих современных ритуалов, сакральный смысл которых иногда теряется. Для восстановления забытых религиозных терминов нужно применять всесторонний анализ, объединяющий материалы этнографии, лингвистики, семиотики и фольклора. Этимологические и семантические параллели терминов дают повод утверждать, что шаманизм имеет общие истоки у всех народов алтайской языковой семьи. Здесь мы приводим термины, которые в совокупности объединены архаичным культом богинь-матерей и плодородия, чётко прослеживаемым в шаманстве народов Сибири и Центральной Азии.

Ключевые слова: саха, тюрки, монголы, шаманизм, шаман, мифы, ритуалы, предки, божества, образы, термины, семантика, этимология.

В ряде предыдущих статей автор этих строк выдвигал тезис о том, что в основе шаманизма саха лежал культ плодородия, который был связан с почитанием предков и божеств. Здесь архаичные термины выбраны по принципу триады «земля – гора – небо». Они отражают преемственность культов богинь-матерей, тотемов и предков. При этом устойчиво наблюдается мотив мифов, в которых женские божества уступают место мужским творцам, передавая

© Васильев В.Е., 2018

им свои функции и сакральные атрибуты. Для подтверждения этого факта приведем некоторые примеры из этнографии саха.

Ийэһит – ‘повивальная бабка’ (=Айыыһыт). В обрядовом заклинании *алгыс* северных саха приводится миф из эпоса, согласно которому дети божества Үүттээх таас олбохтоох Үрүн Аар Тойона и его супруги-старухи Күн Дьиэһигэй эмээхсин, семеро посланцев *айыы түөрэхситтэрэ* спускают на землю семь божественных сестёр для того, чтобы они под патронажем богини земли стали хозяйками рек. При этом самая младшая сестра Хара Ньырахсын хатын была безногой и покрытой пыжиковой оболочкой. Оставшись одна в том месте, где её бросили, она поползла на восток и увидела одну юрту. Войдя в жилище, дева увидела беременную семнадцатилетнюю девушку, у которой начались предродовые схватки. Она распустила свои волосы, развязала все петли и пуговицы одежды и обуви, распахнула соболью шубу, сдвинула на затылок шапку с бляхой *бэлиэ* и приняла девятимесячного мальчика со счастливой судьбой. Таким образом, она стала на земле первой повитухой *ийэһит*. И по велению божества-отца её называли Андаҕардаах Аан Айыыһыт Тойон («Клятвенная священная Создательница господин») [Жирков, 1945, л. 1–2].

Этот миф содержит довольно интересные сюжеты. Так, рождение девы без ног в оболочке оленихи напоминает шаманов, рождавшихся «в рубашке». Клятва *андаҕар* в эпитете Айыыһыт подчёркивает, что она через болезнь *босхон* прошла инициацию повивальных бабок. При этом мужской титул *тойон* ‘господин’, добавленный к имени богини, приравнивает её к творцам лошадей особых мастей, которые тоже присваивали себе женский эпитет *айыыһыт*. Сюжет о «безногости» встречается в былинах о героях, до 30 лет прикованных к постели из-за паралича *босхон*, и только жертва из шкуры быка *оһус кэрэх*, посвящённого «корню» болезни *босхон төрдө*, могла поставить их на ноги [Саввин, 1937–1941, л. 8]. Видимо, поэтому воинов привязывали к толстому дереву (символ смерти) и надевали броню *куйах*, вселяя в них дух *илбис* в образе девы-ястреба Маҕан Кырдай удаҕан [Боло, 1929–1936, л. 11–12]. Добавим, что она считалась одной из семи божеств Дьөһөгөй айыы.

Образ оленихи, праматери повитух, присутствует в другом *алгысе*, в котором имя создательницы рогатого скота и хозяйки хлева *хотон* звучит как Хаан Айыы, Бууҕа хатын [Боло, 1936, л. 224]. Теоним Бууҕа указывает на то, что в старину богиня Айыыһыт превращалась в марала или матёрого лося *буур тайах*, которые в наскальных рисунках изображались с солнцем на рогах [Окладников, 2013, с. 137]. У тунгусо-маньчжурских этносов вселенская лосиха Буга (Боа) происходила от земли *бу*, что подчёркивает первичность зооморфной богини земли [Сем, 2013, с. 45–47].

В этом свете бесспорна связь термина *тайах* ‘сохатый’ с монг. *тай* ‘шатёр, крыша’; *тайр* ‘самец марала’ (каз. *еркек буғы*), *ой тайга* ‘густой лес’, *тайлга*, *тай-х* ‘почитать, поклоняться’ [Монгол-казах толь, 1984, с. 444, 445, 446].

Земля не существует без воды, а оленя легко заменить степным конём. Это заметил А.Н. Самойлович, который привёл куманскую загадку «*Бу барды, изи йок*» («Олень / лось пошёл, следа нет»). Автор расшифровал слово *буу* ‘лось’, ‘олень’ на основе загадки саха: «Кобыла пробежала и следа не оставила». Отгадка – лодка [Самойлович, 2005, с. 194]. Современные саха эту загадку озвучивают так: «*Сур биэ суола суох*» («Серая кобыла не оставляет следа»). При этом слово *сур* ‘серый’ в загадке употребляется для выражения цвета воды *уу* (тюрк. *су*) в светлый день. Образ лошади (лодки или плота), плывущей по реке, встречается в мифах об Эллэе. Весьма вероятно то, что як. *аал* ‘плот’ неслучайно совпадает с алт. *чалу* ‘бубен’, ибо бубен (серый конь шамана – *сур сонобос*) был одновременно «мостом», а плот для переправы через водные преграды тюрки делали из шкур, чулком снятых с животных и надутых воздухом. Отсюда происходит представление о рыбе-дереве *балык мас* в виде стреловидной перекладкины, на которую вешали шкуру или чучело жертвенной лошади *табык*.

Культ оленя и лося, существовавший с неолита, был общим для всех предков тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов. Тунгусский след обнаруживается в имени богини Нэлбэй Ийэһсит, Сиэллээх Айаама Дархан Хаан Айыыһыт, упоминаемой в *алгысе* между Дьүһэгэй айыы и парой предков Моннол тойон и Моннол хотун [Ксенофонов, 1921–

1925, л. 23–25]. Здесь заметим, что «гривастая» (*сиэллээх*) Хаан Айыыһыт носит почётный титул *айаама дархан*, созвучный с именем духа Аями, дающего шаманам нанайцев, ульчей и удэгейцев зеркала и бубенцы, висащие на ветвях волшебного шаман-дерева. Иногда этот дух представлялся в образе медведя [Сем, 2011, с. 301].

Дерево с бронзовыми зеркалами напоминает шаманскую корону из оленьих рогов, а в эпосе олонхо упоминаются умершие шаманки и шаманы, имевшие «ветвистые» головы *арык бас* [Слепцов, 1994, с. 82]. В бурятской сказке приводится сюжет о золотом блюде *толи*, сверкающем на дне бурной горной реки. На самом деле зеркало *толи* лежит на вершине гольца *сарыдак*, и герою сказки, тайком сохранившему отцу жизнь, спрятав его в мешок *тулун*, зеркало подбрасывает копытом горный козёл, уходящий вверх. Отсюда произошла поговорка: «Волшебство горного козла – в копытах его...» [Небесная дева-лебедь..., 1992, с. 204–205].

Название жёлтой горы Сары Даг является тюркизмом, и на вершине священной горы стояла «медная лань» *жес кийик*, сохранившаяся в фольклоре казахов о сотворении домбры. Казахская поговорка гласит: «Вселенная – лань, а человек – собака». Кожаный мешок *тулун* тоже напоминает тюркское слово *толун* ‘полнолуние’. Неслучайно в «Эллэйаде» имеется миф о том, что Эллэй изготовил большой мешок из 30 бычьих шкур, посадил в него отца и, приторочив к правому боку коня, перевалил через Саянские горы. Здесь 30 быков, шкуры которых снимались для изготовления особого мешка для предка, олицетворяли огузских тотемов людей *айыы*, носящих этноним «*сахха байаан*» («*сакка байаан*») [Саввин, 1941, л. 69].

Монгольские духи *онгод* по-казахски называются *аруах*, *кие*, *ие*, *жын*, а глагол *онголо-х* обозначает *табыну-* ‘почитать’, ‘поклоняться’; *ардактау-* ‘уважать’ [МКТ с. 368, 369]. Так, *киелі тау* с казахского переводится как ‘священная гора, имеющая духа’. Вероятно, у казахов духом *кие* священной горы была лань *кийик*. Примечательно, что у монголов слово *онгоц* обозначает лодку *кеме* и самолёт (ср. с як. *көтөр аал* – досл. ‘летающий плот’), что семантически совпадает с лодкой *онгочо*, несущей идолов *онгод* по реке смерти *өлүү уута*.

В эпосе саха герой спускается в Нижний мир к кузнецу Уус Хаан Кытатай Бахсы, превратившись в жидкий пузырь *уу кэбэй кыыл*, обычно выходящий перед родами домашнего скота или человека. Там герой от имени Сээркээн Сэһэна просит изготовить панцирь *куйах* [Слепцов, 1994, с. 74–76, 127]. Эта броня *куйах* напоминает монгольское слово *толь*, обозначающее панцирь и зеркало [МКТ, с. 464]. В «Эллэйаде» есть легенда о шамане Түлүөн ойуун, имеющем бубен, «покрытый волосами» [Ксенофонтов, 1977, с. 168–169]. В словаре эвенкийского языка мы находим термин *толенг* ‘блестящий предмет’, сравнимый с нан., ульч. *тол* ‘медный круг’, монг. *толи* ‘зеркало’ [Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 392–393; далее – ЭРС]. Круглый диск на панцире саха назывался *кун* («солнце»), а эвенские шаманы в горах защищались бубнами от камней, бросаемых враждебными шаманами, видимо, воображая их бронзовыми щитами.

Зооморфные коды богини повитух восходят к культу бабок эпохи палеолита, оставившего статуэтки каменных «венер». Обычно эти идола дородных женщин находили около очага, рядом с черепами медведей, духи которых должны были охранять рожениц. В своде источников о пантеоне богов и духов саха приводится сведение С.И. Боло о богине Юрюнг Адыга Кюбэй Хотун [Алексеев, 2008, с. 179].

Исчезнувшее имя Адыга сопоставимо с др.-тюрк. *адуь*, тув. *адыь*, уйг. *эйик*, узб. *айик*, тур., туркм. *айы* ‘медведь’ (у Махмуда Кашгари *адыь / айыь*) [Щербак, 1961, с. 130]. Древние корни культа повитух *ийэһит* наблюдаются в том, что колымские саха тяжело больных людей заворачивали в шкуру лошади с крыланам на лопатках, точно также, как юкагиры для лечения больных применяли шкуру медведя. Чередование терминов *адыь* и *айыь* с одинаковым значением приемлемо на фоне варианта имени богини *Атыыһыт хаат хотун*, отредактированного на современный лад как *Айыыһыт хаан хотун* [Ойунский, 1962, т. 7, с. 133, 137, 221], а также двойного глагола *изэй туой-* / *изт туот-* ‘причитать’, лежащего в основе имени Изэйэхсит [Ойунский, 1958, т. 2, с. 47]. Это показывает возможность существования варианта *итэһит* (*ийэһит*), восходящего к др.-тюрк. *иди* ‘дух’, ‘хозяин’.

Термин *адыҕ* ‘медведь’ имеет форму ротацизма *адыр* ‘холм, бугор’, ‘возвышенность’, ‘холмистый’, ‘грубый, неуклюжий, неострожный’ (пр. *адыр кісі* ‘грубый человек’) [Казахско-русский словарь, 1936, с. 19; далее – КРС]. Возвышенность, неуклюжесть и дикий нрав подходят для образа медведицы *айыҕ*, превратившейся в богиню-мать Адыга Күбэй хотун, а вершина холма указывает, что тенгризм тюрков сложился при слиянии тотемов с культом гор.

Ийээччи – ‘материнствующий’. В одном *алгысе*, записанном в Кангаласском улусе, есть формула: «*Уордаах сылгыны айааччы, мэннээх обону ийээччи (биэрээччи) Уордаах Дьүһэгэй*» («Творящий грозного коня, дарящий ребёнка с родинкой Грозный Дьүсэгэй») [Ксенофонов, 1921–1925, л. 126–127]. Здесь термин *ийээччи* является синонимом слова *айааччы* ‘творящий’ и имеет один корень с *ирээччи* / *иитээччи* ‘рождающая / воспитывающая’ (ср. с як. *ирэппит ийэ* ‘родная мать’). Ротацизм *ирэ-* можно сопоставить с чув. *ыра* ‘дух’, ‘доброе начало в природе’, ‘доброта’ [Чувашско-русский словарь, 1961, с. 574], каз. *ырым* ‘примета’, ‘обычай’, ‘обряд’ [КРС, с. 264]. Эпитет *ийээччи* божества коневодства подсказывает, что бубен из шкуры дикого жеребца был вторичным и заменил фетиш из шкуры оленихи. Анабарские якуты внутри бубна рисовали красной охрой круг, а внутри круга – солнечного оленя [Комиссия по изучению Якутской АССР..., 1928, л. 437–438]. Термин *ийээччи* доказывает верность гипотезы учёных о том, что в мифологии саха богини проявляли самую большую активность и покровительствовали охоте, войне и деторождению.

Хомноох иһит – ‘сосуд с глубоким дном’. Слово *хомноох* редко употребляется в живом говоре Мегино-Кангаласского улуса, но почему-то не вошло в словари языка саха. По словам стариков, сосуды *хомноох иһит* обладают выпуклым туловом, узким горлом, и к ним относятся кожаные меха и фляги *сири иһит*, кубок *чороон*, ковш *удьаа*. Синонимом словосочетания *хомноох иһит* является *истээх иһит* ‘посуда с широкой полостью’ (ср. с др.-тюрк. *идиш* / *изиш* ‘сосуд’). От корня *хом* происходят як. *хомох* ‘пещера’ (уст.), *хамуос* ‘ковш’, *хамуһун* ‘колдовство’. Более отдалённые параллели присутствуют в персидском языке: *хом* ‘глиняный сосуд’, ‘свод’;

‘большой барабан’, *хомбэк* ‘небольшой бубен с ободком из бронзы или жёлтой меди’ [Персидско-русский словарь, 1970, с. 567, 568].

По семантике пещера *хомох* сближается с тув. *хомду*, хак. *хомды*, як. *хонто* ‘гроб’. Кувшины служили погребальными урнами. Поэтому як. *куорчак* ‘гроб-колода’ связывается с сиб.-тат. *курчак* ‘обод бубна’ и инд. *карчанг* ‘бубен’ [Хинди-русский словарь, 1953, с. 218]. Иранское слово *хом* ‘сосуд’, ‘барабан’ и индусское *карчанг* ‘бубен’ могут являться тюркизмами. Видимо, к сосуду *хом* восходит и эпитет горбоносого божества Хомпоруун Хотой айыы. Согласно мифу саха, сын Хомпоруун Хотоя был спущен на землю под звон медного ведра *алтан солуур*, а Хомпорой айыы носил эпитет Алтан Сабарай («Медный Сосуд»). Отсюда вытекает версия о том, что культ тотема Хомпоруя (ср. с *хампа* ‘охотничий котелок’) появился в бронзовом веке среди военной аристократии ранних кочевников.

На тотемное начало сосуда *хомноох иһит* и пещеры *хомох* указывают эвенкийские термины: *кумуути* ‘набросить на себя одежду’, *хомотыы* / *омоотыы*, *хумэй* ‘медведь’ [ЭРС, с. 220, 485, 495], а также бур. *һамай* ‘бабушка’ [Бурят-монгольско-русский словарь, 1951, с. 644]. Термин *һамай* находит соответствие с тунг.-маньч. *һаман* ‘шаман’. Культ предков саха начинается с имени дочери Омогоя Ньыка Харахсын, которая впервые превратилась в духа *үөр* [Боло, 1929–1936, л. 117]. Имя *Ньыка* является заимствованием из эвенкийского языка. Нерчинские тунгусы медведя называли *няка* ‘добрый’, а амурские тунгусы – *нягняко* ‘небожитель’ [Титов, 2009, с. 97–98, 99]. Если учесть, что в поэтике саха *ньээкэ уйам* означает ‘любимый дом’, ‘родное моё гнездо’, а *харах* является тюркизмом со значением ‘милый’, то можно предположить, что дочь Омогоя превратилась в небесную деву-медведицу, в честь которой поднимали кубок *чороон*.

Удивительно, что в старину русское слово *коммок* обозначало медведя. Вероятно, отсюда происходит и слово *комедия*, в которой греки высмеивали козла. В мифах греков Дионис иногда показывался в облике медведя. Обычай причащения кусочками сердца медведя был распространён среди эвенков и саха. В загадке саха о медведе упоминается горячая руда *болгуо*, лежа-

шая под землёй, а глагол *болгуолаа-* переводится как ‘сбивать в ком’ [Пекарский, 1958, стб. 491–492]. Неслучайно герои эпоса эвенков и саха уходили в подземный мир, превратившись в каплю расплавленного олова или железа.

Аарт-татай – полузабытое слово, обозначающее возглас удивления или страха. В сказке «Улуу Куданса» главный герой выкрикивает это слово, с утра озарённый мыслью о том, что при помощи шамана может изрубить на мелкие куски утреннюю звезду. Старый шаман Чачыгыр Таас против воли богов рубит звезду роговым топором, осколки которой образуют Плеяду [Ойунский, 1958, т. 2, с. 47, 53]. Термин *татай* можно сопоставить с монг. *таатай* ‘приятный’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001, т. 3, с. 169; далее – БАМРС], но значение этого слова не подходит к персоне божества. По данным В.Н. Вербицкого, алтайцы почитали бога Тотой-Паянай. Он считался хозяином грома, молнии и дождя. Киргизы при испуге также восклицали: «О, татай!». По мнению Т.М. Михайлова, у тюрков и монголов культ бога стихий Татай был связан с луной, и его изображением на скалах мог являться жрец с рогатой головой [Дугаров, 1991, с. 251].

В свете этого интересна информация, что у монголов луна считалась хозяином жертвоприношения *эзэн тайлга* [БАМРС, т. 3, с. 180], что лишний раз доказывает важность соблюдения лунного календаря при проведении праздников *Ыһыах*. Аналогичный обряд монголы называют *тахил тавил, тавил, тавилга* ‘почитание’, ‘подношение, пожертвование’ [Там же, с. 172]. Если учесть семейность богов, то Тотой-Паянай может отражать пару из отца-божества и матери-богини. Сравните *татай* с тюрк. *дада* ‘отец’, а *пайана* ‘дух охоты’ с *Бай ана* ‘священная мать’. Монголизированный вариант эпического предка огузов присутствует в образе Дэдэ Коркута, больше известного как Коркут Ата. Шорский миф гласит, что первым *камом* был Атыз («наш отец»), который после смерти земной жены улетел на небо [Дыренкова, 2012, с. 340–341]. В свете этого Аат (Ээт) Татай можно интерпретировать как «Святой отец». Вспомним Эт Эллэй айыы, возведённого в ранг святых предков.

Жертва *тавил* имеет какое-то отношение к каз. *давил* ‘буря’, *давилпаз* ‘охотничий барабан, ударами в который выпугивают дичь из зарос-

лей’ (букв. «бить в давил»)? – В.В.) [КРС, с. 100]. Тюрко-монгольские термины *тавил, давил* напоминают небесных шаманок *Айыы-Аарт тавыхсыт удабаттара*, вооружённых бубнами, покрытыми шерстью, и ложками-кропилами *эбир былаайах*. Они сообщали волю божества судьбы Дылыбаһыт [Слепцов, 1994, с. 54, 98]. В олонхо северных хангаласцев *айыы дабык-сыттара* с золотыми прядями до плеч и серебряными кистями рук имеют берёзовые плети, конские опахала и пучки травы на тороках [Боло, 1940, л. 36–37]. Здесь напомним, что посланцы *айыы* также имели инструмент *дабык*, напоминавший барабан *давилпаз*. Монголизм *тахил (тавил)* повторно появляется в лексике саха в виде названия *Айыы тэҕил ыһыаҕа*. Из этого можно заключить, что дух Эт Эллэй был заключён внутри барабана *табык*, к нему могли обращаться, прося дождь, что сближает его с Аат Татаем.

Ардахтаах кымыс – ‘священный напиток; кубок, накрытый шкурой с головы жеребца’. Слово *ардахтаах* встречается в стихах А.Е. Кулаковского [1946, с. 265]. В словаре оттуда взят пример:

«Аҕам анах ардахтаах
Араҕас илгэ арыытын
Холлоҕос иһит аайы
Холобура суох куттулар».

При этом даётся объяснение термина *ардахтаах*: ‘закисший’, ‘покрытый плесенью’ (о молочной пище) [Толковый словарь якутского языка, 2004, т. I, стб. 555; далее – ТСЯЯ]. Но странно подумать, что саха предпочитали перебродивший *кымыс*. Ключ к разгадке смысла слова *ардах* кроется в як. *аарт / аат / эт* ‘чистый’, ‘священный’, ‘почитаемый’. При этом тюркские термины *ардак* ‘почёт’, *ардакта-* ‘уважать’, ‘любить’, ‘почитать’, ‘прославлять’ производны от глаголов: *арта-* ‘быть достаточным’, ‘жить в изобилии’; *арт-* ‘увеличиваться’, ‘изобилловать’, ‘быть больше, лучше чем другие’ [Севортян, 1974, с. 172–173; 181]. Получается, что *ардахтаах кымыс* должен обозначать почитаемый напиток. Любопытно, что эпитет *Аар* верховного божества саха напоминает казахское слово *аар* ‘честь’, ‘совесть’, ‘самолюбие’ [КРС, с. 29].

В описании праздника Айыы Ыһыаҕа А.А. Саввин приводил единственно упоминае-

мый факт: кубок *кэриэн айах*, наполненный свежим кымысом *саабы*, накрывали шкурой с головы дикого жеребца вместе с ушами и хохолком. Помощник шамана вручал сосуд старцу *аар кырдыаҕас*, независимо от его богатства. При этом парень опускался на правое колено, а левой рукой брал шкуру, на которую ставил кубок [Саввин, 1938–1941, л. 8].

Обряд *арбатыы*, прославляющий духов, могучее дерево *аарыма мас* и можжевельник (горная сосна, кипарис) *ардыиш / артыиш* адресовались предкам (тюрк. *арвак*), требовавшим лучшие дары [Севортян, 1974, с. 182]. Высокие качества лица, носившего титул *арт*, подчёркивает монгольский термин *ардаг* ‘дикий, горячий, необъезженный конь’ [Там же, с. 173]. Автор семантически сравнивает тюрк. *алкыиш* ‘восхваление, пожелание хорошего’ с *арваиш / арвиш*, ‘колдовство’, *арва-* ‘заниматься волшебством’, маньч. *алги-* ‘прославлять’, ‘восходить’, ‘озарять’ (о солнце) [Там же, с. 137–138].

Обряд *арбатыы* должен иметь отношение и к свадебной маске *ардах*, которой верхоянские саха накрывали лицо невесты после её смерти [Саввин, 1939–1940, л. 14, 22]. В этом свете интересно, что шаман с лохматой головой жеребца (*арбах бастаах атыыр ойуун*) носил шапку с ушами и гривой, которую называли шлемом *ытык дуулаҕа* [Саввин, 1937–1940, л. 1]. Видимо, ритуальный кубок *аньах* тоже накрывали шкурой *ардах* (*аннах*), показывая его связь с культом предков. К этому добавим, что и доха шамана *арбаҕас* является иносказательным названием медведя [ТСЯЯ, т. I, с. 539]. При желании термин *арбаҕас* можно разделить на тюрк. *арбах* ‘дух’ и *аас* ‘белый’, что соответствует семантике светлых шаманов *аар табыксыттар*, имевших барабан из шкуры белого жеребца.

Таким образом, мы видим неразрывную связь образов предков с Мировым деревом, Мировой горой, Мировой рекой, в единстве образующих модель Вселенной, в которой все персонажи пантеона и их атрибуты взаимно дополняют и заменяют друг друга. И шаман является не только медиумом, но и выразителем культа предков до девятого поколения, носителем традиций. Именно поэтому светлый шаман руководил церемонией распития напитка, вручая кубок почётным старцам, наиболее близким к сонму божеств *айыы*. Семантическое сходство об-

рядов очищения и волшебства *артыиш* и *арвиш* показывает, что шаман и жрец, по сути, исполняли одни и те же обряды, направленные на благо всего общества.

Литература и источники

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XX – начале XX в. // Этнография и фольклор народов Сибири: избр. тр. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 17–184.

Боло С.И. Фольклорные записи в Таттинском, Мегино-Кангаласском районах. 1929–1936 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 14. Д. 44. 189 л.

Боло С.И. Фольклорные материалы, вошедшие в сборник № 4. 1936 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. 363 л.

Боло С.И. Записи по верованиям якутов бывшего Колымского улуса. 1940 г. // Там же. Д. 438. 37 л.

Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 3. Ө – Ф. / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 440 с.

Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). – М.: Наука, 1991. – 300 с.

Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012 – 408 с.

Жирков Д.Г. Алгысы. 1945 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 734. 9 л.

Казахско-русский словарь / отв. ред. А.Б. Алибаев. – Кызыл-Орда: Каз. изд-во, 1936. – 266 с.

Комиссия по изучению Якутской АССР. Этнографические материалы по Хатанго-Анабарскому отряду, собранные П.В. Слепцовым. 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1075. 695 л.

Ксенофонтов Г.В. Материалы по верованию якутов, описание камлания шаманов и о празднике ысыах. 1921–1925 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. 229 л.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.

Кулаковский А.Е. Стихи и поэмы. – Якутск: Гозиздат ЯАССР, 1946. – 320 с.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды / сост. И.Е. Тугутов, А.И. Тугутов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992 – 368 с.

Монгол-казах толь / сост. Б. Базылхан. – Улаанбаатар: Өлгий; ИЯИЛ АН МНР, 1984. – 887 с.

- Ойунский П.А. Улуу Куданса // Айымньылар. – Т. 2. – Якутск: Кн. изд-во, 1958. – С. 39–86.
- Ойунский П.А. Якутская сказка олонхо, её сюжет и содержание // Айымньылар. – Т. 7. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – С. 128–204.
- Окладников А.П. Олень Золотые Рога: рассказы об охоте за наскальными рисунками. – СПб.: ФФ СПбГУ; Петрополис, 2013. – 192 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1958; Т. 2. – 1959; Т. 3. – 1959. – 3858 стб.
- Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ю.А. Рубинчика. – Т. 1. – М.: Сов. энцикл., 1970. – 784 с.
- Саввин А.А. Материалы по белому шаманству. 1937–1940 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 62. 35 л.
- Саввин А.А. Вераования якутов. 1937–1941 гг. // Там же. Д. 70. 347 л.
- Саввин А.А. Праздник весны «Ысыах» у якутов. 1938–1941 гг. // Там же. Д. 20. 53 л.
- Саввин А.А. Этнографические заметки. 1939–1940 гг. // Там же. Д. 37. 48 л.
- Саввин А.А. Выписки и записи из разных источников по истории и этнографии Якутии. // Там же. Д. 73. 137 л.
- Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: Вост. лит., 2005. – 1053 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюрк. и межтюрк. основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.
- Сем Т.Ю. Тунгусский шаманизм: истоки, символы, ритуалы (статьи, очерки, доклады) // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т. Т. 2; 2-е изд., испр., доп. / сост. Т.Ю. Сем. – СПб.: ФФ СПбГУ; Нестор-История, 2011. – С. 269–456.
- Сем Т.Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: XIX–XX вв. (Типология и семантика образов) / отв. ред. Т.П. Роон, М.М. Прокофьев. – Южно-Сахалинск: Сахалинский обл. краевед. музей, 2013. – 240 с.
- Слепцов Д.М. Көтөр Мүлгүн (биир үйэлээх олонхо) – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 127 с.
- Титов Е.И. Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода // Из глубины веков... Путешественники, исследователи об эвенках: хрестоматия. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2009. – С. 94–108.
- Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. I. (Буква А) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
- Хинди-русский словарь / сост. В.М. Бескровный. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 1224 с.
- Чувашско-русский словарь / под ред. М.Я. Сироткина. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 630 с.
- Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 82–172.
- Эвенкийско-русский словарь / сост. Г.М. Василевич. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 803 с.

V.E. Vasilyev

Shamanism Terms not Listed in the “Yakut Language Dictionary” (Myth-Religious and Semantic-Etymological Parallels)

In this article, the readers are offered half-forgotten words from the vocabulary of shamanism of the Sakha people. These terms, introduced by us into scientific use, are important in the sense that they can bring some clarity to the questions about the time of shamans and their religious practices. It is known that archaic symbols are the basis of many modern rituals, the sacred meaning of which is sometimes lost. In order to restore the forgotten religious terms, it is necessary to apply a comprehensive analysis that combines the materials of Ethnography, linguistics, semiotics and folklore. Etymological and semantic parallels of terms give reason to assert that shamanism has common origins among all peoples of the Altai language family. Here we give the terms, which together are united by the archaic cult of goddesses-mothers and fertility, clearly traced in the shamanism of the peoples of Siberia and Central Asia.

Keywords: Sakha, Turks, Mongols, shamanism, shaman, myths, rituals, ancestors, deities, images, terms, semantics, etymology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов Егор Петрович – к.и.н., доцент, в.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИ и ПМНС СО РАН, antegor@yandex.ru

Астахова Ирина Сергеевна – м.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, Irasta@list.ru

Багдарыын Ньургун Сүлбэ уола – к.ф.н., н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, bagdaryyn@yandex.ru

Боякова Сардана Ильинична – д.и.н., г.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, boyakova@mail.ru

Васильев Валерий Егорович – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, valera305@mail.ru

Григорьев Степан Алексеевич – к.и.н., н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, detample@yandex.ru

Жукова Людмила Николаевна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Константинова Татьяна Николаевна – м.н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, kotango@yandex.ru

Лепов Валерий Валерьевич – д.т.н., зам. директора по научной работе ИФТПС им. В.П. Ларионова СО РАН, профессор кафедры философии ЯНЦ СО РАН, действительный член АН РС(Я), filosofia@prez.ysn.ru

Махаров Егор Михайлович – д.филос.н., профессор, академик АН РС(Я), заведующий кафедрой философии ЯНЦ СО РАН, filosofia@prez.ysn.ru

Миронов Дмитрий Николаевич – д.ю.н., профессор-исследователь кафедры конституционного и муниципального права СВФУ им. М.К. Аммосова, chairman_ks@mail.ru

Монастырёв Владимир Дмитриевич – к.ф.н., в.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, dimamon92@mail.ru

Новоприезжий Александр Олегович – студент 4 курса исторического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова, novopr170697@mail.ru

Покатилова Надежда Володаровна – д.ф.н., в.н.с. отдела фольклора и литературы ИГИиПМНС СО РАН, pnv_yusu@mail.ru

Попов Владимир Гаврильевич – м.н.с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, monalk@mail.ru, monalk@mail.ru

Румянцева Лена Иннокентьевна – к.ф.н., доцент кафедры русской литературы XX века и теории литературы ФЛФ СВФУ им. М.К. Аммосова, Rumlena162@mail.ru

Серээдар Надежда Чылбаковна – к.ф.н., в.н.с., зав. сектором языка и монголоведения Тувинского института гуманитарных, прикладных и социально-экономических исследований, sereedar.62@mail.ru

Толстых Геннадий Владимирович – д.и.н., руководитель отдела развития социально-трудовой сферы Арктического научно-исследовательского центра Академии наук Республики Саха (Якутия), gtv131971@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна – н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики ИГИиПМНС СО РАН, algero@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГИиПМНС СО РАН, voma@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Antonov Egor Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, antegor@yandex.ru

Astakhova Irina Sergeevna – Research Fellow of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Irasta@list.ru

Bagdaryyn Nyurgun Sulbe uola – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, bagdaryyn@yandex.ru

Boyakova Sardana Ilinichna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of History and Ethnosociology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, boyakova@mail.ru

Vasilyev Valery Egorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Arctic of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera305@mail.ru

Grigoryev Stepan Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, detample@yandex.ru

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, zjukova@mail.ru

Konstantinova Tatyana Nikolaevna – Research Fellow of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, kotango@yandex.ru

Lepov Valery Valerevich – Doctor of Technical Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Physical and Technical Problems of the North named after V.P. Larionov, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Professor of the Department of Philosophy, Yakut Scientific Center of the Russian Academy of Science, Siberian Branch, the member of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), filosofia@prez.ysn.ru

Makharov Egor Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), the Head of the Department of Philosophy of the Yakut Scientific Center of the Russian Academy of Science, Siberian Branch, filosofia@prez.ysn.ru

Mironov Dmitry Nikolaevich – Doctor of Law, Professor-Researcher of the Department of Constitutional and Municipal Law, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, chairman_ks@mail.ru

Monastyrov Vladimir Dmitrievich – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, dimamon92@mail.ru

Novoprietzhiy Alexander Olegovich – the 4-year student of the Faculty of History of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, novopr170697@mail.ru

Pokatilova Nadezhda Volodarovna – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, pnv_ysu@mail.ru

---

Popov Vladimir Gavrilovich – Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian, monalk@mail.ru

Rumyantseva Lena Innokentevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Literature of the 20th Century and Literary Theory, the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Rumlena162@mail.ru

Cereedar Nadezhda Chylbakovna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, the Head of Department of Language and Mongolian Studies of the Tuva Institute of Humanitarian, Applied and Social-Economic Research, sereedar.62@mail.ru

Tolstykh Gennady Vladimirovich – Doctor of History, Head of the Department for the Development of the Social and Labor Sphere of the Arctic Research Center of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), gtv131971@mail.ru

Tomaska Alena Georgievna – Research Fellow of the Department of History and Ethnosociology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian, algepo@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasilievich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, voma@mail.ru

---

**Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»**

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–36 страницы (20000–60000 знаков). Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – не менее 2 см, справа – не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. В заголовке "Аннотации" сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписи под рисунками не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка. На полях рукописи должны быть указаны места желательного размещения иллюстраций.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Библиографическое описание публикации в списке литературы включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Необходимо дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи указывается индекс УДК, а также присваивается номер DOI (Digital object identifier – идентификатор цифрового объекта), который позволяет безошибочно находить произведение в сети Интернет.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 307. 8(4112) 36–49–67

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70425 от 20 июля 2017 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 13.12.2018. Дата выхода в свет 25.12.2018

Формат 60х90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.18,25. Уч.-изд. л. 16,06. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
